

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<http://sthb.petrso.ru/>

№ 1(8). Июнь, 2017

Главный редактор

Ю. М. Килин

Редакционный совет

В. Вамбхейм
Н. В. Дранникова
Ю. Корпела
К. Кроо
И. И. Муллонен
А. Л. Топорков
М. Юнгрен

Редакционная коллегия

В. Н. Захаров
В. А. Исаков
А. А. Котов
С. М. Лойтер
Л. П. Михайлова
А. М. Пашков
А. В. Рожкова
И. Р. Такала
С. Н. Чернов
И. А. Чернякова
Н. Г. Шарапенкова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.

E-mail: studhbor@petrso.ru

<http://sthb.petrso.ru/>

Содержание № 1. 2017.

ИСТОРИЯ

- Раунио А. **Военное сотрудничество Финляндии и Германии в 1940—1942 гг. (перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)** 4 - 30

ПОЛИТОЛОГИЯ

- Цумарова Е. Ю. **Моногорода как объект государственного регулирования: обзор международного и российского опыта** 31 - 42
- Килин Ю. М. **Реформа финской высшей школы в оценке общественного мнения Финляндии** 43 - 50

Рецензии

- Смирнова А. А. **РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: CHILDHOOD AND DISABILITY IN THE NORDIC COUNTRIES: BEING, BECOMING, BELONGING, ED. BY R. TRAUSTADOTTIR, B. YTTERHUS, S. T. EGILSON AND B. BERG. N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 264 P. («ДЕТСТВО И ИНВАЛИДНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ» ПОД РЕД. Р. ТРАУСТАДОТТИР, Б. УТТЕРХЮС, С. Т. ЭГИЛЬСОН И Б. БЕРГ)** 51 - 56
- Серова Е. **Рецензия на кн.: Standard Setting in Education: The Nordic Countries in an International Perspective / Ed. by S. Blömeke, J. Gustafsson. Cham: Springer, 2017. 339 p. (Стандартизация образования: страны Северной Европы в международной перспективе / под ред. З. Блёмекке, Я. Густафссона)** 57 - 62
- Килин Ю. М. **Рецензия на кн: Ranki S. Strateginen johtaminen suomalaisissa korkeakouluissa (Стратегическое управление в вузах Финляндии). 2016.** 63 - 72

УДК 94 (4) “1939/45”

Военное сотрудничество Финляндии и Германии в 1940—1942 гг. (перевод с фин. яз. Ю. М. Килин)

РАУНИО

Ари

магистр политологии,

г.

Хельсинки, Финляндия, ari.raunio@kolumbus.fi

Ключевые слова:

Вторая мировая война
война-продолжение
военное сотрудничество Финляндии
и Германии в 1941—1942 гг

Аннотация:

Во второй мировой войне Финляндия и СССР дважды воевали друг с другом. Первым 30 ноября 1939 г. войну начал Советский Союз. Война завершилась мирным договором, заключенным в Москве 12 марта 1940 г. и вступившим в силу на следующий день. В Финляндии эта война получила название зимней войны. Вторую войну начала Финляндия 25 июня 1941 г. Получившая в Финляндии название война-продолжение закончилась 19 сентября 1944 г. подписанием Соглашения о перемирии, условия которого были закреплены подписанным в Париже в 1947 г. мирным договором.

Целью Финляндии в войне-продолжении было возвращение своих территорий, утраченных по итогам зимней войны и захват населенной карелами территории советской Карелии. Такие же цели преследовал и Советский Союз, образовавший в конце марта 1940 г. Карело-Финскую ССР, в которую были включены перешедшие от Финляндии территории.

После зимней войны Великобритания, Германия и СССР стремились поддерживать отношения с «независимой» Финляндией. Германия и СССР вынашивали собственные планы в отношении Финляндии, Великобритания же стремилась предотвратить рост германского влияния в стране.

Финляндия выбрала предложенную Германией военную помощь, ценой которой стала наступательная война против СССР. Государственные и военные руководители Финляндии верили в скорую победу германской армии. В период войны Финляндия и Германия не заключали межгосударственные или военные соглашения о военном сотрудничестве. Его отправной точкой стали договоренности, достигнутые в ходе переговоров между представителями генеральных штабов в мае—июне 1941 г. Отвергнув сделанное германской стороной Маннергейму предложение стать главнокомандующим всеми войсками в Финляндии, включая немецкие, Финляндия смогла сохранить за собой свободу действий в ведении войны. Военное руководство Германии не могло отдавать приказы Главной ставке финской армии. Координация военных операций основывалась на сотрудничестве. В ответ на возраставшие немецкие требования Маннергейм указывал на недостаточность своих полномочий. Он часто вел переговоры с руководителями государства.

Известно, что в 1941 г. финско-германское военное

сотрудничество в основном реализовывалось на ленинградском и свирском направлениях, а также в зоне ответственности немецкой армии на севере Финляндии. Финны не дали согласия на продолжение наступления на Карельском перешейке в направлении Ленинграда и в южном направлении вдоль Ладожского озера с р. Свирь. Различные этапы переговоров и нереализованные планы сторон могут быть установлены лишь на основе архивных источников. Это, а также изучение операций немецких войск позволит дополнить картину координации немецких и финских войск в военных действиях.

В декабре 1941 г. завершился наступательный этап войны. После этого началась позиционная война, продолжавшаяся до лета 1944 г. В конце осени 1941 г. стороны приступили к координации планов на 1942 г. Условием участия Финляндии в наступательных действиях в 1942 г. было решение немцами проблемы Ленинграда, что ими так и не было сделано. После декабря 1941 г. финская армия не проводила оперативные наступления за исключением овладения островом Гогланд в конце марта 1942 г.

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 17 декабря 2017 года

Во второй мировой войне Финляндия и СССР дважды воевали друг с другом. Первым 30 ноября 1939 г. войну начал Советский Союз. Война завершилась мирным договором, заключенным в Москве 12 марта 1940 г. и вступившим в силу на следующий день. В Финляндии эта война получила название зимней войны.

По условиям Московского мирного договора Финляндия вынуждена была передать СССР более 10% своей территории, из которой наиболее населенным был Карельский перешеек с городами Выборг и Кякисалми. Накануне войны Выборг был вторым после столицы по численности населения городом страны, несколько превосходя по этому показателю Турку и Тампере. Кроме того, Финляндия передавала СССР полуостров Ханко для использования его в качестве военно-морской базы. По условиям мирного договора все население Ханко эвакуировалось с полуострова. В свою очередь, практически все население переданных СССР территорий эвакуировалось во внутренние районы Финляндии. На сократившуюся на одну десятую часть территорию страны прибыло 420 тыс. беженцев, что составляло почти 12% населения страны по состоянию на 1939 г.

В связи с начавшейся 22 июня 1941 г. операцией «Барбаросса» летом 1941 г. с территории Финляндии началось наступление вглубь СССР. В конце июня – начале июля 1941 г. из Северной Финляндии в наступление перешла немецкая армия «Норвегия», в подчинении которой действовал финский армейский корпус. Общее наступление подчиненных Главной ставке основных сил финской армии началось 10 июля.

25 июня советская авиация нанесла бомбовый удар по финским городам, что было использовано Финляндией как формальный предлог для вступления в войну. Выступивший в тот же день в парламенте страны премьер-министр Ю. Рангелль констатировал, что Финляндия вновь находится в состоянии войны с СССР. В Финляндии эту войну считали продолжением зимней войны, назвав ее войной-продолжением. Война завершилась 19 сентября 1944 г. после вступления в силу перемирия. Условия соглашения о перемирии в основном соответствовали условиям Московского мирного договора. СССР дополнительно передавался район Печенги (Петсамо). Вместо полуострова Ханко в аренду СССР был передан район Порккала-Удд. Заключенный в Париже в 1947 г. мирный договор по своему содержанию соответствовал условиям соглашения о перемирии 1944 г.

Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и Великая Финляндия

В войне-продолжении Финляндия и СССР преследовали похожую цель – объединение Финляндии и т.н. советской Карелии. После окончания зимней войны, 31 марта 1940 г., Верховный Совет СССР принял решение о создании Карело-Финской ССР, в состав которой вошла большая часть территории,

переданной Финляндией СССР. Незадолго до этого решения финский язык получил официальный статус на территории советской Карелии. Официальные документы должны были составляться на русском и финском языках. В Петрозаводске создавался государственный университет с финским языком преподавания. С 10 апреля 1940 г. начиналось издание республиканской газеты на финском языке. Радиопередачи радиостанции в Петрозаводске были частью направленной против Финляндии пропаганды [38; 185—186].

Целью Финляндии в войне было возвращение утраченных по итогам зимней войны территорий и захват населенных родственными финнам карелами Северной и Южной Карелии. Эта цель была провозглашена в приказе главнокомандующего финской армией маршала К. Г. Маннергейма, объявленном войскам 10 июля и обнародованном на следующий день в газетах и по радио. Политическое руководство Финляндии дистанцировалось от этого приказа.

Зимняя война

Финляндия объявила о своей независимости 6 декабря 1917 г., еще в ходе первой мировой войны. До второй мировой войны в финском военном планировании СССР рассматривался как единственный возможный противник. В Финляндии считали, что советское государство будет стремиться к возвращению к границам Российской империи. Основной задачей вооруженных сил Финляндии в возможной войне с Советским Союзом было выиграть время, необходимое для поступления на фронт западной военной помощи.

После первой мировой войны и все другие европейские страны считали преемника имперской России, возглавлявшийся лидером ВКП(б) И. Сталиным, Советский Союз главной угрозой своей безопасности. После прихода А. Гитлера к власти в Германии в 1933 г. нацистское государство заняло место СССР как главный источник угрозы миру накануне второй мировой войны. Летом 1939 г. Великобритания и Франция предоставили Польше гарантии военной помощи.

СССР и Германия договорились о разделе сфер влияния в Европе в приложенном к договору о ненападении секретном протоколе, подписанном 23 августа 1939 г. Договор подписали народный комиссар иностранных дел СССР В. Молотов и министр иностранных дел Германии Й. фон Риббентроп. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. 3 сентября Великобритания и Франция объявили Германии войну. 17 сентября Советский Союз начал продвижение в восточной Польше. Западные союзники не стали объявлять войну СССР.

После нападения СССР на Финляндию 30 ноября 1939 г. общественное мнение в Великобритании и Франции требовало оказания помощи Финляндии, однако западные союзники не желали быть вовлеченными в войну с Советским Союзом из-за Финляндии. По мере затягивания войны высший военный совет союзников 5 февраля принял решение об оказании Финляндии военной помощи.

Первоочередной целью союзных экспедиционных сил было овладение железорудными месторождениями в районе шведской Кируны для воспрепятствования снабжению важной для военной промышленности Германии железной рудой из Швеции. Согласно плану операции, экспедиционные силы сначала прибывали в Северную Норвегию морем и затем по железной дороге из Нарвика в Финляндию [48; 141—142].

Швеция и Норвегия не дали западным союзникам разрешения на транзит войск через свою территорию. Великобритания и Франция не считали это препятствием для отправки экспедиционных сил, и были готовы при необходимости использовать силу для обеспечения транзита своих войск. Условием для проведения этой операции было получение от Финляндии официальной просьбы о помощи.

Сталин не желал войны с западными государствами и предложил Финляндии мир на тяжелых условиях. Красная Армия к этому времени добивалась перевеса на основных фронтах. В Финляндии считали, что западная помощь придет слишком поздно и будет недостаточной. Поэтому она не обратилась к союзникам с просьбой о помощи, приняв предложенные СССР тяжелые условия мира, и подписав 13 марта в Москве мирный договор, означавший, по мнению западных союзников, капитуляцию Финляндии [42; 13].

После зимней войны Финляндия стремилась обеспечить свою безопасность в случае нападения СССР

На завершающем этапе переговоров с СССР в марте 1940 г. Финляндия пыталась обеспечить свою безопасность в союзе со своими западными соседями, считая, что оборонительный союз Северных стран значительно уменьшит угрозу новой войны. Планы формирования оборонительного союза еще в самом

зародыше были торпедированы статьей в газете «Правда», опубликованной 14 марта 1940 г. Через неделю нарком иностранных дел СССР Молотов заявил финским представителям, прибывшим для обмена ратификационными грамотами, что участие Финляндии в Северном оборонительном союзе противоречило бы мирному договору и нарушало нейтралитет Швеции и Норвегии [51; 58—59].

Несмотря на окончание зимней войны, войска западных союзников в апреле 1940 г. высадились в Северной Норвегии. Одновременно Германия начала наступательные операции в Дании и Норвегии. После начала наступления немецких войск на западном фронте в мае 1940 г. войска союзников, которые вели боевые действия в северной Норвегии, были эвакуированы. После этого Финляндия не могла рассчитывать на военную помощь Великобритании. В июне 1940 г. Германия завершила оккупацию норвежского Финнмарка, самого северного региона страны. На этом этапе воевавшая в одиночку против Германии Великобритания попыталась вступить в более тесное сотрудничество с СССР, временно не преуспев в этом.

Финляндия пыталась выяснить отношение Германии и Швеции к оказанию ей помощи в случае возможной войны. Во второй половине июля 1940 г. шведский премьер-министр Ханссон заявил финскому послу Финляндии в Швеции Я. Васаштерну, что Швеция не предоставит прямой военной поддержки Финляндии. В августе того же года шведский министр иностранных дел Гюнтер заявил, что из-за позиции Германии Швеция вряд ли сможет оказать помощь большую, чем во время зимней войны. На зондаж Финляндии относительно политической и военной помощи со стороны Германии по различным каналам поначалу были получены лишь отрицательные ответы.

Германия начала оказывать помощь Финляндии летом 1940 г.

Во время зимней войны Германия отвергла все просьбы Финляндии о помощи, выполняя свои обязательства в соответствии с заключенным в августе 1939 г. соглашением с СССР о разделе сфер влияния, закрепленном в секретных протоколах.

Холодное отношение Германии к Финляндии стало меняться в начале лета 1940 г. Первые признаки этого сначала появились в сфере торговой политики. В мае 1940 г. чрезвычайный посланник Германии Карл Шнурре встретился с премьер-министром Ристо Рюти, сообщив ему об ухудшении советско-германских отношений, хотя это и не означало, по мнению Шнурре, непосредственной угрозы войны [1] [44; 44, 41; 24—26]. Тогда же благоприятное для Финляндии изменение «направления ветра» было замечено и участниками финской торговой делегации. В ходе переговоров в Берлине в июне 1940 г. Германия подтвердила закупки никеля, добывавшегося в районе Петсамо. Формальное соглашение о поставках никеля между ИГ «Фарбениндустри» и фирмой «Никель» был подписан в Берлине в июле 1940 г.

Правительство Великобритании отвергло предложение Гитлера о мире, выдвинутое им в ходе выступления в рейхстаге 19 июля. В конце июля Великобритания ввела в Европе военно-морскую блокаду, жестко контролируя грузы в портах отправления, в том числе в Финляндии. По мнению министерства военной экономики Великобритании, германский экспорт через порт Петсамо в Швецию и Финляндию усиливал Германию. Действия англичан вынудили финское правительство еще в мае 1940 г. ввести карточное распределение хлебопродуктов, вскоре после этого из свободной продажи убрали масло, а в ноябре — ввели карточки на мясoproдукты [51; 74].

31 июля 1940 г. рейхсканцлер Германии А. Гитлер дал указание генеральному штабу вермахта (Oberkommando der Wehrmacht) начать подготовку к войне на восточном направлении. Через две недели маршал Г. Геринг на встрече высших руководителей германской военной промышленности сообщил о решении фюрера не позволить СССР поставить под контроль Финляндию, которой Германия должна была незамедлительно продать крупные партии военного имущества. В качестве ответного шага финны должны были разрешить транзит по своей территории для немецкой группировки, дислоцированной в Северной Норвегии [32].

Интерес Гитлера к Финляндии вызывался Балтийским морем и Петсамо. По Балтийскому морю осуществлялись морские перевозки железной руды из Северной Швеции в Германию. В Петсамо начинал добычу руды крупный никелевый рудник, продукция которого была необходима для военной промышленности Германии. 26 августа 1940 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер сделал запись о необходимости занятия района Петсамо в случае нападения СССР на Финляндию [1, запись сделана 26.8.1940].

Для переговоров с Маннергеймом в Финляндию был направлен подполковник в отставке Й. Вельтьенс. Встреча состоялась вечером 18 августа, и уже на следующий день Вельтьенс получил положительный ответ на предложения Германии, подготовленный К. Г. Маннергеймом, премьер-министром Р. Рюти, министром обороны Р. Вальденом и министром иностранных дел

Р. Виттингом [36; 230—231]. Доверенное лицо Маннергейма генерал-майор запаса П. Талвела отметил в своем дневнике 21 августа: «На обеде с Маршалом обсуждали ситуацию. Теперь мы оказались вместе с Германией, Германией, которую Маршал все же не любит. Эта неделя стала для Финляндии судьбоносной. Тогда наша дорога сделала поворот в сторону Германии. Однако это единственная сила, которая может спасти нас от угрозы с востока [49]» [2].

Первые германские суда с солдатами и военными материалами для Финляндии прибыли в порт г. Вааса 21—22 сентября. Министр внутренних дел Финляндии Э. фон Борн не был осведомлен об этом, и не смог ответить на запрос начальника полиции г. Вааса, просившего дать указания в связи с прибытием немецких судов. Формальная сторона дела была урегулирована лишь 22 сентября взаимным обменом нотами. В ноябре было подписано официальное соглашение о транзите [32; 99].

Великобритания потребовала от Финляндии сохранить независимость

Германия довела до сведения СССР, своего партнера по соглашению 23 августа 1939 г., неполную информацию о транзите. 26 сентября посол Великобритании в Хельсинки передал ноту финскому правительству с осуждением германского транзита. Вскоре после этого Великобритания временно прекратила выдачу разрешений на заход судов в Петсамо. Выдачу разрешений англичане пообещали возобновить в ноябре, после выполнения Финляндией некоторых условий, главным из которых было полное сохранение ею «действительной независимости». Об этом вскоре была достигнута договоренность, после чего Великобритания возобновила выдачу разрешений на заход судов в Петсамо [42; 72].

В ноябре премьер-министр Рюти разъяснил британскому послу положение Финляндии и ситуацию с транзитом, заявив о стремлении Финляндии сохранить свой нейтралитет. Финляндия была вынуждена уступить требованиям СССР, чтобы избежать нападения или еще одного раздела Финляндии СССР и Германией. Дальнейшее усиление войны Германии и Великобритании могло, по мнению Рюти, спровоцировать нападение СССР на Финляндию [42; 73].

В ноябре 1940 г. нарком иностранных дел СССР Молотов совершил поездку в Берлин. В ходе переговоров Молотов, ссылаясь на заключенный в августе 1939 г. договор, заявил о желании СССР решить финский вопрос. В ответ на это Гитлер заявил, что Германия не желает войны на Севере, которая осложнила бы отношения между Германией и СССР [1].

В Финляндии поездка Молотова в Берлин вызвала озабоченность, здесь опасались, что Германия и Советский Союз могут достичь договоренности в касающихся ее делах. Германия успокоила Финляндию. Прибывший в Финляндию подполковник Вельтценс проинформировал Маннергейма о переговорах, сообщив, что «Гитлер раскрыл над Финляндией зонтик», и военная угроза со стороны СССР перестала существовать. Финляндии, тем не менее, не следовало раздражать СССР [43; 238].

В конце осени президент Каллио подал в отставку по состоянию здоровья. По решению парламента выборщики 1937 г. избрали президента до истечения срока президентства Каллио. Выборы были проведены 19 декабря 1940 г., в результате голосования, набрав 288 голосов, президентом был избран Р. Рюти. До выборов, 6 декабря, Молотов сообщил финскому послу в Москве Ю. К. Паасикиви о неприемлемости для Советского Союза кандидатур Таннера, Кивимяки, Маннергейма и Свинхувуда.

Германия и СССР желали сотрудничать только с «независимой» Финляндией

В декабре 1940 г. Маннергейм уже в четвертый раз отправил в Берлин генерал-майора запаса Талвела [32; 102—104], который в предыдущих поездках не смог добиться встречи с высшим руководством Германии. С собой у Талвела имелся подготовленный им меморандум, который, как он заявлял, был одобрен Маннергеймом. В меморандуме подчеркивалось значение Финляндии для Германии. Для обеспечения безопасности Финляндии немцам предлагалось взять на себя оборону района Петсамо. В меморандуме также содержалось пожелание, чтобы Германия оказала давление на шведов с тем, чтобы Швеция взяла на себя обеспечение безопасности других территорий на севере Финляндии. За оборону южной части Финляндия отвечала самостоятельно. На море Финляндия обеспечивала оборону Аландских островов совместно со Швецией, выражая готовность при необходимости передать ответственность за оборону архипелага Германии. Военная ценность Финляндии в меморандуме подчеркивалась тем, что Финляндия в ходе зимней войны смогла сдержать 45 дивизий Красной Армии.

Наконец, 18 декабря 1940 г. Талвела встретился с Герингом, зачитав ему свой меморандум, в котором Швеция также рассматривалась как гарант безопасности Финляндии. В текущей ситуации без поддержки Германии Швеция была единственной опорой Финляндии. Из-за возражений СССР союз со Швецией был невозможен. Финляндия вела переговоры со Швецией об общей внешней и оборонной политике, стремясь тем самым к личной унии. Талвела выразил желание выслушать мнение Геринга об

этой инициативе, который сразу же заявил об отрицательном отношении к ней. На следующий день Геринг вновь встретился с Талвела, рассказав ему о своем разговоре с Гитлером по финскому вопросу. Германия хотела бы сотрудничать лишь с независимой и сильной Финляндией. Судьба шведской «провинции» была ей безразлична. За две недели до этого в беседе с Паасикиви Молотов отверг идею личной унии между Швецией и Финляндией как противоречащую Московскому мирному договору. СССР также хотел сотрудничать лишь с независимой Финляндией.

За два дня до беседы с Герингом Талвела встретился с начальником Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковником Францем Гальдером, задавшим несколько вопросов, на которые должен был ответить Генеральный штаб финской армии. Среди прочего, вопросы касались боевого состава финской армии, сроков проведения мобилизации и времени, необходимом для сосредоточения войск у восточной границы. Характер вопросов указывал на то, что Гальдер хотел иметь представление о готовности Финляндии к ведению наступательных действий, в то время как Финляндия изначально надеялась на помощь Германии в ведении оборонительной войны против СССР [1].

Наступательная война стала ценой военной помощи Германии

Вступивший 16 мая 1940 г. в должность начальника Генерального штаба финской армии генерал-лейтенант Эрик Хейнрикс провел встречу с генерал-полковником Гальдером в Германии 30 января 1941 г. В ходе переговоров Хейнрикс дал ответы на вопросы Гальдера, заданные во время встречи с Талвела. Срок мобилизации финской армии составлял 5 суток, после чего требовалось еще 5 суток для сосредоточения войск на восточной границе.

Хейнрикс заявил о том, что Финляндия опасается нападения СССР, которое может произойти еще до начала войны между Германией и СССР. В своем дневнике Гальдер сделал отметку о способности финнов сосредоточить на фронте южнее Ладожского озера 5 пехотных дивизий и в северной части страны — 3 дивизии. Финляндия выражала надежду на то, что на севере Германия сможет обеспечить оборону по меньшей мере района Петсамо [1, 43; 267—268].

Итак, Финляндия получала гарантии безопасности со стороны Германии, но их ценой, казалось, была новая война против СССР. Теперь вместе с Германией. Этот выбор тогда не казался неприемлемым. Финский военный атташе в Берлине полковник Вальтер Хорн сделал запись в своем дневнике: «31.1.41. Знаменательный день в истории Финляндии. Пока не могу доверить этой бумаге все секреты...» [31].

Весной 1941 г. Финляндия одобрила вербовку добровольцев из числа своих граждан в Ваффен СС-Нордланд. Отношение финского военного руководства к этому решению было негативным. В дневнике Гальдера имеется запись, сделанная 3 апреля 1941 г., о полученных из Финляндии сведениях о негативном отношении к вербовке добровольцев. Финны предпочитали бы формирование финского егерского батальона по образцу 27-го Королевского прусского егерского батальона, который действовал в Первой мировой войне [1]. К. Г. Маннергейм, главнокомандующий финскими войсками в 1918 г., уже в начале июне 1941 г. распорядился, чтобы финские представители в Германии потребовали в ходе переговоров возвращения добровольцев, в которых нуждалась финская армия военного времени.

Германия поддержала Финляндию в споре о Петсамо

Во время поездки Хейнрикса в Германию возник кризис между военным и политическим руководством Финляндии. В конце января 1941 г. конфликт между СССР и Финляндией по проблеме никеля в районе Петсамо достиг кульминации. СССР угрожал в следующий раз представить свои требования в форме ультиматума. 23 января Маннергейм предложил провести частичную мобилизацию. Президент Ристо Рюти и премьер-министр Юкка Рангель отвергли это предложение. В первой половине февраля Маннергейм подал прошение об отставке, которое, впрочем, впоследствии отозвал по просьбе Рюти [43; 269].

В феврале Германия стала более открыто поддерживать Финляндию в спорных вопросах, касавшихся никеля Петсамо. 10 февраля германский посол в СССР Фридрих фон Шуленбург передал Молотову требования Германии. Одним из них было требование к СССР принимать во внимание начавшееся предыдущей весной сотрудничество между Германией и Финляндией в районе Петсамо. Уже в марте посол Финляндии в СССР Юхо Кусти Паасикиви отметил смягчение советских требований [43; 270].

Приветы, привезенные Хейнриksom из Берлина, вызвали чувство облегчения в военном и политическом руководстве Финляндии. Зимой и весной 1941 г. участились поездки немецких военных в Финляндию. Тем не менее, доверие финнов к немцам ослаблялось в связи с задержкой начала официальных переговоров и циркулировавшими в мире слухами. Не обманывает ли вновь Германия

Финляндию? Причиной задержки были военные действия Германии на Балканах, которые должны были завершиться до начала наступления на востоке. Начало операции «Барбаросса» было перенесено с мая на июнь. 7 апреля командующий сухопутными силами Германии фельдмаршал фон Браухич принял решение перенести начало операции «Барбаросса» на 4–6 недель из-за ситуации в Югославии [1, запись датирована 7.4.1941].

В соответствии с графиком мероприятий, внесенным Гальдером в свой дневник 12 февраля 1941 г., переговоры о координации военных действий с Финляндией должны были начаться в марте. В соответствии с графиком, поэтапная мобилизация финской армии военного времени должна была начаться в конце апреля, а мобилизация всей армии — в середине мая. В это же время немцы должны были оккупировать Аландские острова, что давало Финляндии повод для проведения мобилизации [1, запись датирована 12.2.1941].

Гитлер хотел включить Мурманск в перечень целей операции

Главкомандование сухопутных сил вермахта, ОКХ (*Oberkommando des Heeres*, ОКН), возражало против проведения масштабных операций на северном участке фронта [33; 219–233]. В планах ОКХ проведение наступательных операций предусматривалось лишь на фронте от Финского залива до Черного моря. Оперативное планирование проводилось также собственным штабом Гитлера, Верховным главнокомандованием вермахта, ОКВ (*Oberkommando des Wehrmacht*, ОКВ). Никель был важен для военной промышленности Германии. Производство этого ценного металла в районе Петсамо еще только начиналось. Захват никелевых рудников был минимальным требованием. Гитлер также считал важным наступление на Мурманск, учитывая опыт первой мировой войны, в ходе которой западные союзники осуществляли поставки в Российскую империю по железной дороге, связывавшей незамерзающий порт с центром страны.

За составление оперативных планов на северном направлении отвечала подчиненная ОКВ армия «Норвегия» (*Armee Oberkommando Norwegen*, АОК Норвегия). На этапе составления планов операций штаб ОКВ отвечал в целом и за все финское направление. ОКХ относился к наступлению на мурманском направлении с осторожностью. Гальдер считал планируемую операцию на Крайнем Севере скорее военной экспедицией, чем полноценными военными действиями. В своем дневнике он жалеет немецкие войска, которым придется наступать на территории, прилегающей к Ледовитому океану [1, запись датирована 14.5.1941].

Командующий армией «Норвегия» генерал-полковник Николаус фон Фалькенхорст представил план операции также в Генеральном штабе сухопутных войск. В декабре 1940 г. Фалькенхорст доложил Гальдеру о планировавшемся наступлении армии «Норвегия» силами четырех дивизий с территории Финляндии против СССР. Командовать операцией должен был командир горного корпуса генерал горных войск Эдуард Дитль [1, запись датирована 7.12.1940].

В марте начальник штаба армии «Норвегия» полковник Эрих Бушенхаген встретился с Гальдером. По итогам встречи Гальдер сделал запись в своем дневнике о возможности выделения для наступления с территории Северной Финляндии не более половины дивизий армии. Остальные силы были необходимы для защиты побережья Норвегии. На мурманском направлении предполагалось задействовать две горные дивизии, на направлении Рованиеми — Кандалакша — одну финскую и одну немецкую дивизию. Германия высказала пожелание, чтобы финны овладели советской военно-морской базой на полуострове Ханко [1, запись датирована 17.3.1941].

Маннергейм отказался возглавить все войска на финском участке фронта

На мурманском направлении складывалась специфическая ситуация с управлением войсками. Зимой—весной 1941 г. в ОКХ размышляли об организации управления войсками на участке фронта севернее Финского залива. Первая запись по этому вопросу была сделана Гальдером в дневнике 16 января 1941 г., когда он встречался со своим непосредственным начальником Браухичем [1]. Таким образом, вопрос обсуждался еще до встречи Гальдера с Хейнрихсом.

Наиболее целесообразным решением было подчинение всех войск, которые должны были действовать на восточном фронте, ОКХ. На финском участке фронта предлагалось объединить командование немецкими и финскими войсками, командующим которыми становился подчиненный ОКХ маршал Маннергейм. Финская сторона отвергла это предложение, после чего немцы отказались от него.

Отказавшись от главнокомандования на всем финском участке фронта, Финляндия оставляла себе бóльшую свободу действий в военных действиях, так как военное руководство Германии в этом случае не могло отдавать приказы Главной ставке финской армии. Координация военных действий осуществлялась на принципах сотрудничества таким образом, что каждое решение согласовывалось

отдельно. По мере роста требований немцев Маннергейм мог указывать на недостаточность своих полномочий для принятия решения по конкретным вопросам. Каждый раз он встречался для обсуждения этих вопросов с руководством государства, на практике, с президентом Рюти.

Находившиеся на западе немецкие оккупационные войска подчинялись ОКВ. С точки зрения командования армии «Норвегия» ее подчинение ОКВ было естественным решением. В рамках операции «Барбаросса», тем не менее, более естественным было бы подчинение армии ОКХ. Несмотря на это, главнокомандующий немецкими сухопутными войсками фельдмаршал Вальтер фон Браухич не опротестовал решение о подчиненности армии «Норвегия» ОКВ. Об этом решении в ОКХ стало известно 21 марта 1941 г. [1][3].

Между армией «Норвегия» и участком фронта, войска которого управлялись ОКХ, действовала Главная ставка финской армии, теоретически независимая от немецкого командования. Германия не ожидала от финской армии больших свершений в будущей войне. Согласно Гальдеру, на встрече 30 марта 1941 г. Гитлер высказал мнение о том, что финны сражаются храбро, но в численном отношении являются слабыми и еще не восстановились после зимней войны [1, запись датирована 30.3.1941].

Переговоры генштабов Германии и Финляндии накануне войны

Специальный посланник Германии Карл Шнурре прибыл в Финляндию в мае 1941 г. для встречи с президентом Рюти. На встрече 20 мая Шнурре предложил начать переговоры генеральных штабов. Финская военная делегация во главе с Хейнриком выехала в Германию. 25 мая переговоры велись в Зальцбурге, 26 мая — в Берлине. Финская делегация не имела полномочий подписывать соглашения. В начале июня переговоры продолжились в Хельсинки [37; 294—327][4].

В ходе этих переговоров, 3—5 июня, были достигнуты окончательные договоренности, предварительно согласованные в Германии, о военном сотрудничестве двух государств в будущей войне с СССР [37; 322—323]. В начале переговоров в Хельсинки генерал-лейтенант Хейнрикс зачитал составленный на немецком языке короткий меморандум, датированный 2 июня. В нем содержалось положение о том, что осуществление совместных мероприятий начнется лишь после одобрения финским политическим руководством результатов переговоров. Согласно немецким источникам, меморандум Хейнрикса завершался заявлением о том, что ставшие известными финнам планы высшего военного руководства Германии близки сердцу финских солдат и понятны в историческом контексте.

Зачитав меморандум, Хейнрикс продолжил выступление, констатируя, что в тысячелетней истории Финляндии в первый и последний раз наступил момент, когда Финляндия может навечно избавиться от давления своего заклятого врага. Согласно немецкой стенограмме встречи, Хейнрикс выступил с серьезным предостережением немцев от попытки создать в Финляндии правительство подобное квислинговскому в Норвегии. Такие попытки означали бы немедленное прекращение сотрудничества.

В ходе переговоров финны настаивали на важности того, чтобы «боевые действия против СССР не начинались бы с финской стороны или с территории Финляндии». Финская сторона высказала надежду, что начавшееся раньше наступление немецких войск между Финским заливом и Черным морем спровоцирует СССР первым начать войну против Финляндии.

На переговорах были согласованы военные действия Германии и Финляндии

На переговорах было достигнуто соглашение о сроках проведения мобилизации финской армии и сосредоточения немецких войск в Северной Финляндии под предлогом их ротации. Зона ответственности в Северной Финляндии передавалась армии «Норвегия» еще до начала мобилизации, т.е., 15 июня 1941 г. Было также подтверждено подчинение армии «Норвегия» финского 3-го армейского корпуса под командованием генерал-майора Яльмара Сииласвуо, до этого отвечавшего за оборону территории Северной Финляндии в случае войны.

Финны обещали сосредоточить свои главные силы таким образом, чтобы они могли нанести удар либо на Карельском перешейке, либо в Южной Карелии в направлении на Олонец. Целью финских войск, сосредоточенных севернее Ладожского озера была река Свирь, на Карельском перешейке — старая государственная граница 1939 года. На этих рубежах финны должны были встретить немецкие войска, действовавшие на ленинградском направлении. На севере немецкие войска овладевали Мурманском и Кандалакшей.

Отойдя от предварительных договоренностей, немцы заявили, что ответственность за Аландские острова и советскую военно-морскую базу на полуострове Ханко ложится на финскую сторону, согласившись принять участие в операции против Ханко. Впоследствии для решения этой задачи наступления на главном направлении была выделена 163-я пехотная дивизия, подчиненная Главной ставке финской армии.

После завершения переговоров в Хельсинки ОКХ предложило ОКВ передать ответственность за

координацию действий армии «Норвегия» и войск, подчиненных Главной ставке финской армии, офицеру связи, который должен был прибыть в Финляндию [1, запись датирована 7.6.1941].

Политическое руководство Финляндии одобрило результаты переговоров

Политическое руководство Финляндии одобрило подготовку к наступательной войне, согласованную в ходе переговоров. Еще до начала переговоров военных делегаций двух стран финское правительство обращалось к Германии по дипломатическим каналам, высказывая свои пожелания на случай, если войны между Германией и СССР удастся избежать. Финляндия желала получить гарантии сохранения своей независимости, выражая надежды не только на возвращение к границам 1939 г., но и на расширение своей территории, а также на оказание экономической помощи со стороны Германии, особенно поставками зерна.

14 июня 1941 г. генерал-лейтенант Хейнрикс сообщил прибывшему в Финляндию в качестве офицера связи генералу Вальдемару Эрфурту, что согласованные в ходе финско-германских переговоров принципы одобрены на встрече президента республики и комитета правительства по иностранным делам. Финляндия готова провести мобилизацию под видом внеочередных учебных сборов. До этого Германия должна была предоставить Финляндии политические гарантии на тот случай, если вместо войны с СССР будет достигнуто политическое решение. Германия предоставила гарантии в устной форме, заявив, что согласованные в ходе переговоров решения остаются в силе.

16 июня финское правительство обратилось к немцам с предложением, касавшимся графика военных действий, высказав пожелание, чтобы наступление главных сил финской армии началось через 2—3 дня после начала наступления немецких войск в Северной Финляндии. Правительство стремилось к тому, чтобы финский народ и парламент воспринимали участие Финляндии в войне как вынужденное решение.

Сосредоточение ударных частей армии «Норвегия» в Северной Финляндии привело к тому, что 14 июня Великобритания перестала выдавать разрешения на заход судов в Петсамо. В тот же день посол Великобритании в Финляндии Гордон Верекер вручил министру иностранных дел Финляндии ноту, содержащую угрозу применения экономических мер в случае военного сотрудничества Финляндии с Германией. Впрочем, 24 июня министерство иностранных дел Великобритании предложило министерству военного транспорта изучить возможность выдавать разрешения судам, следующим в Петсамо с продовольственными грузами. Вступление Финляндии в войну положило конец рассмотрению этой инициативы, что дополнительно увеличило зависимость Финляндии от Германии [42; 114, 125].

О взаимодействии во время войны договаривались посредством переписки маршалов

Операция «Барбаросса» началась 22 июня 1941 г., когда немецкие войска перешли в наступление на всем протяжении фронта от Балтийского до Черного моря. Наступательные действия на участке фронта между Баренцевым морем и Финским заливом начались почти через неделю[5].

Основные направления финско-немецкого военного сотрудничества на ленинградском направлении и на Свирском участке фронта широко известны. Финны не дали согласия на продолжение своего наступления на Карельском перешейке в направлении Ленинграда и в южном направлении вдоль Ладожского озера с южного берега р. Свирь. Различные этапы переговоров и нереализованные планы сторон могут быть установлены лишь на основе архивных источников. Это, а также изучение операций немецких войск дает возможность дополнить картину координации военных действий немецких и финских войск[6].

Финны верили в победу немецкой армии, полагая, что сроки завершения блицкрига следует считать не в месяцах, а в неделях. Во время войны Финляндия и Германия не заключали государственных или военных соглашений о сотрудничестве. Отправной его точкой были договоренности, достигнутые в ходе переговоров генеральных штабов в мае—июне 1941 г. Эти договоренности не были изложены в форме единого документа, подписанного обеими сторонами.

Военными действиями на фронте от Балтийского до Черного моря руководил главнокомандующий сухопутной армией фельдмаршал В. фон Браухич. Руководитель рейха А. Гитлер вмешивался в дела подчиненных Браухича. В историографии доминирует мнение о том, что в принятии ключевых решений более важную, чем Браухич, роль играли сам Гитлер и начальник штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта Ф. Гальдер.

Войска на восточном фронте, подчиненные ОКХ, действовали в составе трех армейских групп. На ленинградском направлении наступала группа армий «Север» (Heeresgruppe Nord), на московском направлении — группа армий «Центр» (Heeresgruppe Mitte), на украинском направлении — группа армий «Юг» (Heeresgruppe Süd).

Главные вопросы военного сотрудничества Германии и Финляндии решались в переписке между начальником штаба Верховного командования вермахта фельдмаршалом В. Кейтелем и Маннергеймом. Письма Кейтеля часто становились причиной посещения президентом Р. Рюти Главной ставки. В ходе встреч с Маннергеймом согласовывались ответы на письма Кейтеля. При этом довольно часто присутствовал министр обороны Р. Вальден. Официальные записи этих переговоров не велись. Отклоняя различные немецкие предложения, Маннергейм часто указывал на позицию президента Рюти. Основываясь на немецких документах, можно прийти к выводу о том, что роль Рюти в ограничении операций финской армии на ленинградском направлении была более значимой, чем это принято считать.

Немецкий генерал в Финляндии, финский в Германии

Прибывший в Финляндию до начала операции «Барбаросса» генерал В. Эрфурт был известен как немецкий генерал в финской Главной ставке. При нем действовал т.н. «Штаб связи Север» (Verbindungsstab Nord). Во Второй мировой войне Эрфурт являлся высшим представителем ОКВ, ОКХ и «Штаба Финляндия» (Befehlstelle Finnland) армии «Норвегия» в Главной ставке финской армии^[7].

Эрфурт прибыл на самолете в Хельсинки 13 июня 1941 г. За день до этого он получил устные указания от начальника штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта генерал-полковника Гальдера. Эрфурт не принимал участия в немецко-финских военных переговорах, и на этом этапе у него еще не было записей переговоров, сделанных немецкой делегацией.

Персонал «Штаба связи Север» прибыл в Финляндию 19 июня и поначалу немецкие военные носили гражданскую одежду. После нападения Германии на СССР они получили разрешение носить военную форму. Вечером 25 июня Эрфурт со своим штабом переехал в Миккели, куда на следующий день прибыла и Главная ставка финской армии. В Главной ставке Эрфурт ежедневно встречался с начальником Генерального штаба, а также часто с маршалом Маннергеймом. Сначала начальником Генштаба был генерал-лейтенант Эрих Хейнрикс, с 29 июня 1941 г. — генерал-майор Вильо Туомпо, а с 16 июля 1941 г. — генерал-лейтенант Эдвард Ханелль.

14 июня Хейнрикс в Хельсинки довел до сведения генерала Эрфурта пожелание Маннергейма направить своего собственного представителя в Германию. На следующий день Эрфурт сообщил о согласии Германии на назначение финским представителем в Германии генерал-лейтенанта Харальда Эквиста, который должен был поддерживать связь как с ОКВ, так и с ОКХ. Эквист отбыл в Германию еще до начала операции «Барбаросса». С собой у него был список продовольственных товаров, в безотлагательных поставках которых нуждалась Финляндия.

В период наступления финской армии Эрфурт многократно посещал Главную ставку финской армии. Чаще всего в ходе встреч с Маннергеймом он доводил до его сведения предложения начальника штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта Ф. Гальдера. Письменные предложения ОКХ приходилось подготавливать совместно с ОКВ. ОКХ отправляло их через Эрфурта в Главную ставку преимущественно в виде писем Кейтеля Маннергейму.

В соединениях немецкой армии действовали финские офицеры связи

«Штаб Финляндия» армии «Норвегия» приступил к работе в Рованиеми 15 июня 1941 г. Штаб армии «Норвегия» располагался в Осло. В Финляндии находились командующий армией генерал-полковник Николаус фон Фалькенхорст и начальник штаба полковник, начиная с 1 августа 1941 г., генерал-майор Эрих Бушенхаген. Для снабжения и перевозки отпускников войск армии «Норвегия», действовавших в Финляндии, требовалась обширная сеть немецких военных представительств в Северной Финляндии и в портовых городах на западе страны.

В северной Финляндии деятельность офицеров связи началась в связи с транзитом немецких войск уже в начале осени 1940 г. В июне 1941 г. в соединениях армии «Норвегия», дивизиях и корпусах, работали финские офицеры связи. В корпусах (горный корпус «Норвегия» и 36-й корпус) представителями финского командования являлись кадровые офицеры, в подчиненных этим корпусам дивизиях — офицеры резерва.

Офицером связи Главной ставки в армии «Норвегия» являлся полковник Ойва Вилламо. Под его руководством в декабре 1941 г. был сформирован штаб связи «Рой» для координации работы финских офицеров-представителей в немецких войсках.

В штабе финского 3-го армейского корпуса генерал-майора Сииласвуо, подчиненного армии «Норвегия» 15 июня, работал немецкий представитель в чине подполковника. В свою очередь 3-й армейский корпус направил своего представителя в штаб немецкой армии в Рованиеми.

Финские военно-воздушные силы и военно-морской флот назначили своих представителей в штабы и командные пункты различного уровня соответствующих видов немецких вооруженных сил,

действовавших в Финляндии. В Главной ставке вопросы согласования действий видов вооруженных сил рассматривались весьма редко, поскольку они не входили в компетенцию Эрфурта. В штабах финских ВВС и ВМФ работали немецкие представители этих видов войск.

Финляндия провела согласованные на штабных переговорах военные действия, Германия не смогла выполнить свои обязательства

В ходе немецко-финских штабных переговоров накануне войны генерал-лейтенант Э. Хейнрикс заявил, что по своему уровню подготовки и оснащения финская армия была не способна вести крупные наступательные действия по прорыву заранее подготовленных оборонительных рубежей. В свою очередь, немцы заявили, что финская армия сможет легко продвигаться, так как наступление немецкой армии на ленинградском направлении заставит войска Красной Армии отойти от границы Финляндии. В действительности ситуация на фронте сложилась с точностью до наоборот. Наступательная операция финской армии потребовала большого напряжения сил, а потери превысили понесенные в зимнюю войну. Фундамент основного предположения военного руководства Финляндии — успешный блицкриг немецкой армии на восточном фронте — был окончательно разрушен самое позднее в декабре 1941 г. Финское военное руководство исходило из основного предположения, что война будет короткой и продлится несколько месяцев.

В Северной Финляндии армия «Норвегия» перешла в наступление в конце июня — начале июля, и уже в начале сентября ее продвижение прекратилось. Незначительные успехи немецких войск сами по себе увеличивали трения в рамках финско-немецкого военного сотрудничества на северном участке фронта. Для решения появившихся проблем от ОКВ требовались значительные дополнительные ресурсы. Главная ставка финской армии внимательно наблюдала за немецкими войсками и, особенно, за действиями подчиненного им финского 3-го армейского корпуса.

На ленинградском направлении интерес ОКХ к боевым действиям финских войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии рос по мере того как немецкие войска начали испытывать трудности. В начале сентября финская армия достигла своей цели на Карельском перешейке, выйдя к старой государственной границе, а также в Южной Карелии, достигнув р. Свирь. Финляндия не была готова идти дальше, чем было согласовано на довоенных переговорах, что не встречало понимания в штабах армии «Норвегия» и группы армий «Север», наступавшей на ленинградском направлении.

В основном все же руководство ОКВ и ОКХ относилось к финнам с пониманием. В случае возникновения разногласий между армией «Норвегия» и Главной ставкой финской армии ОКВ обычно принимало сторону финнов. Сотрудничество группы армий «Север» с финнами осуществлялось через ОКХ и ОКВ. В своей зоне ответственности Главная ставка финской армии твердо придерживалась принципа подчиненности финских войск только себе.

У Финляндии были свои цели, которые не являлись частью немецких планов

С немецкой точки зрения осеннее наступление финской армии на Петрозаводск, в направлении Медвежьегорска и Повенца, и к перешейку между Онежским озером и оз. Сегозеро было малозначимым. Ругозеро, Медвежьегорск и Петрозаводск были самостоятельно выбраны финнами в качестве целей. В плане «Барбаросса» эти цели не упоминаются.

Отношение немцев к боевым действиям финских войск на этих направлениях было спокойным, хотя их использование на Карельском перешейке или южнее р. Свирь было бы для них полезнее. В ответ на немецкие предложения о продолжении наступательных действий финской армии на Карельском перешейке и на Свирском направлении финны указывали на малочисленность своей армии и политические причины.

С затягиванием войны большая армия военного времени становилась тяжелым бременем для страны. В начале осени 1941 г. Главная ставка начала подготовку к демобилизации военнослужащих старших призывных возрастов, к чему немцы также отнеслись сравнительно спокойно. Планы частичной демобилизации означали значительное уменьшение военных сил Финляндии. В 1942 г. демобилизация была проведена в более ограниченных масштабах в сравнении с первоначальными планами. Несмотря на это, демобилизация означала сокращение численности сухопутных войск на фронте примерно на одну треть.

Немецкие планы наступления на северном участке фронта в 1942 г. предусматривали участие в них финских войск. Маннергейм считал это возможным лишь при условии, если немцы решат проблему Ленинграда. В этом случае финны могли снять часть войск с Карельского перешейка и Свирского участка. Этот план не был реализован. Позиционная война для финнов продолжалась до лета 1944 г.

На первом этапе под прикрытием «нейтралитета» было проведено сосредоточение войск

В Финляндии поэтапная мобилизация началась под видом внеочередных учебных сборов. В Северной Финляндии призыв в армию начался уже 10 июня 1941 г. 17 июня началась полномасштабная мобилизация армии военного времени. ОКВ исходило из готовности финской армии к ведению наступательных действий с 28 июня.

Указывая на внутривойсковые причины, финны предложили немцам начать наступление подчиненных Главной ставке войск не ранее 3 июля, т.е. после начала наступления армии «Норвегия», которая получила приказ о переходе в наступление в конце июня — начале июля, еще до получения достоверных сведений о начале операции «Барбаросса». Немцы потребовали соблюдать договоренность о времени готовности к началу операции и 28 июня Главная ставка заявила о готовности финских войск к боевым действиям.

У Финляндии имелись предварительные сведения о начале операции «Барбаросса» с точностью до нескольких дней. Достоверные сведения поступили в Финляндию 21 июня, за день до начала операции. Узнав об этом, Эрфурт и начальник Генерального штаба Главной ставки генерал-лейтенант Э. Хейнрикс договорились о ежедневном обмене оперативной информацией.

В первый день немецкого наступления, 22 июня, советские самолеты подвергли бомбардировке финские объекты, в том числе в архипелаге вблизи Турку. Указав на это, Эрфурт заявил, что тем самым финны получили необходимый им предлог для начала военных действий против СССР. Несмотря на это, Финляндия заявила о своем нейтралитете, что в основном объяснялось незавершенностью перевозки войск, которые должны были закончить сосредоточение в мирных условиях. Это вызвало раздражение немцев, поскольку армия «Норвегия» планировала уже 22 июня занять сопки в районе Салла, где по разведывательным данным еще не было советских войск.

Главная ставка дала разрешение немцам на боевые вылеты и выдвижение войск с территории Финляндии в ночь с 24 на 25 июня. 25 июня советские самолеты подвергли бомбардировке финские города, включая Турку, Хельсинки, Порво, Котка, Ловиза и Хейнола. Выступая в парламенте, премьер-министр Ю. Рангелль констатировал, что Финляндия находится в состоянии войны с СССР.

В июне Главная ставка сосредоточила войска для действий по двум вариантам

Сосредоточение финской армии военного времени было проведено таким образом, чтобы выполнить выдвинутое в ходе штабных переговоров требование Германии о создании группировки в составе шести пехотных дивизий, которая могла вести наступление либо на Карельском перешейке, либо севернее Ладожского озера в Ладожской Карелии. Предварительно маршал Маннергейм принял решение о начале наступления в направлении Хиитола. Наступлением в восточной части Карельского перешейка с выходом к Ладожскому озеру достигалась цель перерезать коммуникации советских войск, действовавших на Карельском перешейке и в Ладожской Карелии.

Согласно дневнику Гальдера, 24 июня ОКХ довело через Эрфурта до сведения Главной ставки свое пожелание о наступлении финских войск вдоль северного побережья Ладожского озера [1, запись датирована 24.6.1941]. Главная ставка приступила к выполнению необходимых для этого мероприятий, однако Маннергейм еще 27 июня придерживался мнения, что фланг главного направления удара следовало обеспечить, проведя сначала наступление на Хиитола. На следующий день Маннергейм временно отказался от этой идеи и Эрфурт смог 29 июня доложить о том, что Финляндия составила соответствующий пожеланиям немцев новый план наступления, предусматривавший главный удар шестью пехотными дивизиями вдоль побережья Ладожского озера в направлении Олонца [1, запись датирована 29.6.1941].

В финской провинции Северная Карелия для этого наступления была сосредоточена Карельская армия, в составе которой действовали шесть пехотных дивизий. Командующим этим оперативным соединением, насчитывавшим более 100 тыс. солдат, был назначен начальник Генштаба генерал-лейтенант Эрик Хейнрикс, начальником штаба — начальник оперативного отдела Генштаба полковник Кустаа Тапола. 3 июля Эрфурт направил в штаб Карельской армии в качестве офицера связи начальника своего штаба подполковника Германа Хёлтера.

4 июля из Германии в Главную ставку прибыл генерал-лейтенант Эквист, сообщивший о пожелании Гальдера усилить Карельскую армию. И до этого Эрфурт пытался добиться от финнов передачи сосредоточенной в районе Иломантси—Кухмо 14-й пехотной дивизии в Карельскую армию. Подчиненная напрямую главнокомандующему, 14-я дивизия получила предварительный приказ о наступлении уже 25 июня. Приказ не был изменен, и 4 июля дивизия под командованием полковника-егеря Э. Раапана первой из подчиненных Главной ставке войск перешла в наступление. Первоочередной целью 14-й дивизии было овладение районом Реболы. За этим последовали бои в районе д. Емельяновки, где были окружены советские войска. После их завершения дивизия Раапана

продолжила движение на д. Ругозеро, после овладения которой в начале сентября главнокомандующий «временно» приостановил ее наступление.

Наступление Карельской армии началось в соответствии с пожеланиями немцев

В начале июля войска немецкой группы армий «Север» достигли р. Западная Двина и 8 июля захватили Псков, продолжив движение к р. Луга. 1 июля ОКВ считало, что наступления Карельской армии может начаться уже 4 июля, считая все же более вероятным переход в наступление 8 июля.

9 июля ОКХ довела до сведения Главной ставки, что наступление Карельской армии следует начать на следующий день, 10 июля, когда войска группы армий «Север» должны были перейти в наступление на рубеже р. Луга. Задачами группы армий «Север», кроме овладения Ленинградом, были выход к р. Свирь и соединение с финскими войсками в Лодейном Поле. Маннергейм был раздражен тем, что эту информацию довели до него слишком поздно, напомнив немцам о согласованном сроке представления сведений о предстоящих операциях за 36 часов до их начала.

Наступление главных сил Карельской армии началось в 18.00 10 июля. На направлении главного удара севернее оз. Янисъярви 6-й армейский корпус генерал-майора Пааво Талвела быстро добился успеха и за несколько дней войска вышли к Ладожскому озеру. На других направлениях наступления Карельской армии успех был незначительным. Серьезные трудности испытывала и немецкая группа армий «Север». Наступление на Ленинград было остановлено на исходных рубежах. Контратаки частей Красной Армии на других участках группы армий «Север» приостановили немецкое наступление на месяц.

Немцы, чьи войска увязли в боях западнее Ленинграда, высказали пожелание, чтобы финны начали наступление на направлении Хиитола. Маннергейм не отреагировал на это предложение, хотя в Германии предполагали, что финны будут действовать в соответствии с ним. В немецких донесениях о положении на фронте ошибочно утверждалось, что финские войска вели наступление по обе стороны Ладожского озера.

15 июля Эквист прибыл из Германии в Главную ставку, доложив о пожелании начальника штаба Верховного командования сухопутных войск вермахта генерал-полковника Гальдера об усилении Карельской армии. 17 июля Маннергейм приказал перебросить единственную действовавшую в районе Ханко 17-ю пехотную дивизию в Ладожскую Карелию [3]. Затем дивизия была подчинена Карельской армии.

17 июля новый начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Э. Ханелль сообщил Эрфурту о намерении главнокомандующего использовать подчиненную ему немецкую 163-ю пехотную дивизию для действий на направлении Суоярви. По мнению Маннергейма, упорно оборонявшиеся в этом районе войска противника создавали угрозу левому флангу Карельской армии. 163-я дивизия прибыла в Финляндию из Норвегии транзитом через Швецию.

18 июля 163-ю дивизию генерал-лейтенанта Эрвина Энгельбрехта подчинили Карельской армии. Бои этой дивизии и подчиненных ей финских войск за овладение районом Суоярви продолжались более месяца. На последнем этапе этого сражения участие в нем приняла финская 11-я пехотная дивизия, которая действовала с южного направления.

Маннергейм приостановил наступление в Южной Карелии недалеко от старой границы

Не сообщив немцам, Маннергейм 19 июля отдал приказ Карельской армии о приостановке наступления восточнее старой государственной границы на рубеже Видлица — Ведлозеро [19]. Согласно устному указанию Маннергейма, отданному им Хейнриксу, восточнее обозначенной линии могли действовать лишь легкие войска. 25 июля полковник Рубен Лагус приказал 1-й егерской бригаде подполковника Вяйнё Мериалли перейти к обороне на рубеже р. Тулокса.

В подписанной Гитлером 19 июля директиве № 33 содержалось упоминание о том, что главное направление действий войск Главной ставки финской армии находится севернее Ладожского озера, и их последующей задачей является уничтожение во взаимодействии с группой армий «Север» войск противника [8]. В перечне адресатов директивы не упоминается Главная ставка финской армии. По общему правилу Кейтель в своих письмах доводил до сведения Маннергейма положения директив в части, касавшейся Финляндии. В тех случаях, когда в директивах упоминались действия войск, подчиненных Главной ставке финской армии, Кейтель заручался согласием Маннергейма обмениваясь письмами.

19 июля посол Германии в Хельсинки Виперт фон Блюхер передал президенту Рюти письмо руководителя германского рейха А. Гитлера о братстве по оружию Германии и Финляндии. Блюхер заявил, что германское правительство считает неизбежным разрыв дипломатических отношений Финляндии и Великобритании. В конце июля Финляндия объявила об отзыве своего посольства из

Лондона. 30 июля британские военно-воздушные силы атаковали Петсамо. На следующий день министр иностранных дел Финляндии Виттинг констатировал разрыв дипломатических отношений двух государств [41; 120—126, 42; 147].

Президент Рюти посетил Главную ставку перед началом наступления на Карельском перешейке

23 июля президент Рюти посетил Главную ставку. С ним прибыли премьер-министр Юкка Рангелль, министр обороны Рудольф Вальден и спикер парламента Вяйнё Хаккила. Согласно Эрфурту, встретившемуся с Рюти, президент был озабочен возможностью затягивания войны до начала зимы. Вероятно, Маннергейм проинформировал Рюти как о приостановке наступления Карельской армии, так и о наступлении, начинавшемся вскоре на Карельском перешейке.

Эрфурт предвидел, что финны приостановят наступление Карельской армии не позднее 24 июля на время, необходимое для овладения районом Суоярви. Оперативный отдел ОКХ направил Главной ставке составленное в вежливом тоне письмо, в котором высказывалась надежда на то, что финны начнут наступление на направлении Хиитола. 2-й армейский корпус генерал-майора Тааветти Лаатикайнена получил приказ подготовиться к наступлению на этом направлении.

28 июля штаб 2-го армейского корпуса отдал приказ войскам о переходе в наступление по особому приказу [5]. 31 июля Маннергейм прибыл в штаб 2-го армейского корпуса для наблюдения за началом наступления. Немцам сообщили о наступательной операции вскоре после ее начала, что стало для них неприятной неожиданностью.

Наступление армии «Норвегия» не задалось с самого начала

Согласно общему плану операции «Барбаросса», наступавшая на Крайнем Севере армия «Норвегия» действовала на второстепенном направлении. Эта немецкая армия стала постоянной головной болью, отягощавшей финско-немецкие военные отношения. В конце лета — осенью 1941 г. командующий армией генерал-полковник Н. фон Фалькенхорст неоднократно требовал от Главной ставки усиления подчиненных армии финских войск.

1 июля, в первый день наступления на кандалакшском направлении, в Главной ставке стало известно о неудачном наступлении немцев на направлении Салла. Лобовое наступление дивизии СС «Норд» было остановлено огнем противника. Наступавшими войсками овладела паника и они отошли на исходные позиции, а часть — еще дальше в тыл.

5 июля Кейтель сообщил Маннергейму о том, что боевой состав передаваемой в резерв Карельской армии немецкой 163-й пехотной дивизии будет сокращен на одну треть. Пехотный полк дивизии, усиленный артиллерийским дивизионом, перебрасывался на направление Салла [2; 56].

Немцы испытывали проблемы и на петсамо-мурманском направлении. Наступавший здесь горный корпус (Gebirgskorps Norwegen) нуждался в дополнительных силах для обеспечения своего фланга с моря. Армия «Норвегия» попросила Главную ставку выделить войска для решения этой задачи. Маннергейм вынужден был согласиться на переброску в этот район выведенного с Аландских островов на материк 14-го пехотного полка без 3-го батальона, рассчитывая на возвращение полка сразу после решения проблемы на петсамо-мурманском направлении [6].

Из войск немецкой группировки ближе всего к Кировской железной дороге подошла финская Группа «Ю», обеспечивавшая северный фланг финского 3-го армейского корпуса. Эта группа в составе усиленного пехотного полка сначала достигла р. Софьянга, имея дальнейшей целью овладение ж/д станцией Лоухи. На это направление была переброшена и часть сил дивизии СС «Норд». Перенос направления главного удара немецкой армии «Норвегия» на поначалу второстепенное направление, на южный фланг, где действовал прикрывавший немецкую армию финский 3-й армейский корпус, был утвержден в директиве Гитлера № 34, датированной 30 июля 1941 г. [35; 145].

В начале августа наступление немецко-финских войск на северном фланге 3-го армейского корпуса было остановлено восточнее д. Кестеньга. Во взаимодействии финских и немецких войск появились проблемные моменты. Войска на этом направлении были усилены таким образом, что сюда прибыла вся дивизия СС «Норд», и здесь действовала почти целая дивизия финских войск, из которых была сформирована на временной основе дивизия «Ю» [9]. Наступление финской 3-й пехотной дивизии (первоначально называлась Группа «Ф») на направлении главного удара 3-го армейского корпуса было остановлено недалеко от Ухты (Калевалы). Направление главного удара дивизии затем стало второстепенным направлением.

В августе немцы отказались от захвата Ленинграда

На ленинградском направлении наступление группы армий «Север», достигшей к 10 июля Пскова, приостановилось почти на месяц. 30 июля фельдмаршал Кейтель отдал командующему группой

армий фельдмаршалу Риттеру фон Леебу приказ о продолжении наступления. В приказе задача войскам группы армий была изменена — вместо овладения Ленинградом немецкие войска должны были его окружить [39; 542].

2 августа ОКХ сообщило финской Главной ставке о возобновлении наступления группы армий «Север» 6 августа. Фактически наступление началось лишь 10 августа. Немцы высказали пожелание о продолжении наступления финских войск в направлении Лодейного Поля. С выполнением этого пожелания немцев Маннергейм не торопился. Лишь в конце августа Карельская армия получила приказ подготовиться к продолжению наступления.

Малозначительные успехи немцев на Севере Финляндии и приостановка немецкого наступления на ленинградском направлении заставляли Маннергейма нервничать. 18 августа он поинтересовался у Эрфурта, когда немецкие войска достигнут р. Свирь, высказав удивление тем, что до этого времени немцы не вернули двухбатальонный 14-й пехотный полк, подчиненный армии «Норвегия». Кроме того, в разговоре с Эрфуртом Маннергейм напомнил о майских и июньских договоренностях о возвращении ему одной из двух подчиненных немцам дивизий, по меньшей мере, 6-й пехотной дивизии, действовавшей на направлении Салла — Кандалакша, сразу после выхода войск на старую государственную границу.

В дополнении к датированной 12 августа директиве № 34 была утверждена поставленная 30 июля группе армий «Север» задача окружения Ленинграда и установления контакта с финскими войсками [35; 145—147]. В Главной ставке о содержании директивы стало известно самое позднее 20 августа, когда поступили предварительные данные о содержании письма Кейтеля, которое вскоре должны были доставить. Согласно этим данным, главной задачей группы армий «Север» становилась блокада Ленинграда, от штурма которого немецкое командование отказалось с целью избежать больших потерь живой силы в условиях города.

Эрфурт сообщил Маннергейму об основных пунктах письма Кейтеля в присутствии начальника Генштаба Ханелля. Информация соответствовала содержанию доставленного 24 августа письма [7]. Ленинград должен был быть окружен и уничтожен огнем артиллерии и ударами авиации. От финнов немцы ожидали участия в блокаде Ленинграда максимально большими силами на Карельском перешейке. На олонецком направлении немцы ожидали от финнов выхода к р. Свирь и захвата плацдарма на ее южном берегу. При необходимости финские войска должны были продолжить наступление вдоль побережья Ладожского озера в южном направлении. Кроме этого, ОКВ высказало желание получить сведения о сроках овладения Ханко. Все эти немецкие пожелания выходили далеко за рамки договоренностей, достигнутых в ходе переговоров Генштабов в мае — июне 1941 г.

Еще во время знакомства с предварительными данными о пожеланиях немцев Маннергейм заявил о их невыполнимости. В Южной Карелии финны планировали выйти к р. Свирь, на Карельском перешейке — на старую границу, как об этом и договаривались до войны. У финнов не было тяжелой артиллерии и пикирующих бомбардировщиков, а без них прорыв оборонительного рубежа Карельского укрепленного района (КАУР) юго-восточнее старой границы был невозможен. Борьба за город — дело самих немцев, финны принимать участия в ней не будут. Для захвата Ханко у финнов не имелось ни тяжелых вооружений, ни свободных войск. В ходе переговоров Генштабов было решено, что основную ответственность за захват Ханко будут нести немцы.

24 августа президент Рюти прибыл в Главную ставку. В переговорах также участвовал министр обороны Р. Вальден, доверенное лицо Маннергейма в правительстве Финляндии. Маннергейм изложил предложения немцев. Рюти решительно заявил, что с новыми пожеланиями немцев ни в коем случае нельзя соглашаться. К этому же выводу пришли Маннергейм и Вальден [41; 129—130].

Через три дня Маннергейм и Ханелль сообщили Эрфурту о предварительном содержании ответного письма, отправляемого в Германию. У финнов не было сил и средств вести наступление дальше согласованных ранее рубежей. На Карельском перешейке финны планировали выйти на старую границу, восточнее Ладожского озера — к р. Свирь. Овладение Ханко предполагало участие немцев в операции.

На следующий день в Главную ставку из ОКХ было доставлено письмо о блокаде Ленинграда. В нем говорилось о намерении немцев форсировать Неву и установить сухопутную связь с финнами на Карельском перешейке. Немцы хотели знать об отношении финнов к взаимодействию и подчинению всех войск, принимавших участие в операции по окружению города, одному штабу. Ответ финнов на предложения немцев был отрицательный — Финляндия не примет участия в военных действиях против Ленинграда.

30 августа Эрфурт высказал пожелание как можно скорее получить ответ Маннергейма на письмо

ОКХ. В беседе участвовали также Ханелль и Айро. Эрфурт не получил письменного ответа. Финны заявили, что Финляндия не примет участия в сражении за Ленинград. Напротив, финны уполномочили Эрфурта сообщить ОКХ, что наступление Карельской армии в направлении р. Свирь начнется в ближайшее время. Позднее в этот же день Эрфурт передал Маннергейму поздравительное письмо Гитлера в связи с овладением Выборгом, сообщив о награждении его немецкими орденами.

31 августа Рюти и Вальден прибыли в Миккели для проведения совещания с Маннергеймом. Хотя они и не изменили своего принципиально отрицательного отношения к немецким пожеланиям, тем не менее ответ был сформулирован в более положительных тонах, в нем содержалось обещание овладеть в нескольких местах территориями за старой границей на Карельском перешейке. Тройка отвергла высказанное ранее Эрфуртом предложение использовать немецкую 163-ю дивизию на Карельском перешейке для наступления со старой границы на Ленинград [8].

На следующий день Маннергейм пригласил к себе Эрфурта, которому сообщил о своем и президента решении о том, что наступавшие на Карельском перешейке финские войска в нескольких местах перейдут старую границу, выходя непосредственно к укреплениям долговременного оборонительного пояса КАУРа. Кроме того, Маннергейм сообщил о просьбе президента о поставках зерна. Финны нуждались в немедленной поставке 25 тыс. тонн ржи. Эта же просьба ранее была высказана немецким гражданским властям, которые не согласились продать рожь. Маннергейм попросил сообщить об этой просьбе ОКВ [9].

4 сентября в Главную ставку прибыл довольный финнами Йодль

2 сентября Главной ставке стало известно о прибытии в Финляндию через два дня начальника Штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта генерала артиллерии Альфреда Йодля. Целью его краткосрочной поездки было посещение Главной ставки и штаба армии «Норвегия» в Рованиеми. До прибытия Йодля Эрфурт получил информацию о разрешении продать Финляндии 15 тыс. тонн ржи [10] [10].

В Главной ставке Йодль вручил Маннергейму пристежки к полученным им в 1918 г. Железным крестам 1-го и 2-го класса, а также более высокую награду, Рыцарский крест Железного креста. В начале беседы на военные темы Йодль заявил о том, что Гитлер очень высоко оценивает достижения финского народа и армии во время зимней войны. По этой причине у Йодля не было никаких новых требований к финнам, так как немцы понимали причины прекращения наступления финской армии на подступах к долговременной линии обороны на Карельском перешейке и обещали прорвать ее ударом с тыла со стороны Невы.

В ходе переговоров Маннергейм сообщил о возобновившемся утром 4 сентября наступлении Карельской армии. Йодль высказал пожелание, чтобы финны овладели плацдармом на южном берегу р. Свирь. Уверенный в победе Германии Йодль рассказал финнам о том, что после войны они получат новые значимые задачи по охране рубежей на востоке. Из Главной ставки Йодль отбыл в Рованиеми.

Положение армии «Норвегия» вызвало озабоченность Маннергейма

Положение на участках фронта, на которых действовали подчиненные Главной ставке войска, к началу сентября было благоприятным. На Карельском перешейке войска вышли к старой границе, перейдя ее в отдельных местах. 4 сентября началось наступление Карельской армии и уже 7 сентября ее войска вышли к р. Свирь.

Из армии «Норвегия» [11] поступали плохие новости. Восточнее Кестеньги финский 53-й пехотный полк фактически находился в окружении. Немецкая армия «Норвегия» требовала у Главной ставки отправить в этот район дополнительные силы. 9 сентября Маннергейм получил от командира 3-го армейского корпуса генерал-майора Сииласвуо тревожное сообщение: «Положение невыносимое в случае, если скоро не будет смены войск. Прошу решения Главной ставки» [11].

Маннергейм считал, что требование смены войск 3-го армейского корпуса является прежде всего проблемой немецкой армии «Норвегия». В документе, подписанном генерал-квартирмейстером А. Айро, Сииласвуо было сообщено, что у главнокомандующего нет и в ближайшее время не будет войск для смены частей 3-го корпуса. «Если положение определено требует действий, главнокомандующий предлагает обратиться с этим вопросом в армию «Норвегия». В ее распоряжении имеются финские войска, в том числе 6-я дивизия и пехотный полк в составе двух батальонов (14-й пп)» [11].

В связи с положением 3-го корпуса Маннергейм обратился в ОКВ, высказав пожелание, чтобы подчиненная немецкому 36-му корпусу 6-я финская дивизия полковника В. Виикла была возвращена 3-му корпусу. 11 сентября из ОКВ Йодль пообещал в короткий срок передать 3-му корпусу 14-й полк в составе двух батальонов, действовавший в районе Петсамо.

На новую просьбу Сииласвуо о помощи Маннергейм вновь ответил документом, подписанным

Айро. На этот раз Сииласвуо предложил отвести войска, действовавшие на Кестеньгском направлении, на рубеж р. Софьянга. В ответе было сказано, что главнокомандующий не может руководить Сииласвуо, поскольку он подчинен «другому». В делах, касавшихся операций корпуса, Сииласвуо должен был обращаться к командующему армией «Норвегия». Кроме того, в документе сообщалось, что главнокомандующему с большим трудом удалось добиться от немцев переброски 14-го полка на кестеньгское направление в распоряжение Сииласвуо. В распоряжении Главной ставки не было войск, которые можно было бы направить в 3-й корпус [12].

В начале сентября окруженный 53-й пехотный полк прорвал кольцо окружения, отойдя с достигнутого им рубежа. Части Красной Армии продолжали атаковать новые оборонительные рубежи финнов. Сииласвуо отдал секретный приказ подчиненным ему командирам о подготовке к отступлению. К концу сентября положение на этом участке фронта стабилизировалось.

16 сентября командующий армией «Норвегия» генерал-полковник фон Фалькенхорст вылетел в Германию для переговоров о дальнейших действиях армии. Зимовка войск в суровых условиях Крайнего Севера казалась вероятной. Еще в августе немцы считали, что природные условия не позволят провести зимовку войск на территории, прилегающей к Баренцеву морю.

Направление действий группы армий «Север» становится второстепенным

Внутри ОКХ появились разногласия относительно дальнейших действий. ОКВ и ОКХ были недовольны тем, что группа армий «Север» по-прежнему считала Ленинград своим главным направлением, хотя приказы вышестоящих штабов предусматривали использование мобильных частей, танковых и моторизованных дивизий восточнее, для наступления с направления оз. Ильмень на Лодейное Поле для установления наземной связи с наступавшими в направлении р. Свирь финскими войсками. Для проведения наступления на этом направлении ОКХ усилило войска группы армий «Север» за счет мобильных войск группы армий «Центр». 8 сентября эти войска захватили Шлиссельбург перерезав тем самым сухопутные коммуникации с Ленинградом.

Теперь город мог снабжаться только по Ладожскому озеру. Грузы доставлялись с восточного берега Ладожского озера в удерживаемую Красной Армией восточную часть Карельского перешейка, откуда они затем поступали в Ленинград. Этот транспортный маршрут действовал всю блокаду. Зимой на Ладожском озере функционировала ледовая трасса.

Принципиальное решение о переносе направления главного удара на восточном фронте в зону действий группы армий «Центр» к этому времени уже было принято. Собственная танковая группа группы армий «Север», в которую входили ее мобильные войска, передавалась группе армий «Центр». 6 сентября начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер сообщил об этом решении командующему группой армий «Север» фельдмаршалу Р. фон Леебу. На следующий день был отдан письменный приказ. 4-я танковая группа группы армий «Север» выходила из ее подчинения с 15 сентября. В приказе повторялось требование об установлении сухопутной связи с финнами восточнее Ладожского озера [13].

Прибывший из Германии в Главную ставку 10 сентября финский офицер связи генерал-лейтенант Х. Эквист доложил об оценке Гальдером перспектив немецких войск успеха на свирском направлении. Следовало опасаться того, что войска группы армий «Север» в этом году не достигнут Лодейного Поля. На этом направлении первоочередной целью группы армий был Тихвин.

На следующий день Маннергейм подчинил немецкую 163-ю дивизию из резерва Главной ставки Карельской армии, принимая во внимание «ее возможное в дальнейшем использование», для обороны правого фланга армии, т.е. в нижнем течении р. Свирь. При возможности дивизия использовалась «на плацдарме на южном берегу р. Свирь». Тем же приказом Карельской армии поставили задачу овладеть Петрозаводском [14].

Маннергейм отклонил просьбу продолжить наступление с р. Свирь в южном направлении

13 сентября начальник «Штаба связи Север» генерал Эрфурт получил от Кейтеля сообщение для передачи Маннергейму. Сообщение содержало основные идеи, касавшиеся продолжения наступления. Наибольшее неприятие Маннергейма вызвало запланированное для 163-й дивизии наступление с р. Свирь в направлении Новой Ладоги. По мнению Маннергейма, дивизия была слишком слаба для выполнения этой задачи. Маннергейм негативно относился к идее об участии финских войск в наступлении немецкой дивизии. Поддержка же 163-й дивизии финскими войсками в форсировании р. Свирь была в рамках возможного.

По мнению Маннергейма, последовательность решения задач, поставленных войскам группы армий «Север», была логичной. Сначала она сжимала кольцо окружения вокруг Ленинграда, затем решала задачи на свирском направлении. На первом этапе группа армий форсировала Неву,

продвигаясь затем вглубь Карельского перешейка. Маннергейм надеялся, что немецкие войска займут позиции между финскими и советскими войсками. Командиры финских корпусов, действовавших на Карельском перешейке, были озабочены тем, как войска отнесутся к гражданскому населению Ленинграда, если бы оно стало покидать окруженный город через Карельский перешеек [2; 176][12].

28 сентября группа армий «Север» отдала своим войскам приказ, в котором перечислялись задачи:

- а) сжать кольцо окружения вокруг Ленинграда;
- б) уничтожить 8-ю армию противника в районе Ораниенбаума;
- в) блокировать Кронштадт во взаимодействии с ВМС;
- г) форсировать Неву и установить сухопутную связь с финскими войсками на Карельском перешейке;

д) наступать на Волхов и Тихвин, затем на Лодейное Поле для установления сухопутной связи с финнами на р. Свирь [15].

В этот же день «Штаб связи Север» довел до сведения ОКХ окончательное решение финской Главной ставки об отказе от использования финских войск для наступления южнее р. Свирь. Согласно Эрфурту, вернувшийся из Карельской армии Маннергейм сказал ему, что на Свири финны не могут сделать большего, т.е. участвовать в наступлении 163-й дивизии в южном направлении, так как финские войска были задействованы в операции на петрозаводском направлении [15].

Финские планы сокращения армии

23 сентября Маннергейм получил письмо от Кейтеля, в котором сообщалось о скором начале наступления армии «Норвегия» на кандалакшском направлении. Кейтель просил отправить 163-ю дивизию в распоряжение армии «Норвегия» сразу после установления ею сухопутной связи с группой армий «Север». Просьба была более чем преждевременной. Наступление группы армий «Север» в направлении р. Свирь еще даже не началось. В письме также содержалось пожелание построить узкоколейную железную дорогу от Рованиеми до Петсамо с использованием военнопленных [16][13].

Главная ставка довела пожелание о строительстве железной дороги до сведения правительства, которое быстро приняло положительное решение. Уже 25 сентября Эрфурт сообщил в Германию предварительные данные о содержании ответа Маннергейма Кейтелю. Из проекта письма становилось ясно, что ближайшей целью финской армии был захват Петрозаводска, откуда наступление с целью обеспечения фланга продолжалось бы по меньшей мере до рубежа Кондопоги. В этот же день Эрфурт сделал запись в своем дневнике: «Думаю, что останусь в Финляндии еще на продолжительное время. Закажу в Германии себе и персоналу штаба зимнее снаряжение».

В письме Маннергейма сообщалось, что в ближайшем будущем Финляндия будет вынуждена сократить свою армию. Промышленность нуждалась в рабочей силе. После падения Ленинграда в армии должно было остаться до 150 тыс. человек, и для продолжения боевых действий — 8—9 бригад, которые по своему составу соответствовали бы трем пехотным дивизиям. Наступление на севере было целесообразно продолжать зимой лыжными частями. Целью зимнего наступления мог стать Беломорск. ОКВ остался доволен информацией, полученной им от Маннергейма.

По мнению немцев Карельская армия наступала на второстепенном направлении

1 октября Карельская армия овладела Петрозаводском, и в тот же день Главная ставка отдала армии приказ о продолжении наступления. Ближайшей задачей был выход на рубеж Кондопожская губа Онежского озера — оз. Сандал — оз. Пальвозеро, последующей — перешеек между Онежским озером и оз. Сегозеро, а также Медвежьегорск [17].

С захватом Петрозаводска Маннергейма поздравили Кейтель и Гитлер. 2 октября госсекретарь США К. Халл принял финского посла. Халл осудил политику территориальной экспансии Финляндии. Госсекретарь заявил, что он рассмотрит возможность обнародования этой позиции и содержания переговоров с финнами [42; 191—192].

В октябре—ноябре Карельская армия продолжила наступление на Медвежьегорск. Для этого в армии был сформирован новый армейский корпус из войск, переброшенных с Карельского перешейка. В Медвежьегорской наступательной операции финская армия задействовала значительную часть своего наступательного потенциала.

Успехи немецкой армии в октябре на других участках советско-германского фронта частично сняли озабоченность военного руководства Финляндии затягивавшимися сражениями на ленинградском направлении. Группа армий «Юг» добилась большой победы на Украине. Впрочем, успех был достигнут за счет приостановки наступления группы армий «Центр» в районе Смоленска, куда войска группы вышли уже к концу августа. Наступление войск группы на Москву было возобновлено лишь в конце

сентября — начале октября 1941 г. Выше было упомянуто, что в середине сентября из группы армий «Север» в группу армий «Центр» были переданы танковые и моторизованные корпуса.

163-я дивизия два месяца находилась в готовности наступать с рубежа р. Свирь

Планирование и подготовка к дальнейшему наступлению группы армий «Север» продолжались почти месяц. До принятия окончательного решения группа ожидала развития обстановки в зоне действий группы армий «Центр». По этой причине возможными вариантами дальнейших действий группы армий «Север» были продолжение наступления на Волхов и Тихвин, или на Боровичи. По оценке ОКХ, сделанной 13 октября, обстановка на фронте группы армий «Центр» была настолько благоприятной, что от наступления группы армий «Север» на Боровичи можно было отказаться [39]. В этот же день Гитлер принял решение о наступлении в направлении Тихвина. На следующий день группа армий «Север» получила от ОКХ приказ о переходе в наступление [18].

К этому времени подготовка к наступлению уже завершалась, и 16 октября войска группы начали форсирование реки Волхов. На волховском направлении целью группы был выход к Ладожскому озеру, на тихвинском — овладение г. Тихвин и в дальнейшем — Лодейным Подем [39].

Частью подготовки к наступлению было поддержание связи с финской Главной ставкой. 11 октября ОКХ через «Штаб связи Север» довело до Главной ставки просьбу подготовить операцию по форсированию р. Свирь немецкой 163-й пехотной дивизией. ОКХ также запросило мнение Главной ставки о самом раннем сроке начала операции [19]. Командир немецкой дивизии генерал-лейтенант Энгельбрехт считал возможным проведение этой операции лишь при условии ее поддержки всеми силами финского 6-го пехотного корпуса. Причиной пессимизма немецкого командира были начатые уже в конце сентября советскими войсками контрудары на Свирском фронте.

Финны подготовились поддержать наступление немецкой дивизии, сосредоточив с этой целью во втором эшелоне свою 11-ю пехотную дивизию. Главная ставка и ОКХ вели переговоры по вопросам управления войсками во время проведения наступательной операции. Было принято решение, что 163-я дивизия будет подчиняться 6-му пехотному корпусу Пааво Талвела до момента, когда она продолжит самостоятельное продвижение в южном направлении с плацдарма на южном берегу р. Свирь.

В отправленном 14 октября письме Кейтеля Маннергейму было высказано сомнение ОКВ в способности немецких войск выйти к р. Свирь. В письме содержалась просьба приступить к подготовке переброски 163-й дивизии на северный участок фронта. На просьбу разъяснить это указание был получен ответ о том, что дивизия должна была оставаться на месте в ожидании развития событий на тихвинском направлении. 16 октября Карельская армия приказала 163-й дивизии подготовиться к форсированию р. Свирь. Приказ был отменен Карельской армией ровно через два месяца, 16 декабря [20]. Развитие обстановки на южном берегу р. Свирь будет рассмотрено ниже.

Немецкая армия «Норвегия» начала наступление в ноябре нарушив директиву Гитлера

В директиве фюрера № 37 содержались указания касавшиеся только армии «Норвегия» и ее дальнейших действий. В датированной 10 октября 1941 г. директиве содержалось указание о переходе армии к обороне. Главной задачей армии «Норвегия» было удержание района Петсамо. Армии была поставлена предварительная задача овладеть зимой следующего года полуостровом Рыбачий, Мурманском и Кировской железной дорогой [35; 161—164].

Об этих задачах армии «Норвегия» Маннергейму стало известно из упомянутого выше письма Кейтеля от 14 октября, если не раньше. В письме говорилось также о полученном штабом армии «Норвегия» приказе передать 3-й пехотный корпус Сииласвуо вместе с занимаемым им участком фронта под управление Маннергейма. Вместе с тем, в письме не упоминалось о полученном армией приказе подготовиться к переброске дивизии СС «Норд», действовавшей в полосе обороны 3-го пехотного корпуса, в Германию.

Приказ Верховного командования о переходе к обороне на Крайнем Севере не помешал фон Фалькенхорсту и Сииласвуо еще раз попытаться добиться успеха восточнее Кестеньги. В письменном приказе целью этого т.н. «ноябрьского» наступления было овладение исходными позициями для операции по овладению ж/д станцией и поселком Лоухи, которая должна была начаться зимой. Предваряющее наступление южнее Кестеньги началось уже 30 октября. Армия «Норвегия» не поставила заранее ОКВ в известность об этой наступательной операции.

18 октября Главная ставка получила от финского офицера связи, работавшего в штабе армии «Норвегия», сведения об основном содержании приказа о наступлении: «с целью выхода к Мурманской железной дороге до наступления глубокой зимы 3-й пехотный корпус с боем овладевает выгодными для наступления исходными рубежами, после чего организует зимовку войск» [21].

Приказ о наступлении штаба 3-го пехотного корпуса под командованием генерал-майора

Сииласвуо был доставлен для сведения в Главную ставку в день его подписания, 25 октября. Согласно приказу, корпус должен был уничтожить 88-ю стрелковую дивизию противника. Целью наступления был выход на рубеж оз. Верхнее — оз. Большое Еловое [14], после чего «быть в готовности продолжать наступление к Мурманской железной дороге» [22].

Во время наступления отношения между генерал-полковником фон Фалькенхорстом и генерал-майором Сииласвуо обострились до крайности. Наступление на обходящем направлении было безуспешным, но на направлении главного удара войска продвинулись вперед, окружая позиции противника. По мнению фон Фалькенхорста Сииласвуо намеренно сдерживал темп наступления, что не позволило развить первоначальный успех. Еще одной причиной замедления наступления стала переброшенная на этот участок фронта сразу после начала наступления новая, 186-я стрелковая дивизия Красной Армии. 5 января Сииласвуо запросил у Главной ставки о переброске на фронт одного батальона. На следующий день Главная ставка ответила отказом [23].

Президент Финляндии, Главная ставка и ОКВ выступили за прекращение наступательной операции

Наступление 3-го армейского корпуса стало неприятной неожиданностью для президента Рюти. 27 октября он заверил дипломатического представителя США Шенфельда, что Финляндия не угрожает интересам США в зоне Мурманской железной дороги и на архангельском направлении. По всей видимости, наступательная операция на лоухском направлении повлияла на публичное заявление госсекретаря Халла 3 ноября о давлении со стороны США с целью вывода Финляндии из войны [42; 169—170]. Обнародование этих сведений создало дополнительное напряжение в германо-финских отношениях, дезориентировав общественное мнение Финляндии.

9 ноября Эрфурт довел до сведения ОКВ пожелание Маннергейма провести реорганизацию в финских войсках, подчиненных армии «Норвегия», с целью демобилизации личного состава старших возрастов пехотных частей и формирования пехотных бригад вместо дивизий. Главнокомандующий также высказал пожелание, чтобы действовавшие на лоухском направлении войска как можно скорее перешли к обороне [24]. По всей видимости об этом же Маннергейм сказал по телефону и Сииласвуо.

11 ноября ОКВ напомнило армии «Норвегия» об октябрьской директиве фюрера № 37 о переходе армии к обороне, что частично было связано с завершавшейся ОКВ реорганизацией управления войсками в Скандинавии. Уже после начала наступления, 7 ноября, Гитлер подписал дополнение к директиве № 37, в соответствии с которым ведущие боевые действия войска армии «Норвегия» входили в состав вновь формируемой армии, приступавшей с руководством войсками в середине января 1942 г. Командующим новой армией был назначен подчиненный фон Фалькенхорста, командир горного корпуса «Норвегия» (Gebirgskorps Norwegen) генерал горных войск Эдуард Дитль [35; 164—166].

Несмотря на это, командование армии «Норвегия» продолжило наступление, и 18 ноября ОКВ отдало приказ о переходе армии к обороне, в том числе, на участке финского 3-го пехотного корпуса. Лишь после этого командир 3-го корпуса получил аналогичный приказ штаба армии «Норвегия». Немецкое командование, впрочем, получило данные о фактическом переходе 3-го корпуса к обороне еще до приказа армии «Норвегия», подозревая Сииласвуо в получении соответствующего указания Главной ставки финской армии [25].

Союзные державы осложняли движение немецких морских транспортов в Северном море, следовавших из германских портов на север Норвегии. Самый безопасный морской маршрут проходил через Балтийское море в финские порты, из которых грузы следовали по железной дороге в Рованиemi, и далее автотранспортом в места назначения. Для снабжения финского 3-го пехотного корпуса, за которое отвечало немецкое командование, использовалась железная дорога до станции Хюрюнсальми.

Провозная способность финских железных дорог уже в начале осени 1941 года оказалась недостаточной для снабжения населения, промышленных предприятий и немецких войск. Подготовка к продолжению войны зимой и в дальнейшем увеличила объем снабженческих грузоперевозок. Кроме того, войска нуждались в накоплении запасов для зимовки, учитывая снижение объемов морских перевозок из Германии в связи с замерзанием Финского залива.

В конце октября 1941 года Маннергейм назначил начальника отдела снабжения Главной ставки полковника Харальда Рооса начальником снабжения и перевозок Главной ставки, дав ему диктаторские полномочия в сфере перевозок. Немецкая армия «Норвегия» высказывала недовольство своими квотами грузоперевозок и начальник штаба армии направлял письма с жалобами в различные инстанции, обвиняя Рооса в создании проблем со снабжением. Вторым по объемам немецким получателем грузов была поддерживавшая действия армии «Норвегия» 5-я воздушная армия, которая решала с финнами вопросы снабжения без особых проблем. В свою очередь, потребности в железнодорожных перевозках

дислоцированных в Финляндии немецких ВМС были незначительными.

Для решения проблемы снабжения армии «Норвегия» из ОКВ в Финляндию прибыл генерал-майор Вальтер Варлимонт, который 14–15 ноября провел в Хельсинки переговоры с Бушенхагеном и Эрфуртом. Варлимонт сообщил Бушенхагену о стремлении финнов как можно быстрее сократить свою армию военного времени. Проведению реорганизации должно было предшествовать прекращение наступления 3-го пехотного корпуса, и чем дольше оно продолжалось, тем более проблематичным становилось снабжение армии «Норвегия». Варлимонт также считал важным быстрый отвод с передовой линии участвовавшей в наступлении дивизии СС «Норд», которой предстояла переброска в Германию [26]. Впрочем, впоследствии планы изменились и дивизия осталась в Финляндии.

В ходе встречи Варлимонта и Эрфурта обсуждались вопросы, связанные со свирским направлением и управлением вновь формируемой на Крайнем Севере армии. ОКВ надеялось на более активное участие финнов в наступлении немецкой 163-й пехотной дивизии в направлении Тихвина, после завершения которого соединение переходило в подчинение армии «Норвегия». Вновь формируемая армия «Лапландия» должна была осуществлять самое тесное сотрудничество с Главной ставкой финской армии. Конечной целью было согласие Маннергейма взять на себя командование всеми войсками, действовавшими на фронте от Финского залива до Баренцева моря [2; 234—244]. Летом 1942 года армия «Лапландия» была преобразована в 20-ю горную армию, которая до конца войны подчинялась ОКВ.

Кульминация наступления группы армий «Север» на тихвинском направлении

Наступление группы армий «Север» на волховском и тихвинском направлениях продвигалось медленно. 26 октября командующий войсками группы встретился с Гитлером, который уже не рассчитывал на овладение Тихвином, оставив решение о продолжении наступления на этом направлении на усмотрение Риттера фон Лееба. Кроме того, Гитлер распорядился прекратить наступательные действия в районе Ораниенбаума [27].

8 ноября немецкие войска овладели Тихвином, что стало кульминацией наступательной операции группы армий «Север» на этом направлении. После этого немцы запросили финнов о возможности форсирования р. Свирь немецкой 163-й пехотной дивизией и ее дальнейшем продвижении в южном направлении. По мнению командования Карельской армии условием для начала этой операции было продвижение группы армий «Север» от Тихвина к р. Оять [28].

Командующий саперными войсками Главной ставки егерь-генерал-майор Унио Сарлин выехал на Свирский фронт вскоре после овладения немцами Тихвином с целью руководства форсированием р. Свирь и вернулся в Главную ставку 23 ноября после того, как немцы признали, что Тихвин находился слишком далеко от Свири. Для выполнения этой задачи одной дивизии было недостаточно и, кроме того, она действовала в составе двух пехотных полков.

В середине ноября 1941 г. Красная Армия перешла в контрнаступление на тихвинском направлении, в результате которого положение немецких войск стало неустойчивым и в 12.25 7 декабря группа армий «Север» против воли Гитлера отдала приказ об оставлении Тихвина. Тем не менее, в 17.30 он дал согласие на отвод войск из города, из которого последние немецкие войска отошли 8 декабря [29]. Еще 6 декабря в ходе обсуждения положения на этом участке фронта в ОКХ Гитлер высказал убеждение о необходимости удержать Тихвин. Группа армий «Север» по-прежнему должна быть стремиться установить связь с финскими войсками на Свири [34; 100].

Командующий группой армий «Север» фельдмаршал Риттер фон Лееб 16 декабря на самолете прибыл в ставку Гитлера, получив согласие фюрера на отвод войск из района Волховской ГЭС. Бои на этом направлении продолжались до 27 декабря [39; 448—559].

Наступление финнов завершилось овладением Медвежьегорском

Финны испытали облегчение после того как Красная Армия в начале декабря вывела войска из военно-морской базы в Ханко. 3 декабря финские войска, имея в авангарде шведских добровольцев, вошли в Ханко. В день независимости, 6 декабря, было обнародовано решение Госсовета о возвращении в состав Республики Финляндия территорий, переданных СССР согласно условиям Московского мирного договора. За день до этого войска Карельской армии овладели Медвежьегорском, и к середине декабря перешли к обороне на т.н. Масельском перешейке между Онежским озером и оз. Сегозеро.

Достигнутый успех был омрачен объявлением войны Великобританией Финляндии, Венгрии и Румынии 6 декабря, которого долгое время требовал Советский Союз. За два дня до этого стало известно о крупных потерях немецких войск в районе Ростова, где им пришлось отойти из города к р. Дон. Из Северной Африки пришли новости о дополнительных трудностях, которые испытывали там немецко-итальянские войска.

7 декабря Япония нанесла удар по Гавайским островам. На следующий день США объявили войну Японии. 12 декабря Германия и Италия объявили войну США. Финляндия рассчитывала сохранить свою независимость после войны и сохранила дипломатические отношения с США.

В начале декабря стала поступать информация о провале наступательной операции группы армий «Центр» с целью овладения Москвой. Начавшееся 5 декабря контрнаступление Красной Армии заставило в течение месяца немецкие войска отойти более чем на сто километров на запад.

19 декабря Гитлер отправил в отставку командующего сухопутными войсками фельдмаршала Браухича, тем самым формально взяв в свои руки командование действовавшими на Восточном фронте войсками. Гальдер же временно сохранил должность начальника генерального штаба сухопутных войск Германии. Более чем месяц до этих событий Браухич пережил инфаркт, что оставалось тайной. В Финляндии информацию об отставке Браухича воспринимали как свидетельство кризиса в сухопутных войсках Германии. В декабре 1941 г. был нанесен сильный удар по вере в непобедимость братства по оружию.

Планирование совместных действий в начале 1942 года

24 ноября Маннергейм получил от Кейтеля письмо, содержащее информацию об управлении войсками в Северной Финляндии и операциях вновь формируемой немецкой армии «Лапландия» в 1942 году. В марте 1942 г. армия должна была провести первую операцию с целью овладения Кандалакшей. В письме было высказано пожелание об усилении наступательной группировки на кандалакшском направлении передвигающимися на лыжах бригадами, которые подчинялись бы командиру 3-го пехотного корпуса. В письме также высказывалась благодарность за сотрудничество в решении проблем со снабженческими перевозками. С ответом Маннергейм задержался больше чем обычно, что было вызвано его болезненным состоянием, простудной лихорадкой.

Ответ Маннергейма был передан Эрфурту 5 декабря. Маннергейм не считал возможным участие финских войск в операции по перерезанию Мурманской железной дороги возможным до тех пор, пока не изменится положение на ленинградском направлении и южнее р. Свирь.

В конце ноября Маннергейм принял участие в заседании Государственного совета для обсуждения с президентом Рюти ответа Кейтелю и предстоявших вскоре переговоров с командованием армии «Норвегия» в Рованиеми.

В середине декабря Маннергейм прибыл в Рованиеми, где провел переговоры с командованием армии «Норвегия», которому в скором времени предстояло оставить свои посты. На переговорах обсуждались вопросы взаимодействия сформированной в январе армии «Лапландия» и Главной ставки в боевых действиях зимой 1942 г. [30].

В качестве направления главного удара в зимний период Маннергейм вместо кандалакшского направления предложил наступать на Беломорск, для чего прибывавшая из Германии свежая 7-я горная дивизия сосредотачивалась бы на Масельском перешейке. Немцы не выразили интереса к этой идее. Командующий армией «Норвегия» в качестве альтернативы кандалакшскому направлению предложил рассмотреть вариант наступления на Лоухи. Финны отвергли эту идею и взаимопонимание так и не было достигнуто.

Немцы выразили желание как можно скорее вернуть 3-й армейский корпус под командование Маннергейма. Подчиненная корпусу дивизия СС «Норд» отбыла с этого участка фронта и Маннергейм потребовал вместо нее перебросить в состав 3-го корпуса финскую 6-ю пехотную дивизию, действовавшую на кандалакшском направлении. Немцы, в свою очередь, отвергли это предложение. И в этой части переговоры закончились безрезультатно. Новые переговоры должны были состояться уже после формирования армии «Лапландия». Летом 1942 г. финский 3-й армейский корпус был выведен из состава армии «Лапландия».

Планирование наступательной операции на беломорском направлении продолжалось до осени 1942 г. Минимальным условием Маннергейма для ее начала было изменение положения на ленинградском направлении. Этого не произошло, и наступление на Беломорск не состоялось. После овладения Медвежьегорском финны больше не проводили оперативные наступательные действия. Исключением было овладение о. Гогландом в марте 1942 года.

Список источников и литературы

Источники

1. Halderin päiväkirja 26.8.1940. Kansallisarkisto. Halderin päiväkirja. Mikrofilmi F 9 T-84/190.
2. Erfurth, Waldemar. Das Tagebuch. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 8.

3. Päämajan Operatiivisen osaston käsky N:o 1790/Op. 1./5. d./sal. 17.7.1941.
4. Päämajan Operatiivisen osaston käsky N:o 1806/Op. 1./5. d./sal. 19.7.1941.
5. 18. Divisioonan Esikunnan käsky N:o 613/III/sal. 28.7.1941.
6. Päämajan Operatiivisen osaston käsky N:o 1645/op. 1./5. d./sal. 8.7.1941.
7. Heeregrupe Nordin Kriegstagebuch 22.6.–31.8.1941. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 55, T-311/53.
8. Erfurthin sanoma OKH:lle 31.8.1941. Kansallisarkisto. OKH:n arkisto. Mikrofilmi F 22. T-78/337.
9. Erfurthin sanoma OKH:lle 1.9.1941. Kansallisarkisto. OKH:n arkisto. Mikrofilmi F 22. T-78/337.
10. Erfurthin Saksaan 4.9.1941 lähettämä raportti vierailusta. Kansallisarkisto. OKH:n arkisto. Mikrofilmi F 22. T-78/337.
11. Päämajan operatiivinen osaston arkisto 1941. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 102. rulla 3, T 15707/2.
12. Päämajan operatiivinen osasto, no 2455/Op. 1/5. d/sal. 14.9.1941. Päämajan operatiivinen osasto 1941–1945. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 102. Rulla 2. T 15706/2.
13. Heeregrupe Nordin arkisto. Kansallisarkisto, mikrofilmi F 37. T-311/53.
14. Päämajan operatiivinen osasto, no 2435/op. 1/5.d/sal. 11.9.1941. Kansallisarkisto. Päämajan operatiivinen osasto 1941–1945, Sal. Kirjeistöä 5. Keskitys- ja operatiiviset suunnitelma, käskyt ja ohjeet. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 101. Rulla 2. T 15706/2.
15. Heeresgruppe Nordin arkisto. Kriegstagebuch 1.9.1941 alkaen, yhteydenpito Suomeen. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 37. Kansio T-311/53.
16. OKH:n arkisto. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 22. T-78/337.
17. Päämajan operatiivinen osasto no 2590/op. 1./5. d/sal. 1.10.1941. Kansallisarkisto, mikrofilmi F 102, rulla 2, T 15706/2, Päämajan operatiivinen osasto 1941–1945. Sal. Kirjeistöä 5. Keskitys- ja operatiiviset suunnitelmat, käskyt ja ohjeet 1941.
18. Heeresgruppe Nordin arkisto. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 37. Rulla T-311/53.
19. Päämajan operatiivinen osasto 1941–45. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 102. Rulla 124. T 15716/8.
20. Päämajan operatiivinen osasto no 8206/Op.III/12 sal. 16.12.1941. Kansallisarkisto. Päämajan operatiivisen osaston arkisto 1941–1944. Mikrofilmi F 102. Rulla 3.
21. KS 2150 V yhdysupseeri AOK salainen 18.10.1941, osoitettu PMopos eversti Karikoski. Kansallisarkisto. Päämajan operatiivinen osasto 1941–1945. Sal. Kirjeistöä 5. Keskitys- ja operatiiviset suunnitelmat, käskyt ja ohjeet 1941 f) op valmistelut, toimintaohjeet ja käskyt (AK:ien ja muiden alaisten).
22. III Armeijakunnan Esikunta no 465/III/3. b/sal. 25.10.1941. Kansallisarkisto. Päämajan operatiivinen osasto 1941–1945, Sal. Kirjeistöä 5. Keskitys- ja operatiiviset suunnitelmat, käskyt ja ohjeet 1941 f) op valmistelut, toimintaohjeet ja käskyt (AK:ien ja muiden alaisten). Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 102. Rulla 2. T 15706/2.
23. III Armeijakunnan lennätinsanoma no 554/III/3 b 5.11.1941 ja PMopos No 2863/Op 1/5 d/sal 6.11.1941. Kansallisarkisto. Päämajan operatiivinen osasto 1941–1945, Sal. Kirjeistöä 5. Keskitys- ja operatiiviset suunnitelmat, käskyt ja ohjeet 1941 f) op valmistelut, toimintaohjeet ja käskyt (AK:ien ja muiden alaisten). Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 102. Rulla 2. T 15706/2.
24. OKH:n arkisto. Pohjoisen yhteysesikunta Nordin sanoma 9.11.1941. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 22. T-78/337.
25. OKW/Wfst/Abt. L Nr. 441898/41 GK. Chefs. Aa AOK Norwegen 11/9. Kansallisarkisto. AOK Norwegen. Mikrofilmi F 1.325.
26. AOK Norwegen, Befehlstelle Finnland O.Qu. /Qu. 1 Nr. 343/41 g.Kdos. 30.11.1941, Kansallisarkisto. AOK Norwegen. mikrofilmi F 1.325.
27. Heeresgruppe Nordin arkisto, sotapäiväkirja 27.10.1941 klo 19. Kansallisarkisto. Mikrofilmi. Rulla F 37. Kansio T311/53.
28. Karjalan Armeijan Esikunnan creedsanoma no 15712/6941/op. III/sal. 11.11.1941 ylipäälliköille. Kansallisarkisto. Mikrofilmi F 102. Rulla 3. T 15707/2. Päämajan operatiivinen osasto, Sal. Kirjeistöä 5. Keskitys- ja operatiiviset suunnitelmat, käskyt ja ohjeet 1941 f) op valmistelut, toimintaohjeet ja käskyt (AK:ien ja muiden alaisten).
29. Heeresgruppe Nordin arkisto, sotapäiväkirja 7.12.1941, Kansallisarkisto. Mikrofilmi. Rulla F 37. Kansio T311/54.
30. Pohjoisen yhteysesikunnan raportti 14.12.1941 OKW:lle Rovaniemen neuvotteluista. Kansallisarkisto, mikrofilmi F 22, T-78/337.
31. Walter Hornin päiväkirja. PK (pikkukokoelma) 1075. Kansallisarkisto.

Литература

1. Apunen O., Corinna W. Pettureita ja patriootteja. Taistelu Suomen ulko- ja puolustuspolitiikan suunnasta 1938—1948. SKS, 2009.
2. Die Operationsstudien "Marcks" und "Lossberg" // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Band 4, Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983.
3. Haupt, Werner, Heeresgruppe Nord 1941—1945. Darmstadt, 1966. Toinen painos. 1967.
4. Hubatsch W. Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939—1945, Erlangen.
5. Jägerskiöld S. Fältmarsalken. Helsingfors, 1973.
6. Jokipii M. Jatkosodan synty. Tutkimuksia Saksan ja Suomen sotilaallisesta yhteistyöstä. Helsinki: Otava, 1987.

7. Kilin J. Suurvallan rajamaa: Neuvosto-Karjala Neuvostovaltion politiikassa 1920—41. Jyväskylä, 2001.
8. Klink E. Die Operationsführung Heer und Kriegsmarine // *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* Band 4. 1983. S. 451—651.
9. Korpi K. Tavoitteena Muurmanni. Saksan Norjan-armeija ja Pohjois-Suomen rintamasuunta joulukuusta 1940 joulukuuhun 1941. Pohjois-Suomen historiallinen yhdistys, 1996.
10. Manninen O., Rumpunen K. "Käymme omaa erillistä sotaamme". Risto Rytin päiväkirjat 1940—1944. Helsinki, 2006.
11. Nevakivi. J Ystävistä vihollisiksi. Helsinki: Tammi, 1976.
12. Polvinen T. J. K. Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö 3: 1939—1944. Juva, 1995.
13. 44. Risto Rytin puolustus. *Lallukka Kyösti (toim.). Tietokalervo Ky, 1989.*
14. 45. Raunio A. Saksalais-suomalainen armeija kootaan ja Armeijan sotatoimet 1941 // *Jatkosodan historia*. Osa 4. Wsoy, 1993.
15. Raunio A., Kilin J. Jatkosodan hyökkäystaisteluja 1941. Keuruu, 2007.
16. 47. Raunio A., Kilin J. Jatkosodan torjuntataisteluja 1942–44. Keuruu, 2008.
17. Ruotsila M. Churchill ja Suomi. Keuruu, 2002.
18. Talvela P. Muistelmat 1. Sotilaan elämä. Jyväskylä, 1976.
19. Tuompo W. E. Päiväkirjani Päämajasta 1941—1944. WSOY, 1968.
20. Upton A. F. Väli rauha. Helsinki, 1965.
21. Ziemke E. F. German northern theater of operations 1940–1945. Washington, 1959.

[1] В литературе встречаются две даты этой встречи: в дневнике Ристо Рюти 5 мая, в книге под редакцией К. Лаллукка — 20 мая.

[2] Эта запись не является аутентичной, представляя собой заметку 1966 года и запись без датировки.

[3] В дневнике Гальдера упоминается о сообщении Браухича о требовании ОКВ оставить армию «Норвегия» в подчинении ОКВ.

[4] О ходе переговоров известно главным образом по немецким источникам.

[5] Война-продолжение и, особенно, боевые действия освещены в фундаментальном 11-томном издании Военно-исторического института Финляндии, опубликованном в 1950—1960-х гг. (*Suomen sota 1941—1944*). Основанное на этом издании, особенно в части боевых действий, 6-томное издание по истории войны-продолжения (*Jatkosodan historia*), было опубликовано в 1988—1994 гг. Это издание было подготовлено историческим отделом Института военных наук, затем созданным на его основе Институтом истории Военной академии Финляндии (в настоящее время — Институт военной истории). В части действий финских войск эти издания являются основой монографий, написанных А. Раунио и Ю. Килиным (*Jatkosodan hyökkäystaisteluja 1941* (2007) и *Jatkosodan torjuntataisteluja* (2008)). В них профессор ПетрГУ Ю. Килин написал о действиях Красной Армии в ключевых сражениях на финском участке фронта на основе архивных источников, хранящихся в ЦАМО РФ.

[6] Немецко-финское военное сотрудничество освещается в основанной на немецких источниках книге, опубликованной в 1959 г. (Ziemke E. F. *German Northern Theatre of Operations 1940—1945*). Книга была опубликована в 1963 г. в переводе на финский язык под названием «*Saksalaisten sotatoimet Pohjolassa 1940—1945*».

[7] В. Эрфурт вел в Финляндии дневник. Его неопубликованный вариант является ценным источником по обмену мнениями между военным руководством Германии и Финляндии во время войны. Национальный архив Финляндии. E. Waldemar. *Das Tagebuch*. Mikrofilmi F 8.

[8] Директивы А. Гитлера были опубликованы после войны в виде сборника: Hubatsch, Walther, *Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945*, без года издания. ISBN 3-86070-801-5. С. 141.

[9] Называлась также «Группа Ю». Название дано по первой букве имени ее командира

подполковника Юсси Туртола.

[10] Начальник командного управления Главной ставки генерал-майор В. Туомпо описывает поездку Йодля в своем дневнике: Tuompo W. E. *Päiväkirjani Päämajasta 1941—1944*. S. 59—62.

[11] Микрофильмированные американцами материалы немецких архивов были основным источником для опубликованной в 1996 г. докторской диссертации К. Корпи «*Tavoitteena Muurmanni. Saksan Norjan-armeija ja Pohjois-Suomen rintamasuunta joulukuusta 1940 joulokuuhun 1941*». О действиях немецкой армии «Норвегия» как части финско-немецкого военного сотрудничества также см. статью А. Раунио *Saksalais-suomalainen armeija kootaan ja Armeijan sotatoimet 1941* в 4 томе издания *Jatkosodan historia*, опубликованном в 1993 г.

[12] 22 сентября на встрече с Эрфуртом Ханелль рассказам ему об обеспокоенности Эша и Лаатикайнена по этому вопросу.

[13] 23 сентября Эрфурт сообщил в ОКВ, что по вопросу об использовании 163-й дивизии имелись противоречия между директивой фюрера № 36 и письмом Кейтеля Маннергейму от 22 сентября.

[14] Расстояние от этого рубежа до поселка Лоухи составляет 30 км. Прим перев.

Military Cooperation of Finland and Germany in 1940—1942

RAUNIO
Ari

Master of Political Sciences,

*-,
Helsinki, Finland, ari.raunio@kolumbus.fi*

Keywords:

The World War II
Continuation War
military cooperation between Finland
and Germany in 1941—1942

Summary:

During World War II, Finland fought the Soviet Union twice. The first war on November 30, 1939 started the Soviet Union. The war ended with a peace agreement signed in Moscow on March 12, 1940 which came into force the following day. In Finland this war is called Winter War. The second war was started by Finland on June 25, 1941 get the name of Continuation War, and ended on September 19, 1944 after signing of the Armistice Agreement. The states signed peace treaty in Paris in 1947.

The aim of Finland in the Continuation War was returning of the territories lost by the end of the Winter War and the seizure of the territory of the Soviet Karelia inhabited by Karelians. The Soviet Union pursued the same objective with forming in late March 1940 the Karelian-Finnish SSR, which included territories ceded by Finland to the USSR according to Moscow Peace Treaty.

After the Winter War, the United Kingdom, Germany and the Soviet Union sought to maintain relations with the "independent" Finland. Germany and the Soviet Union nurtured their own plans with regard to Finland, while the United Kingdom sought to prevent the growth of German influence in the country.

Finland has chosen military aid proposed by Germany, the cost of which was an offensive war against the USSR. Government and military leaders in Finland believe in speedy victory of the German army. During the war, Finland and Germany have not signed intergovernmental agreements on military and military cooperation. His starting point was the agreements reached during the talks between the representatives of the General Staffs in May-June 1941.

Rejecting the German side Mannerheim made the offer to become chief of all the troops in Finland, including the German, Finland was able to retain the freedom of action in the conduct of war. The military leadership of Germany could not give orders to the main rate of the Finnish army. The coordination of military operations based on cooperation. In response to the growing German demand Mannerheim pointed to the failure of its powers. He often had talks with the leaders of the state.

It is known that in 1941 the Finnish-German military cooperation was realized mainly in the Leningrad Svirsky and directions, as well as the responsibility of the German army in the north of Finland. The Finns did not agree to the continuation of the offensive on the Karelian Isthmus in the direction of Leningrad and south along Lake Ladoga to the Svir River. Different stages of the negotiations and unrealized plans of the sides can be set only on the basis of archival sources. This, and the study of the operations of German troops allowed to reconstruct a picture of the coordination of the German and Finnish troops in the hostilities.

In December 1941 he ended the offensive phase of the war. After this, the trench warfare that lasted until the summer of 1944. In the late autumn of 1941 the parties began to coordinate plans for the 1942 condition of Finnish participation

in offensive actions in 1942 was the decision of the problem of Leningrad by the Germans that they had not been made . After December 1941 the Finnish Army did not conduct operational occurrence except mastering the island of Hogland in late March 1942.

УДК УДК 328.18

Моногорода как объект государственного регулирования: обзор международного и российского опыта

ЦУМАРОВА
Елена
Юрьевна

*кандидат политических наук,
доцент,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, tsumarova@gmail.com*

Ключевые слова:

моногорода
модернизация
государственная политика

Аннотация:

Статья посвящена анализу практик государственного регулирования моногородов в мировом и российском контекстах. Приводятся основные подходы к понятию моногородов, описываются ключевые проблемы монопрофильных образований. На основе анализа государственной политики формулируются основные факторы, способствующие модернизации моногородов. Дается оценка российскому подходу к поддержке моногородов.

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 16 декабря 2017 года

29 августа 2017 года в Кондопоге прошел форум «Моногорода-2017», на котором обсуждались вопросы развития монопрофильных муниципальных образований в Республике Карелия и в России в целом. Участники мероприятия – представители федеральных, региональных и местных органов власти, бизнесмены, общественники – пытались выработать общие подходы для регулирования моногородов, обменивались опытом улучшения инвестиционного климата, привлечения резидентов на территории опережающего экономического развития и поддержки малого и среднего бизнеса [5].

Стоит отметить, что моногорода стали объектом государственной политики в России относительно недавно, после мирового финансового кризиса 2008–2009 года. При этом в мировой практике можно встретить большое количество примеров успешного и неудачного опыта модернизации моногородов. Каким образом государства меняют ситуацию в проблемных моногородах? Почему в одних случаях государственная политика достигает успеха, а в других – нет? В данной статье представлены возможные варианты ответа на указанные вопросы. Структура статьи обусловлена исследовательской логикой. В первой части работы дается описание того, что такое моногород и с какими проблемами сталкиваются монопрофильные муниципальные образования. В последующих двух частях анализируется, соответственно, международный и российский опыт регулирования моногородов. Общие выводы представлены в заключительной части статьи.

Подходы к определению моногорода

Моногород – термин, который достаточно прочно устоялся в российском публичном и научном дискурсе. При этом четкого определения моногородов нет ни в официальных документах, ни в научной литературе [33]. Одновременно с этим не существует и однозначного эквивалента понятия моногород в английском языке, в котором можно встретить как минимум 6 терминов, описывающих муниципалитеты

такого рода. Так, в США и Великобритании чаще всего используются понятия «город одной компании» (company town), «фабричный город» (factory town) и «город одной индустрии» (one-industry town). Разница между указанными терминами сводится к двум параметрам: специализация градообразующего предприятия или предприятий и характер отношений между городом и предприятием. В случае с «городом одной компании» (company town) речь идет о доминировании предприятия во всех сферах общественной жизни. Предприятие является главным работодателем и собственником социальной инфраструктуры. «Фабричный город» (factory town) находится «при» промышленном предприятии, однако, имеет и собственную, независимую от него инфраструктуру. Наконец, понятие «города одной индустрии» (one-industry town) акцентирует внимание на принадлежности предприятий города к одной отрасли. Кроме этого, можно встретить отдельные термины, описывающие города с той или иной доминирующей отраслью экономики: шахтерские города (mining town), железнодорожные города (railway town) и города добывающей промышленности (resource town) [25; 9].

Р. Харрис предлагает использовать зонтичное понятие «индустриальный город» (industrial town) для описания такого рода муниципалитетов. Под индустриальным городом он понимает урбанизированное место, где промышленное производство доминирует в местной экономике и шире: в окружающей среде и социальных отношениях [32, цит. по 4; 211].

Все существующие на данный момент определения моногородов условно могут быть подразделены на две группы: часть из них акцентирует внимание только на экономической составляющей, а вторая часть рассматривает моногорода в более широком социокультурном контексте.

Если обратиться к первой группе, то можно обнаружить ряд признаков, отличающих моногорода от других муниципальных образований. Прежде всего, моногородом признается городское поселение, в котором функционирует одно или несколько однотипных предприятий, которые имеют статус градообразующих[1]. Такое минималистическое определение моногорода, в частности, встречается в докладе Всемирного банка, посвященном России. В специальном разделе о проблемах российских моногородов последние понимаются как «городские поселения, в экономике которых доминирует одна отрасль или градообразующее предприятие» [8; 25].

Союз малых городов России использует более узкое определение моногорода: «поселение, где жизнь и благополучие людей находятся в тесной зависимости от деятельности одного предприятия, либо группы предприятий, связанных единой производственной цепочкой или обслуживающих один и тот же рынок, на которых занято более четверти экономически активного населения» [26].

Нормативные документы, регулирующие функционирование моногородов, предлагают более четкие количественные критерии. Так, Министерство регионального развития России в 2009–2014 годах относило к моногородам муниципальные образования, в которых (1) 25% экономически активного населения работает на одном предприятии[2]; (2) 50% промышленного производства города сосредоточено на этом предприятии и (3) доходная часть бюджета муниципалитета на 30% формируется из отчислений предприятия [15; 10, подобные же критерии использовались и в докладе Экспертного института: 10; 84].

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 29 июля 2014 года требования к моногородам были изменены. С этого момента, моногорода должны были соответствовать следующим критериям: (1) иметь статус городских округов или городских поселений с постоянной численностью населения более 3 тысяч человек; (2) 20% экономически активного населения должно работать на одном предприятии в течение последних пяти лет; (3) деятельность предприятия должна быть связана с добычей полезных ископаемых (кроме нефти и газа), производством и/или переработкой промышленной продукции. [24].

Другими словами, в рамках этого подхода под моногородами понимаются такие муниципальные образования, экономика которых находится в тесной зависимости от функционирования градообразующего предприятия. Эта зависимость находит свое отражение как в структуре доходной части бюджета, так и в структуре занятости населения. Моногорода характеризуются низкой специализацией и диверсификацией экономики. Следуя этой логике, Н. Веселкова определяет моногород как «социально-территориальное поселение городского типа, которое отличают узкоотраслевая структура профессиональной занятости населения и высокая степень зависимости структур жизнеобеспечения от градообразующего предприятия (или нескольких предприятий, объединенных технологической цепочкой или относящихся к одной отрасли экономики)» [4; 223].

Вторая группа определений моногородов во многом является развитием идеи зависимости такого рода муниципалитетов от градообразующих предприятий. Как отмечают эксперты аналитического агентства RWAY и НПФ «Экспертный институт», в монопрофильном городе «градообразующее

предприятие определяет практические все экономические и, что особенно важно, социальные процессы», а другие организации и жители «неспособны своими силами компенсировать риски внешней экономической среды, исключая возможность устойчивого развития этого населенного пункта» [цит. по: 11; 31]. Градообразующее предприятие оказывается не только главным источником доходов муниципалитета, но и ключевым звеном в обеспечении качества жизни поселения. Такой патронаж со стороны предприятия лишь усугубляет зависимость города от его функционирования [1; 7].

Так, наряду с уже упомянутыми видами зависимости, авторы выделяют энергетическую зависимость ЖКХ от поставок тепла и энергии (особенно это актуально, когда котельная предприятия отапливает весь город), зависимость объектов городской социальной инфраструктуры, которая зачастую находится на балансе предприятия, экологическую зависимость, а также подчинение городской планировки особенностям производственной деятельности [25; 9–10, 15; 8–10].

Таким образом, моногорода представляют собой особый тип муниципальных образований, успешное развитие которого тесным образом связано с успешным функционированием градообразующего предприятия или предприятий. При этом, как отмечает Н. Веселкова, характерной чертой моногородов является ожидания населения, что предприятие будет нести ответственность за благосостояние не только непосредственных работников, но и их семей, и жителей города в целом. В ответ на это существуют обратные ожидания лояльности к предприятию как со стороны работников, так и всего населения [4; 211]. Кроме этого, для моногородов зачастую характерна удаленность от крупных населенных пунктов и, как следствие, некоторая замкнутость на предприятии [11; 32].

Очевидно, что такая специфика моногородов приводит к тому, что они одними из первых становятся жертвами мировых финансовых кризисов, глобализации и изменений мировой экономики в целом. Соответственно, государства вынуждены обращать внимание на моногорода, чтобы предотвратить или минимизировать риски социально-экономической нестабильности.

Международный опыт модернизации моногородов

Моногорода существуют во многих странах. Как показывает мировой опыт, наиболее проблемными моногородами являются либо старопромышленные города [3] индустриальной революции XIX века и новые производства начала XX века, либо города одной отрасли, такие как горнодобывающие или рыбопромышленные поселки. Как правило, во второй половине XX века такие моногорода напрямую столкнулись с вызовами глобализации и изменением структуры мировой экономики.

Государства по-разному реагировали на кризис моногородов. Так, например, в Китае пошли по пути постоянных финансовых вливаний в моногорода, с целью поддержания градообразующего предприятия или предприятий на плаву. Тогда как в США государство придерживалось другой стратегии и не поддерживало убыточные предприятия, что привело к появлению так называемых «городов-призраков» [12].

Однако существуют и примеры относительно успешной модернизации старопромышленных территорий. Наиболее известным примером такой модернизации является город Питтсбург. На протяжении долгого времени Питтсбург был центром сталелитейной промышленности в США и одним из крупнейших городов по численности населения. Приток населения во многом был связан с иммигрантами, которые приезжали в город в поисках рабочих мест [27; 84]. Во время Второй мировой войны производство стали достигло своих наивысших показателей, что привело к серьезному ухудшению экологической ситуации в городе. Уже к середине XX века Питтсбург стал демонстрировать отрицательную динамику численности населения, а также проблемы с поиском рабочей силы: компании стали переезжать в более благополучные с точки зрения экологии регионы. Наконец, в результате нефтяных кризисов 1970-х годов и снижения спроса на сталелитейную продукцию из США в Питтсбурге было закрыто большинство предприятий отрасли, что привело к сокращению рабочих мест в промышленности на 50% [27; 86].

Питтсбург вполне мог пополнить ряды «городов-призраков», многие из которых появились в результате неэффективной конкуренции за рабочую силу с южными штатами и за производство с развивающимися государствами. Однако, практически сразу после окончания Второй мировой войны власти города и штата стали предпринимать усилия по сохранению и модернизации территории. Так, уже с 1946 года в городе была принята программа развития, которая предполагала совместные усилия власти и бизнеса. В рамках этой программы часть производственных кварталов была отдана под офисные центры для развития малого и среднего предпринимательства и сферы услуг. Кроме этого, была разработана программа контроля за вредными выбросами, что должно было улучшить экологическую ситуацию [12, 27; 87–95].

Еще одним направлением развития Питтсбурга стали долгосрочные государственные инвестиции

в образование [15; 53], в результате чего в период с 1970 по 1990-е годы доля занятых в сфере здравоохранения, образования и культуры увеличилась на 10%. Начиная с 1990-го года Питтсбург стал развивать так называемую событийную экономику для того, чтобы привлечь в город туристов и изменить имидж Питтсбурга как промышленной территории. Одновременно с этим в городе успешно развивалась наукоемкая сфера, уделялось большое внимание экологической политике и энергоэффективности [27; 95]. В результате всех предпринятых мер на сегодняшний день Питтсбург является одним из самых комфортных для проживания городов США и рассматривается как один из самых успешных примеров модернизации [8; 31].

Похожая стратегия была использована и при модернизации города Глазго в Великобритании, который являлся одним из центров кораблестроения и производства локомотивов. Спад производства в середине 1960-х годов привел к массовому оттоку населения, которое сократилось практически вдвое. Ситуация стала меняться в 1980-е годы, когда местные власти разработали программу развития города. Программа включала в себя несколько направлений: во-первых, реставрация жилого фонда и модернизация социальной инфраструктуры; во-вторых, привлечение инвестиций и диверсификация экономики за счет развития розничной торговли; в-третьих, развитие Глазго в качестве туристического центра посредством открытия галерей, музеев и театров. В качестве признания успеха усилий местных властей в 1990 году Глазго был признан культурной столицей Европы [31; 139–173].

Наконец, еще одним примером успешного преобразования старопромышленного города является небольшой Тамблер-Ридж в Канаде. В 2000 году в этом городе была закрыта крупнейшая шахта, что поставило под вопрос существование самого города. Власти Тамблер-Риджа выкупили у компании большую часть жилого фонда и стали продавать его по достаточно низкой цене. Такая кампания принесла свои результаты: жилье быстро продавалось, местный бюджет пополнялся налогом с недвижимости, развивалась сфера торговли и услуг. Тамблер-Ридж стал позиционироваться как «город с развитой инфраструктурой для спокойной старости» [12].

Все приведенные выше примеры демонстрируют более или менее схожую стратегию модернизации моногородов. В литературе она часто называется «американской» [10], что подразумевает диверсификацию экономики, содействие мобильности населения и развитие сферы услуг и наукоемких технологий.

Другая модель модернизации моногородов, «европейская», ориентирована на долгосрочную перспективу и большие финансовые вливания как со стороны органов власти, так и со стороны бизнеса. Самым ярким примером данной модели является Рурская область в Германии, на территории которой с середины XIX века развивалась черная металлургия, электроэнергетика, химическая промышленность и транспортная сеть. Технологическая замкнутость, зависимость предприятий разных отраслей друг от друга привела к тому, что Рурская область стала монопрофильным регионом, для которого были характерны те же слабые стороны, что для и моногородов.

Кризис металлургической сферы 1970-х годов, перенос производств в развивающиеся страны, переход на нефтегазовое сырье в химической промышленности привели к депрессивности Рура. Закрывалось большое количество градообразующих предприятий, что поставило под вопрос выживание ряда небольших муниципалитетов. Кроме того, как отмечает И. Стародубовская, «отсутствие развития социальной инфраструктуры, а также тяжелое состояние экологии региона стали причинами социальной напряженности» [27; 149]. Все в это в конечном итоге привело к росту безработицы, оттоку населения и стагнации экономического развития. Власти Германии сначала пытались снизить остроту кризиса дополнительными денежными вливаниями, частично покрывая себестоимость угля и стимулируя спрос на него. Подобные действия частично снизили негативные социальные эффекты, но не способствовали структурным изменениям [27; 151].

В конце 1970-х и в 1980-е годы правительство земли Северный Рейн – Вестфалия приняло ряд программ, направленных на диверсификацию экономики, создание новых рабочих мест, модернизацию инфраструктуры, улучшение состояния окружающей среды. В рамках программ большое внимание уделялось развитию местных инициатив, созданию сетевых сообществ, активизации малого и среднего бизнеса. Так, в течение 1980-х годов прирост количества новых фирм в Рурской области составил 41%, тогда как в целом по Германии он находился на уровне 28% [27; 161].

Еще одним важным направлением модернизации Рурской области стала так называемая неоиндустриализация – «трансфер технологий из образовательных центров и исследовательских организаций в сферу малого и среднего бизнеса» [15; 49]. Новыми приоритетными отраслями промышленности стали медицинские и информационные технологии, а также микроэлектроника. Особое значение приобрели и экологические технологии, которые изначально развивались как реакция

на спрос со стороны крупных промышленных предприятий, а потом приобрели статус самостоятельной отрасли. К концу 1980-х годов в земле Северный Рейн – Вестфалия было сосредоточено 20% всех объемов производства экологических технологий Германии [27; 162]. На сегодняшний день Рурская область полностью преодолела кризис и демонстрирует успешное развитие диверсифицированной экономики.

Среди примеров современных моногородов, которые привлекают внимание как исследователей, так и политиков, стоит отметить шведский город Кируна – «классический» моногород с градообразующей горнорудной компанией LKAB, которая является крупнейшим производителем железной руды в Европе. В отличие от описанных выше городов, Кируна в настоящее время не испытывает экономических проблем. Как отмечает руководитель Президент LKAB Ларс-Эрик Ааро, прибыль компании в 2000-е годы выросла на 250% [7].

Однако именно постоянное увеличение зоны добычи железной руды и повлекло за собой разработку проекта по переносу города. Изначально цель проекта заключалась в том, чтобы обезопасить жителей города от пустот, образовавшихся в результате подземных работ. Но уже в процессе разработки плана переноса стала формироваться идея снижения зависимости Кируны от добывающей промышленности и развития малого бизнеса [6]. При этом все затраты, связанные с переносом города, берет на себя компания LKAB. Общий объем инвестиций только на первом этапе составит более 400 миллионов евро [3]. Сам перенос должен завершиться к 2033 году.

Наряду с масштабными планами по переносу города компания совместно с администрацией Кируны активно участвует в развитии социальной сферы: школ, спорта, системы здравоохранения и т.д. На проведение локальных мероприятий компания тратит не менее 10 миллионов евро в год. Как подчеркивает Л. Ааро, «Кируна должна стать городом, в котором хочется жить и в который хочется приезжать. Иначе у нас будут большие проблемы с поиском и подбором новых сотрудников» [7]. Таким образом, Кируна представляет собой пример тесного и взаимовыгодного сотрудничества градообразующего предприятия с местной администрацией и местным сообществом в целом.

Суммируя описанные выше случаи модернизации монопрофильных образований, стоит выделить общие черты, которые позволили преодолеть зависимость городов от градообразующих предприятий. Прежде всего, это взаимодействие государства и бизнеса, направленное, с одной стороны, на создание условий для диверсификации экономики и развитие мелкого и среднего бизнеса, а, с другой стороны, на создание новых рабочих мест и улучшение человеческого капитала. Кроме этого, успеху модернизации сопутствовало развитие инфраструктуры: транспортной, жилищной, социальной и пр. Наконец, еще один важный фактор – наличие долгосрочных стратегий развития города, разработанных с учетом специфики конкретной территории.

Российский подход к модернизации моногородов

Появление моногородов в России связывают с первой волной индустриализации эпохи Петра [4], когда стали появляться новые производства (прежде всего суконные мануфактуры и железодельные заводы в зонах освоения). Однако массовое развитие монопрофильных городов стало возможным во время так называемого ситцевого капитализма XIX века, связанного с развитием легкой промышленности. Именно в это время в центральной России появились города, образованные вокруг мануфактур. К ним относятся, например, Павлов Посад и Орехово-Зуево. Наряду с городами легкой промышленности активно развивались центры производства народных промыслов, такие как Гусь-Хрустальный, Гжель и другие, а также шахтерские города-поселки вдоль строящейся Транссибирской магистрали. В качестве рабочей силы использовались крепостные крестьяне, которых перевозили на новое место, и которые в конечном итоге стали постоянными жителями этих городов [29; 38].

В советское время исследователи выделяют несколько волн появления моногородов. Индустриализация привела к образованию большого количества поселений, жизнедеятельность которых зависела от функционирования одного или нескольких предприятий. Именно в это время появились Апатиты, Воркута, Новокузнецк и многие другие промышленные города. Эвакуация предприятий во время войны также создавала новые моногорода в центральной и восточной частях страны. Наконец, послевоенное время ознаменовалось строительством новых мощностей и появлением новых промышленных моногородов, а также моногородов особого типа, наукоградов и закрытых военных городов, связанных с развитием научно-технического прогресса и ростом военного потенциала.

Таким образом, моногорода в России в большинстве своем являлись результатом осуществления государственной политики, удовлетворения нужд государства в тех или иных видах деятельности. К моменту распада Советского Союза на территории России существовало несколько разновидностей

моногородов: сырьевые экспортоориентированные города газовой и нефтяной промышленности, металлургические города и города машиностроения, и, наконец, города с целлюлозно-бумажными и химическими предприятиями. Отдельно выделяются города, деятельность градообразующего предприятия которого финансируется из государственного бюджета или связана с государственными монополиями (ЗАО Министерства обороны, Росатома, наукограды) [10; 89–90]. Численность населения российских моногородов также различна: от 837 человек в поселке Беринговский Чукотской автономной области до 713 тысяч человек в Тольятти.

На протяжении 1990-х годов положение моногородов в России было хоть и не простым, но относительно стабильным. Был целый пласт городов, которые фактически прекратили свое существование из-за закрытия градообразующего предприятия, но в целом ситуация не выглядела критичной [19]. Ситуация изменилась в середине 2000-х годов, когда конкурентоспособность промышленных моногородов, ориентированных на экспорт, стала снижаться. Во многом это было связано с ростом заработных плат в бюджетной сфере и укреплением региональных столиц в качестве центров торговли и сервиса. Именно в это время моногорода стали испытывать нехватку квалифицированного персонала и отток молодежи [10; 87].

Экономический кризис 2008–2009 годов усугубил ситуацию в моногородах. При этом, по данным Н. Зубаревич, наиболее пострадали от кризиса города, связанные с металлургией, машиностроением, производством минеральных удобрений. Более устойчивыми оставались моногорода ТЭК, а моногорода, финансируемые из бюджета или госмонополиями практически не заметили кризиса [10; 87–90]. Главная проблема, с которой столкнулись моногорода в результате кризиса 2008–2009 годов – это приостановка деятельности или полное закрытие градообразующих предприятий из-за спада потребления российской продукции на мировом рынке [14].

В докладе Всемирного банка 2010 года, посвященном России, было уделено особое внимание ситуации в моногородах. В частности, эксперты выделили несколько измерений кризиса: бюджетный, социальный и экономический. Бюджетное измерение сводилось к тому, что приостановка деятельности градообразующего предприятия, сокращение персонала и, как следствие, рост безработицы неизбежно влекло за собой снижение налоговых поступлений в местные и региональные бюджеты, что привело к росту социального недовольства. При этом местные и/или региональные власти не имели возможности оперативно реагировать на изменение ситуации, так как «большинство моногородов имеют узкую и негибкую структуру экономики, для которой характерны устаревший физический капитал, ветхая инфраструктура и немобильное население» [8; 27].

Первоначально стратегия Правительства России относительно стабилизации ситуации в моногородах была сфокусирована на финансовых вливаниях. В 2010 году на поддержку моногородов из бюджета было выделено 27 миллиардов рублей, из которых 10 миллиардов – бюджетные кредиты Министерства финансов, 10 миллиардов – субсидии федеральных органов исполнительной власти, 5 миллиардов – средства Фонда ЖКХ и 2 миллиарда – средства, направленные на поддержку малого и среднего бизнеса в моногородах [25; 10–11].

Предпринятые меры позволили несколько снизить социальную напряженность в наиболее проблемных моногородах, но не решили проблему полностью. В конце 2014 года Правительство приняло комплекс мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности территорий моногородов, который включал, помимо прочего, создание специального Фонда развития моногородов [13]. Учредителем Фонда стал Внешэкономбанк, а его главной задачей являлось «формирование необходимых условий для создания новых рабочих мест и привлечения инвестиций в моногорода» [23]. В 2015–2016 годах Фонд заключил 18 соглашений с субъектами федерации на софинансирование инвестиционных проектов, а также 47 соглашений о сотрудничестве с моногородами [21]. Объем принятых обязательств Фонда по состоянию на 1 января 2017 года составил 8,65 миллиарда рублей [17].

Еще одним направлением поддержки моногородов стало создание территорий опережающего социального-экономического развития (ТОСЭР/ТОР) – территорий, на которых установлен «особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социального-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения» [20]. Идея ТОРов предполагает создание в стране мощных «точек роста», которые будут стимулировать развитие экономики. Изначально создание такого рода территорий планировалось только на Дальнем Востоке и в моногородах с наиболее сложным социально-экономическим положением. К лету 2015 года было создано 12 ТОРов на Дальнем Востоке и 3 в моногородах (Набережные Челны, Гуково, Усолье-Сибирское) [28], а к августу 2017 года ТОРы были

образованы в 23 моногородах России.

Летом 2016 года Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам при Президенте РФ выделил программу комплексного развития моногородов в качестве одного из 11 национальных проектов [16]. Программа рассчитана на 9 лет, с ноября 2016 по декабрь 2025, однако первые значимые результаты должны появиться к концу 2018 года. Так, в качестве цели программы было заявлено «создание 230 тысяч новых рабочих мест, не связанных с деятельностью градообразующих предприятий, и, как следствие, снижение моногородов на 18 единиц к концу 2018 года» [22].

В рамках национального проекта «Моногорода» во всех муниципальных образованиях такого типа до конца 2018 года также предполагалось реализовать программу «Пять шагов благоустройства повседневности». Шаги программы включают в себя благоустройство общественного пространства, создание возможностей для времяпрепровождения молодежи, обновление городских достопримечательностей, обновление или создание объектов социальной инфраструктуры и активация заброшенных или неэффективно используемых зданий и помещений.

Таким образом, российский вариант решения проблем моногородов больше напоминает европейскую модель с большим объемом финансовых вложений. По данным Счетной палаты, в период с 2010 по 2016 год на поддержку моногородов Правительством было выделено 115,9 миллиардов рублей [2]. При этом в реализации государственной политики участвует большое количество министерств и ведомств. В соответствии с Единым перечнем мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации такая поддержка осуществляется 18 структурами, а основной формой поддержки выступают субсидии и государственные гарантии, реже – методическое и информационное сопровождение [9].

Тем не менее, эффективность предпринимаемых российскими властями усилий находится под большим вопросом. По данным СМИ безработица в моногородах лишь растет: со 115 тысяч человек в декабре 2015 до 139,3 тысяч в начале мая 2016, в то время как сокращения на предприятиях продолжаются [18]. В отчете Счетной палаты отмечается, что более 70% жителей моногородов оценивают ситуацию как неблагоприятную или терпимую с трудом, и только 7,7% признали достаточными меры, предпринимаемые муниципальной властью [2]. Другими словами, вложение большого объема финансовых средств позволило лишь на некоторое время стабилизировать ситуацию в наиболее проблемных городах, но не достигло заявленных целей диверсификации производства и снижении зависимости города от деятельности градообразующих предприятий.

Моногорода представляют собой особый тип муниципальных образований, находящихся в большой зависимости от деятельности градообразующего предприятия. Эта зависимость носит двойственный характер: с одной стороны, предприятие обеспечивает население рабочими местами, наполняет местный бюджет и поддерживает социальную инфраструктуру. С другой стороны, когда предприятие сталкивается с кризисом, это отражается на всех жителях города.

Многие страны мира в разное время сталкивались с необходимостью модернизации моногородов: диверсификации экономики, развития человеческого капитала, инфраструктуры. В одних случаях государства отказывались от убыточных предприятий, стимулируя мобильность населения, что приводило к появлению заброшенных городов-призраков. В других случаях, государство предпринимало активные усилия по развитию и поддержке моногородов. Как показал приведенный в статье анализ, успеху модернизации способствовали как большие финансовые вливания, так и предпринимаемые усилия по поддержке малого и среднего бизнеса, сферы услуг и пр. Еще одним важным фактором успеха стало тесное взаимодействие органов власти всех уровней, бизнес-структур и организаций гражданского общества.

Российский опыт государственного регулирования моногородов еще не столь продолжителен в сравнительном контексте. Тем не менее, уже сейчас можно выделить ключевую особенность российского подхода – акцент на финансовой помощи наиболее проблемным моногородам через инструменты Фонда поддержки моногородов и создание территорий опережающего социально-экономического развития. Однако говорить о больших успехах пока не приходится. Ситуация в российских моногородах стабилизируется, но зависимость муниципалитетов от градообразующих предприятий еще сохраняется.

Работа выполнена в рамках подпроекта «Публично-властное взаимодействие как ресурс развития муниципальных сообществ Республики Карелия» в рамках Программы развития опорного университета (ПетрГУ) на 2017–2021гг.

Список источников и литературы

1. Аналитический доклад по вопросам управления развитием моногородов. М., 2011. 42 с.
2. В 2016 г. численность занятого населения моногородов сократилась на 288 тыс. человек или на 5%. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/30165/>, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
3. В Швеции перевезут на новое место целый город [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/world/55556/delikatnyi-pereezd>, свободный. (Дата обращения 23.08.2017).
4. Веселкова Н., Прямикова Е., Вандышев М. Моногород: дилеммы конструирования пространства // ТОПОС. 2011. № 1. С. 208–224.
5. Власти Карелии планируют получить статус TOP для пяти моногородов [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4516378>, свободный. (Дата обращения 20.08.2017).
6. Деликатный переезд [Электронный ресурс]. URL: <https://archi.ru/world/55556/delikatnyi-pereezd>, свободный. (Дата обращения 23.08.2017).
7. Добыча все глубже – доходы все выше [Электронный ресурс]. URL: <http://barentsobserver.com/ru/sweden/dobycha-vse-glubzhe-dohody-vse-vyshe>, свободный. (Дата обращения 23.08.2017).
8. Доклад об экономике России. № 22. Июнь 2010. 33 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-israel.ru/docs/p1307428256.pdf>, свободный. (Дата обращения 20.08.2017).
9. Единый перечень мер поддержки монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/monitoringmonocity/20160415>, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
10. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
11. Ивашина Н. С., Улякина Н. А. Монопрофильный город: теоретические аспекты определения категории // Вектор науки ТГУ. Серия «Экономика и управление». 2011. № 4 (7). С. 31–34.
12. Игра преобразования – опыт зарубежных стран [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2416383>, свободный. (Дата обращения 22.08.2017).
13. Комплекс мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности территорий монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/vEyuWZLkJPk.pdf>, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
14. Кузенков А. Л. Решение проблемы моногородов. [Электронный ресурс]. URL: <https://krona-sm.com/materialy/elektrosnabzhenie/reshenie-problemy-monogorodov.html>, свободный. (Дата обращения 22.08.2017).
15. Микрюков Н. Ю. Факторы, проблемы и модели развития моногородов России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата географических наук. М. 2016. 163 с.
16. Моногорода накроются нацпроектом. Коммерсант. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3054670>, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
17. Моногорода: некоторые важные результаты и показатели 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/27261/>, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
18. Моногорода погружаются в безработицу. Новая газета. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/20/68673-monogoroda-pogruzhayutsya-v-bezrobotitsu>, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
19. Моногорода: уезжать или оставаться. Эхо Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <http://echo.msk.ru/programs/poehali/614957-echo/>, свободный. (Дата обращения 12.08.2017).
20. «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» от 29.12.2014 № 473-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
21. Отчет о результатах деятельности некоммерческой организации «Фонд развития моногородов» за 2016 год. [Электронный ресурс]. URL: http://www.frmrus.ru/upload/manual-upload/report_2016/report.html#p=1, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
22. Паспорт приоритетной программы Комплексное развитие моногородов. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/hZyhI428KMh69292CtUNqfVPFZF1cTAo.pdf>, свободный. (Дата обращения 16.08.2017).
23. Поддержка моногородов России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.veb.ru/strategy/region/mono/>, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
24. Постановление Правительства Российской Федерации № 709 от 29 июля 2014 г. «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4f68f6a0c7889b0a7.pdf>, свободный. (Дата обращения

- 11.08.2017).
25. Развитие моногородов России: монография / колл. авт. под ред И. Н. Ильиной. М.: Финансовый университет, 2013. 168 с.
 26. Симагин Ю. А. Необходимость государственной поддержки системы малых городских населенных пунктов России [Электронный ресурс]. URL: <http://smgrf.ru/neobhodimost-gosudarstvennoj-podderzhki-sistemy-malyh-gorodskih-naselennyh-punktov-v-rossii/>, свободный. (Дата обращения 17.08.2017).
 27. Стратегии развития старопромышленных городов: международный опыт и перспективы в России. Под ред. И. Стародубровской. Изд-во института Гайдара. М., 2011. 248 с.
 28. Территории опережающего развития: 12 особых зон в ДФО. ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/info/2215388>, свободный. (Дата обращения 15.08.2017).
 29. Тульчинский Г. Л. От «спасения» и выживания к инновационному развитию: Социальное партнерство как основа решения проблемы моногородов. //Муниципальная власть. 2011. № 2. С. 36–40.
 30. Тургель И. А. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. М.: Изд-во Директ-Медиа, 2014. 765 с.
 31. Boyle M. Cultural politics of Glasgow, European City of Culture: making sense of the role of local state in urban regeneration. PhD Thesis. University of Edinburg. 1992. 508 p.
 32. Harris R. Industrial City // International Encyclopedia of Human Geography. 2009. P. 383–388.
 33. Maksimova D. 2015. Russian Monotowns. MA Thesis, Lund University. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=7374168&fileId=7374174>, свободный. (Дата обращения 28.08.2017).

References

1. Analytical report on development management of monocities [Analiticheskiy doklad po voprosam upravleniya razvitiem monogorodov]. М., 2011. 42 p.
2. In 2016 the number of employed population of monocities decreased by 288 thousand people or by 5% [V 2016 g. chislennost' zanyatogo naseleniya monogorodov sokratilas' na 288 tysyach chelovek ili 5%]. [Electronic resource]. URL: <http://www.ach.gov.ru/activities/control/30165/> (accessed 15.08.2017).
3. In Sweden a whole city will be moved to a new location [V Shvetsii perevezut na novoe mesto tselyy gorod] [Electronic resource]. URL: <https://archi.ru/world/55556/delikatnyi-pereezd> (accessed 23.08.2017).
4. Veselkova N., Pryamikova E., Vandyshev M. Monocity: dilemmas of space construction [Monogorod: dilemmy konstruirovaniya prostranstva] // TOPOS. 2011. № 1. С. 208–224.
5. The authorities of Karelia are planning to obtain the status of TOP for five monocities [Vlasti Karelii planiruyut poluchit' status TOR dlya pyati monogorov] [Electronic resource]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4516378> (accessed 20.08.2017).
6. Delicate moving [Delikatnyy pereezd] [Electronic resource] URL: <https://archi.ru/world/55556/delikatnyi-pereezd> (accessed 23.08.2017).
7. Extraction more and more – incomes all above [Dobycha vse glubzhe – dokhody vse vyshe] [Electronic resource]. URL: <http://barentsobserver.com/ru/sweden/dobycha-vse-glubzhe-dohody-vse-vyshe> (accessed 23.08.2017).
8. Report about Russia's economy [Doklad ob ekonomike Rossii] № 22. June 2010. 33 p. [Electronic resource]. URL: <http://rus-israel.ru/docs/p1307428256.pdf> (accessed 20.08.2017).
9. A unified list of measures to support single-industry municipal entities of the Russian Federation (monocities) [Edinyy perechen' mer podderzhki monoprotifil'nykh municipal'nykh obrazovaniy (monogorodov)] [Electronic resource]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/econReg/monitoringmonocity/20160415> (accessed 15.08.2017).
10. Zubarevitch N. V. Russian's regions: inequality, crisis, modernization [Regiony Rossii: neravenstvo, crisis, moderniztsiya] М.: Independent institute of social policy. 2010. 160 с.
11. Ivashina N., Uljakina N. Single-industry town: theoretical aspects of category definition [Monoprofil'nyy gorod: teoreticheskie aspekty opredeleniya kategorii] // Vector of science TSU. Series «Economic and management». №4 (7), 2011. P. 31–34.
12. Game of transformation – the experience of foreign countries [Igra preobrazheniya – opyt zarubezhnykh stran] [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2416383> (accessed 22.08.2017).
13. Complex of measures to increase the investment attractiveness of the territory of single-profile municipal entities of Russian Federation (monocities) [Kompleks meropriyatiy po povysheniyu investitsionnoy privlekatel'nosti territoriy monoprotifil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniy (monogorodov)]. [Electronic resource]. URL: <http://static.government.ru/media/files/vEyuWZLKJPK.pdf> (accessed 15.08.2017).
14. Cuzenkov A. Monocities problem solving [reshenie problem monogorov] [Electronic resource]. URL:

- <https://krona-sm.com/materialy/elektrosnabzhenie/reshenie-problemy-monogorodov.html> (accessed 22.08.2017).
15. Mikryukov N. Factors, problems and models of monocities development in Russia [Factory, problemy i modeli razvitiya monogorodov Rossii]. Dissertation for the degree of candidate of geographical sciences. M. 2016. 163 p.
 16. Monocities will be covered by the national project [Monogoroda nakroyutsya natsproyektom]. Kommersant. [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3054670> (accessed 15.08.2017).
 17. Monocities: some important results and indicators in 2016 [Monogoroda: nekotorye vazhnye rezultaty i pokazateli 2016 goda] [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/info/27261/> (accessed 15.08.2017).
 18. Monotowns are immersed in unemployment [Monogoroda pogruchayutsya v bezrabotitsu]. Novaya gazeta. [Electronic resource]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/20/68673-monogoroda-pogruchayutsya-v-bezrabotitsu> (accessed 15.08.2017).
 19. Monocities: to move or to stay [Monogoroda: ueshat' ili ostavat'sya]. Ekho Moskv. [Electronic resource]. URL: <http://echo.msk.ru/programs/poehali/614957-echo/> (accessed 12.08.2017).
 20. On the territories of advanced social and economic development in the Russian Federation 29.12.2014 № 473-FZ. [O territoriyakh operezhayuschego social'no-ekonomicheskogo razvitiya v Rossiyskoy Federatsii] [Electronic resource]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (accessed 15.08.2017).
 21. Report on the results of activities of a non-profit organization «Monocities development fund» for 2016 year [Otchet o rezul'tatakh deyatel'nosti nekommercheskoy organizatsii «Fond razvitiya monogorodov» za 2016 god] [Electronic resource]. URL: http://www.frmrus.ru/upload/manual-upload/report_2016/report.html#p=1 (accessed 15.08.2017).
 22. Passport of the priority program Integrated development of monocities [Pasport prioritetnoy programmy Kompleksnoe razvitie monogorodov] [Electronic resource]. URL: <http://static.government.ru/media/files/hZyhI428KMH69292CtUNqfVPFZF1cTAo.pdf> (accessed 16.08.2017).
 23. Support of Russia's monocities [Podderzhka monogorodov Rossii] [Electronic resource]. URL: <http://www.veb.ru/strategy/region/mono/> (accessed 15.08.2017).
 24. Resolution of the Government of the Russian Federation № 709 of July 29, 2014 "On the criteria for classifying municipal entities of the Russian Federation as mono-profile (monocities) and categories of single-profile municipal entities of the Russian Federation (monocities), depending on the risks of deteriorating their socioeconomic status" [Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii № 709 ot 29 iyulya 2014 "O kriteriyakh otneseniya munitsipal'nykh obrazovaniy Rossiyskoy Federatsii k monopofil'nym (monogorodam) i kategoriyakh monopofil'nykh munitsipal'nykh obrazovaniy Rossiyskoy Federatsii v zavisimosti ot riskov ukhudsheniya ikh sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya"] [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/media/files/41d4f68f6a0c7889b0a7.pdf> (accessed 11.08.2017).
 25. Development of Russia's monocities [Razvitie monogorodov Rossii] / ed. by Il'ina I. N. M.: Financial university, 2013. 168 c.
 26. Simagin Y. Necessity of state support of the system of small urban settlements of Russia [Neobkhodimost' gosudarstvennoy podderzhki sistemy malykh gorodov Rossii] [Electronic resource]. URL: <http://smgrf.ru/neobkhodimost-gosudarstvennoj-podderzhki-sistemy-malyh-gorodskih-naselennykh-punkto-v-rossii/> (accessed 17.08.2017).
 27. Strategy of old industry town's development: international experience and perspective in Russia [Strategii razvitiya staropromyshlennykh gorodov: mezhdunarodnyy opyt i perspektivy v Rossii]. Ed. by I. Starodubrovskaya. PH of Gaidar's Institut M., 2011. 248 p.
 28. Territories of advanced development: 12 special zones in DFO [Territorii operezhayuschego razvitiya: 12 osobykh zon v DFO]. TASS. [Electronic resource]. URL: <http://tass.ru/info/2215388> (accessed 15.08.2017).
 29. Tul'chinskiy G. From the "rescue" and survival to innovative development: social partnership as the basis for solving the problem of monocities [Ot "spaseniya" i vyzhivaniya k innovatsionnomu razvitiyu: sotsial'noe partnerstvo kak osnova resheniya problem monogorodov]. //Municipal Power. 2011. № 2. P. 36–40.
 30. Turgel' I. Monofunctional towns in Russia: from the rescue to the sustainable development [Monofunktsional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustoychivomu razvitiyu] M. PH Direkt-Media, 2014. 765 p.
 31. Boyle M. Cultural politics of Glasgow, European City of Culture: making sense of the role of local state in urban regeneration. PhD Thesis. University of Edinburg. 1992. 508 p.
 32. Harris R. Industrial City // International Encyclopedia of Human Geography. 2009. P. 383–388.
 33. Maksimova D. 2015. Russian Monotowns. MA Thesis, Lund University. URL: <http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordId=7374168&fileId=7374174> (accessed 28.08.2017).

[1] В зависимости от специализации градообразующего предприятия моногорода подразделяются на три вида: монофункциональный город, моноотраслевой город и моноцентрический город. К монофункциональным городам относятся города, в которых функционирует ограниченное число предприятий, обеспечивающих его существование и развитие. Моноотраслевой город представляет собой муниципалитет, в котором существуют несколько предприятий одной градообразующей отрасли. Наконец, моноцентрический город – город одного предприятия. [25; 10, про монофункциональный город см. 30].

[2] Стоит отметить, что в российском законодательстве нет однозначного определения градообразующего предприятия. Так, в Постановлении Правительства РФ «О порядке отнесения предприятий к градообразующим» от 1994 года градообразующим предприятием называлось предприятие, на котором занято не менее 30% от общего числа работающих на предприятиях города, либо имеющее на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживающие не менее 30% проживающих в населенном пункте. Тогда как в Федеральном законе РФ «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ 2002 года под градообразующими предприятиями понимаются юридические лица, численность работников которых составляет не менее 25% численности работающего населения соответствующего населенного пункта. При этом за каждым субъектом РФ закрепляется право самостоятельно определять критерии отнесения предприятия к градообразующему.

[3] Под старопромышленным городом понимается «территория, на которой исторически сложилась концентрация индустриальных отраслей, что определило экономическую, социальную и пространственную структуру города, не соответствующую новым условиям и требованиям» [27; 20].

[4] Некоторые исследователи ведут отсчет российским моногородам с конца 11 века, рассматривая в качестве таковых Москву и Новгород как ключевые центры [30].

Monotowns as an Object of State Regulation: Review of International and Russian Practices

TSUMAROVA
Elena

*PhD in Political Science,
Associate Professor,
Department of World History, Political Science and
International Relations, Institute of History, Political and
Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, tsumarova@gmail.com*

Keywords:

single-industry towns
monocities
modernization
public policy

Summary:

The article is devoted to the analysis of practices of state regulation of single-industry towns in the global and Russian contexts. The main approaches to the concept of single-industry towns are given, and the key problems of monoprofile formations are described. Based on the analysis of state policy, the main factors that contribute to the modernization of single-industry cities are formulated. An assessment is given to the Russian approach to support monotowns.

УДК 378.4

Реформа финской высшей школы в оценке общественного мнения Финляндии

КИЛИН
Юрий
Михайлович

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Россия, kilinyuri@mail.ru*

Ключевые слова:

реформа финской высшей школы
Финляндия
общественное мнение

Аннотация:

В статье рассматривается реформа высшей школы Финляндии, начатая в 2010 году, когда был принят новый закон о высшем образовании, и не завершённая до настоящего времени. Общественное мнение, за исключением руководства университетов и государственных чиновников, оценивает результаты реформы преимущественно негативно. В опросах отмечается увеличившийся дефицит университетской демократии, усилившаяся бюрократия, постепенная утрата авторитета университетской системы в обществе, ухудшившийся морально-психологический климат в вузах, уменьшение бюджетного финансирования и продолжающиеся массовые сокращения персонала. Эффективность новой системы не имеет объективных подтверждений, а относительно высокий уровень финской высшей школы и научных исследований в мировом масштабе можно отнести на счёт накопленного в прошлом компетентностного капитала.

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 16 декабря 2017 года

Замысел реформы высшей школы в Финляндии

Готовя общественное мнение к реформе финской высшей школы, со статьёй о ее целях и ожидаемом положительном эффекте выступила Хенна Виркунен – министр образования Финляндии, депутат парламента и заместитель председателя партии Национальная коалиция – главного политического инициатора реформы. В статье «Университетская реформа укрепит свободу науки» содержался перечень планировавшихся министерством положительных результатов: укрепление автономии академического сообщества, увеличение ресурсов университетов и расширение самоуправления, ослабление государственного контроля за расходованием средств, бóльшая свобода университетов в кадровой политике, управлении своим имуществом, выборе специализации/профилизации. Х. Виркунен напомнила общественности об инициаторах реформы – в основу правительственного законопроекта реформы высшей школы лег манифест Совета ректоров от 2005 года, в котором содержался призыв к приданию университетам статуса независимого юридического лица, более выраженной их специализации/профилизации и диверсификации источников финансирования [9].

Среди целей реформы министр перечислила усиление самоуправления университетов с целью реализации преимуществ их нового экономического положения, чему должно было способствовать

введение в университетские советы не менее половины их состава и председателя из числа внешних лиц, в основном из мира бизнеса. Парируя доводы критиков этой новации, указывающих на угрозу автономии вузов, министр отметила, что академическое сообщество будет самостоятельно выбирать членов и председателя совета, которые увеличат компетентностный капитал вуза и помогут в реализации стратегии их развития, в том числе используя свои международные связи.

Министр заверила, что в реформированной высшей школе будут обеспечены интересы и статус всего персонала. В новой системе университеты заменяли государство в качестве работодателя, и прежде имевшие статус государственных служащих работники университетов теперь должны были вступать в трудовые отношения со своими вузами. Это изменение трудовых отношений было связано, с одной стороны, с отделением университета от государства, с другой стороны – с попыткой повысить конкурентоспособность университетов при наборе как отечественных, так и иностранных квалифицированных кадров. Кадровая политика университетов больше не увязывалась с общей политикой в отношении персонала государственных учреждений [9].

Министр пообещала сохранить бесплатное обучение в финских вузах, за исключением планируемой в будущем платности магистерских программ на иностранных языках для студентов из не-ЕСовских стран. Правительство также обещало сохранить базовое финансирование высшей школы, которое каждый год должно было индексироваться. Обучение и научные исследования как и прежде должны были финансироваться из государственного бюджета, из которого в 2009 году формировалось почти две трети бюджетов вузов. Треть бюджета наполнялась за счет грантов Финского агентства по финансированию инноваций (Tekes), Европейского союза и частного сектора. И в будущем университеты могли бы привлекать зарубежное финансирование, расходуя эти средства по своему усмотрению. Например, университеты в новой системе могут получать акции и недвижимость в дополнение к прямым денежным пожертвованиям. Необлагаемая налогом планка пожертвований увеличивалась в 10 раз, до 250 тыс. евро. Налогообложение пожертвований частных лиц в новой системе также осуществляется по уменьшенным ставкам в течение двух лет, что могло способствовать привлечению выпускников для поддержки своих альма матер [9].

Министр сообщила общественности и о сокращении регулирующих функций государства в управлении высшей школой. В ходе обсуждения реформы в сотрудничестве с академическим сообществом и заинтересованными сторонами Министерством образования было получено почти 160 предложений, в которых высказывалась поддержка целей и отправных точек реформы, идеи, изложенные в законопроекте, оценивались как правильные, а сама она считалась назревшей необходимостью. По мнению министра, контроль со стороны министерства в результате реализации реформы будет носить преимущественно стратегический характер, в частности, договоры о результатах, [1] станут заключаться не ежегодно, а раз в четыре года. В новой модели финансирования акцент делается на эффективности и качестве обучения и исследований. В заключение министр высказала надежду на то, что в результате реформы все финские университеты станут еще более привлекательными для обучения, преподавания, науки и искусства [9].

Председатель главной буржуазной партии Финляндии, Национальной коалиции, один из инициаторов реформы высшей школы министр финансов Юрки Катайнен выступил марте 2009 года в Хямеэнлинне с речью, адресованной местному партийному активу, в которой оценил еще не реализованную реформу в самых панегирических выражениях. «Университетская реформа. Это – фантастическая реформа. Совершенно блестящая реформа. Это лучшее, что произошло с финской высшей школой со времени формирования университетской системы. Университеты получают больше автономии, им дается возможность сосредоточиться на своих сильных сторонах, ведь не обязательно быть сильными во всем. Фантастическая штука» [3].

Первые оценки реформы финской высшей школы

Отвлечемся от самовосхваления инициаторов реформы высшей школы и представим краткий обзор отношения общественности к ней непосредственно после начала. Уже через два месяца после начала реализации реформы, в феврале 2010 года, секретарь социал-демократической партии Ари Корхонен назвал ее «мошенничеством», констатировав провал. Через короткий промежуток времени председатель Союза левых Пааво Архинмяки заявил о хаосе, в который погрузилось университетское сообщество в результате проведения реформы. Университеты, в частности, рассчитывали, что их право заключать трудовые договоры с работниками, минуя сложности прежней системы государственной службы, приведут к прекращению ежегодной оптимизации персонала в соответствии с рассчитываемыми Министерством образования нормами «продуктивности», что воспринималось общественностью как синоним увольнений. В действительности же требование «продуктивности»

сохранилось и в первый же год реформы только по этой причине сокращение финансирования превысило 10 млн евро. Обещанное правительством индексирование финансирования высшей школы вскоре было сокращено наполовину, и уже в 2013 году на него был введен мораторий, что лишило вузы крупных сумм; по подсчетам ректора Оулуского университета Лаури Лаюнена, только этот вуз лишился средств, равных фонду заработной платы 40 профессоров [3].

Реформа вызвала также системные проблемы: дефицит академической свободы, ухудшение положения персонала вузов, увеличение бюрократии. Особенно недовольны реформой работники в области педагогического образования и гуманитарных наук, на которую пришлась львиная доля сокращений расходов вузов. Увеличение бюджетных поступлений университетов за счет пожертвований бизнеса, как вскоре выяснилось, имеет свою оборотную сторону – диктат жертвователей относительно выбора направлений подготовки. Так, на решение Университета Восточной Финляндии о прекращении подготовки по направлению «Философия» повлияло мнение крупного бизнесмена Юрьё Лаакконена, поставившего под сомнение необходимость сохранения этого направления, что подтвердило мнение критиков об угрозе внешнего финансирования для автономии вузов [3]. По причине нерентабельности в Каяни прекратилась подготовка учителей. Единственным положительным исключением в гуманитарной сфере стало выделение спонсорских средств компанией Nord Stream AG на подготовку специалистов по морской истории в Хельсинкском университете [3].

В 2011 году рабочая группа «За свободный и критичный университет» в составе 12 человек подготовила доклад [2] (*Vapaan ja kriittisen yliopiston puolesta*), в котором новый закон о высшей школе 2010 года был охарактеризован как худший и самый враждебный науке за весь период независимости Финляндии. По мнению составителей доклада, правительство реформирует высшую школу на основе «сиюминутных необоснованных модных концепций». Финляндия же «ни в коем случае не должна подражать импортируемым из других стран плохим идеям, мода на которые носит временный характер». Нерационально и придерживаться принципа перманентных изменений, поскольку работники высшего образования нуждаются в стабильности и взаимном доверии для исследований, критического диалога и обучения – считают авторы доклада [8].

Согласно проведенному весной 2012 года Союзом профессоров опросу, реформа поставила профессоров в «положение вне игры»: более 50% профессоров не знают о работе руководства вузов, более 40% считают, что их мнение не представляет интереса для администрации, и примерно столько же не доверяет руководству вуза, т.е. ректору, а также советам университетов, в которых постоянно увеличивается число членов не из коллектива; а в отдельных случаях совет полностью состоит из внешних лиц. Председатель Союза профессоров (*Professoriliitto*) Маарит Вало считает, что если профессора убедятся, что они не могут влиять на ситуацию в университете, то это может привести к далеко идущим последствиям, так как университет прежде всего является «научным и образовательным сообществом» [3]. Представительство профессуры и факультетов в совете университета сократилось и из-за необходимости освободить места для внешних членов, что привело к уменьшению научной компетенции советов. По мнению Вало, эта модель управления характерна для корпораций, каковыми университеты не являются.

Финские университеты в результате внутренней реформы стали менее демократичными: в прежней системе проблемы обсуждались сначала в институтах, затем на факультетах и в университетском совете. Преимуществом старой системы была осведомленность работников университета о процессе принятия решений. Несмотря на сохранение факультетских советов, в новой системе их полномочия были серьезно сокращены, а заседания в основном сводятся к заслушиванию один раз в месяц решений декана. Для решения определившейся за два года реализации реформы проблемы демократического дефицита Союз профессоров (*Professoriliitto*) и Союз научных работников (*Tieteentekijöiden liitto*) осенью 2012 года подготовили предложение для обсуждения в Комитете образования и культуры с целью внесения изменений в закон о высшем образовании. Главной целью этих организаций является усиление позиций коллегиальных органов, представляющих интересы всех категорий персонала вузов, которые должны получить право принимать участие в разработке планов работы и стратегии.

Помимо правительственных чиновников лагерь сторонников реформы представлен ректорами, считающими, что положительные стороны новой системы перевешивают негативные, а проблемы в основном вызываются неумением университетов пользоваться новыми возможностями. По мнению ректора университета Тампере, руководителя организации «Финские университеты – UNIFI» (бывший Союз ректоров Финляндии) [3], Каия Холли, финские вузы, как и было обещано, получили большую степень автономии и смогли лучше сосредоточиться на развитии сильных направлений подготовки и

научных исследований. Холли также считает удачной новую систему управления вузами, которая стала носить более стратегический характер, благодаря внешним членам университетских советов и, несмотря на данные опросов, «главный финский ректор» не думает, что морально-психологическая атмосфера в университетах ухудшилась.

Впрочем, ректоры также знают о главных проблемных зонах, созданных реформой. В монографии «Стратегическое управление в вузах Финляндии» Синимарии Ранка, возглавившей в ноябре 2010 году управление стратегии и коммуникаций Хельсинского университета прикладных наук Метрополия (Helsinki Metropolia University of Applied Sciences), изложены результаты интервью с ректорами или заместителями ректоров девяти классических (многопрофильных) университетов и девяти университетов прикладных наук, а также с одним канцлером, двумя членами ректоратов, тринадцатью председателями или членами советов университетов, пятью чиновниками Министерства образования и культуры – в общей сложности было взято 37 интервью.

Критике ректоров, которые в целом положительно оценивают реформу высшего образования, подверглись «снижение оценки важности науки и образования», «перманентные изменения политики в области высшего образования», «сильное (административное) давление», сокращение ресурсов и рост конкурентной борьбы между университетами, курс государства «только на сокращение финансирования», «быстрое изменение к худшему в бюджетных делах» [6; 31–35].

Положительно оценил промежуточные результаты реформы и министр образования Юкка Густафссон, полагающий, что угрозы для свободы научных исследований в высшей школе нет даже с учетом фактора внешних членов университетских советов. Густафссон считает, что правительство должно выполнить обязательства по финансированию высшего образования, пообещав «биться как лев» за сохранение индексирования бюджетов вузов и призывав брать пример со Швеции, выделившей дополнительное финансирование учреждениям высшей школы. Положение дел в области высшего образования в Финляндии министр считал хорошим, указав на недавно (2012 год) опубликованные данные ОЭСР об уровне развития науки, в соответствии с которыми по числу финских университетов среди 500 лучших университетов мира относительно ВВП государств Финляндия занимает 4 место в мире [3].

Результаты опросов работников образования и науки

В отличие от ректоров и чиновников, работники высшей школы от лекторов-преподавателей до профессоров и ученых-исследователей различного ранга оценивают реформу преимущественно негативно. 8 декабря 2010 года Союз профессоров (Professoriliitto) и Союз научных работников (Tieteentekijöiden liitto) опубликовали результаты опроса об отношении работников высшего образования к реформе финской высшей школы, реализованной вторым правительством Матти Ванханена в начале 2010 года. В проведенном в октябре – ноябре 2010 года опросе приняли участие 2386 преподавателей, исследователей, библиотечных работников и специалистов по информатике из всех учреждений высшей школы Финляндии, в том числе почти четверть – профессора.

Результаты опроса оказались неожиданными, видимо, и для самих его инициаторов – только десятая часть опрошенных посчитала реформу успешной, более половины оценили ее результаты как плохие и очень плохие. Негативное отношение к реформе выявлено опросом во всей Финляндии, особенно низкую оценку она получила в университете Хельсинки и университете Восточной Финляндии, в которых почти три четверти опрошенных оценили ее отрицательно. Лишь в шведоязычной высшей торговой школе Ханкен (Hanken) более половины оценили реформу положительно. Недовольство реформой среди финской профессуры оказалось несколько выше среднего уровня [4].

Самыми негативными последствиями реформы высшей школы опрошенные назвали уменьшение академической свободы, увеличение административной нагрузки и сокращение бюджетов вузов. Более чем две трети участвовавших в опросе полагают, что реформа ухудшила морально-психологический климат в высшей школе. Большинство работников стало выполнять свои непосредственные обязанности на рабочем месте хуже, а также вынуждено уделять им меньше времени чем до реформы. Информированность опрошенных о целях реформы оказалась низкой: только десятая часть знает о них «очень хорошо», третья часть «довольно хорошо», 40 процентов «удовлетворительно» и «довольно плохо» – 15 процентов [4, 5].

Летом 2011 года Союз научных работников (Tieteentekijöiden liitto) опубликовал итоги еще одного опроса своих членов, из которого следует, что более 60% работающих в университетах в течение двух последних лет обдумывали уход из вуза. Председатель Союза профессоров (Professoriliitto) Маарит Вало заявила, что ей неизвестно о таких случаях, но она осведомлена о мнении получивших докторскую степень о меньшей привлекательности университетов как места постоянной занятости, в том числе по

причине отсутствия повышения заработной платы. Правительство также не выполнило обещание сократить число срочных трудовых договоров и, как заявил руководитель Союза научных работников Тапани Кааккуриниemi, почти 60% членов Союза, исследователей, по-прежнему работают на временной основе [3].

Сокращение персонала в Хельсинкском университете

В крупнейшем финском вузе, Хельсинкском университете, входящем в 100 лучших университетов мира, в 2016 году насчитывалось 32 033 обучающихся, в том числе на программах бакалавриата 17 540, магистратуры – 9662, лицензиата – 209, докторских программах – 4470, на всех остальных программах – 155. Численность профессорско-преподавательского и научно-исследовательского персонала университета в 2016 году составила 4621 человек (соотношение обучающихся и ППС – 7:1) [1][4].

Ставшее с 2010 года привычным для университетского сообщества сокращение персонала вузов, в 2016–2017 гг. резко ускорилось в связи с последовательным сокращением финансирования высшего образования. В государственном бюджете на 2019–2020 гг. предусмотрено дальнейшее сокращение финансирования Хельсинкского университета, самого крупного вуза страны, на 106 млн евро в год. (В 2011–2015 гг. университет уже сократил штат почти на 500 человек, в основном за счет вспомогательного персонала). Поскольку две трети бюджета университета составляют расходы на заработную плату персонала, до конца 2017 года штат сократится почти на 980 человек, из которых весной 2016 года было уволено 570 человек. Из этого числа 75 человек относятся к преподавательскому составу и исследователям, 495 – к другим категориям персонала. К 2020 году на 210 сократится число временных рабочих мест, в том числе 160 – преподавателей и исследователей, 50 – других категорий. К концу 2017 года на пенсию вынуждены будут выйти 200 человек (60 преподавателей и исследователей, 140 человек – других категорий). В дальнейшем увольнения могут продолжиться в связи с реализацией государственной политики по перераспределению выполняемых университетами страны задач.

С целью дальнейшего сокращения расходов Хельсинкский университет с 1 января 2016 года проводит структурную оптимизацию, в частности объединяя в рамках одной организации (yliopistolvelvet-organisaatio) административные подразделения с целью избегания дублирования функций. С той же целью площадь используемых университетом помещений к 2020 году будет сокращена не менее чем на 80 тыс. кв. метров. В 2016 году были также пересмотрены структура учебных подразделений, уровней и направлений подготовки [7].

Оценка реформы членом совета Хельсинкского университета

В интервью, озаглавленном «Немного преувеличивая, система управления университета Хельсинки напоминает северокорейскую диктатуру», Юкка Кекконен, видный общественный деятель Финляндии, юрист международного уровня, член совета университета Хельсинки, с 2015 года – руководитель юридической группы Финской академии, в целом негативно оценивает результаты реформы к 2016 году. По его мнению, реформа отчасти вызывалась причинами идеологического характера и общей тенденцией к приватизации, а система управления университетами стала напоминать армию, поскольку почти все властные полномочия принадлежат ректору.

Ю. Кекконен отмечает, что расходы на содержание системы управления университета повысились на 2–3 млн. евро в год в сравнении с дореформенной ситуацией, а зарплата ректора превысила зарплату премьер-министра Франции. В новой системе крупной статьей расходов стали зарплаты заместителей ректора, деканов и руководителей институтов, задачи которых раньше выполняли помимо основной работы профессора за небольшую доплату в несколько сотен евро.

Ю. Кекконен полагает, что в результате реформы финской высшей школы в ней стало меньше демократии, а новый административный регламент, вступивший в силу в 2015 году, почти полностью ликвидировал коллегиальность в университетах. Уменьшилась прозрачность и открытость, включая закрытость сведений о зарплате, а лишение персонала статуса государственных служащих облегчило увольнение и перевод занятых в университете. Удовлетворение своей работой драматически снизилось и, согласно исследованиям, доверие к руководству университета снизилось до минимальных значений. Мнение Ю. Кекконена о схожести систем управления университетом Хельсинки и диктатуры в Северной Корее разделяют и некоторые другие преподаватели.

Исключительно негативную оценку Ю. Кекконена получило проведенное в 2016 году сокращение персонала, которое он характеризует как «катастрофически неверную политику», поскольку руководство университета не высказало желания выслушивать альтернативные мнения. Он приводит в пример предложение университетского совета ректору Туркусского университета провести сокращения за счет администрации и используемых помещений. Персонал Хельсинкского университета был готов также рассматривать варианты солидарного решения проблемы, в том числе отказ от выплаты

отпускных или сокращение заработной платы всех занятых на временной основе. Эти предложения не были рассмотрены руководством университета, которое отказывается также сообщать о предстоящих сокращениях в отдельных структурных подразделениях университета [2].

В заключение подведем некоторые итоги. Очевидно, что реформа высшей школы в Финляндии назрела и в необходимости ее проведения не сомневались ни власти государства, ни академическое сообщество. К этому подталкивали как общемировой глобализационный тренд и рост международной конкуренции в области высшего образования, так и состояние мировой и, особенно, финской экономики, не достигшей к 2016 году докризисного уровня. Законопроект о высшем образовании, вступивший в силу в начале 2010 года достаточно широко и публично обсуждался, однако его многие финальные положения оказались противоречивыми, и мнение академического сообщества учтено не в полной мере, что уже через два года вызвало потребность в пересмотре.

Заинтересованные, в том числе материально, стороны – руководство вузов и чиновники Министерства образования и культуры – в целом положительно оценивают результаты реформы, в то время как общественное мнение – преимущественно негативно. В опросах отмечается увеличившийся дефицит университетской демократии, усилившаяся бюрократия, постепенная утрата авторитета университетской системы в обществе, ухудшившийся морально-психологический климат в вузах, уменьшение бюджетного финансирования и продолжающиеся массовые сокращения персонала. Эффективность новой системы не имеет объективных подтверждений, а относительно высокий уровень финской высшей школы и научных исследований в мировом масштабе можно отнести на счет накопленного в прошлом компетентного капитала.

Статья подготовлена при выполнении проекта в рамках государственного задания Министерства образования и науки России **28.4306.2017/НМ** «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества в сфере науки, образования, инноваций и молодежной политики Российской Федерации в северной и арктической зонах».

Список литературы

1. Helsingin yliopisto lyhyesti // Helsingin yliopisto. URL: <https://www.helsinki.fi/fi/yliopisto/helsingin-yliopisto-lyhyesti#section-8011>, свободный (Дата обращения 05.12.2017).
2. Kekkonen J. Helsingin yliopiston johtamisjärjestelmä muistuttaa hiukan kärjistäen sanottuna Pohjois-Korean diktatuuria // Inter Vivos. 14.11.2016. URL: <http://pykala.fi/intervivos/2016/11/14/haastattelussa-jukka-kekkonen-helsingin-yliopiston-johtamisjarjestelma-muistuttaa-hiukan-karjistaen-sanottuna-pohjois-korean-diktatuuria/>, свободный (Дата обращения 05.12.2017).
3. Lappalainen T. Kuinka yliopistouudistuksesta tuli kaikkien aikojen fiasko? // Suomen kuvalehti. 30.10.2012. URL: <https://suomenkuvalehti.fi/jutut/kotimaa/kuinka-yliopistouudistuksesta-tuli-kaikkien-aikojen-fiasko/>, свободный (Дата обращения 05.12.2017).
4. Lappalainen T. Tiedeväki pitää yliopistouudistusta epäonnistuneena // Kotimaa. 8.12.2010. URL: <https://suomenkuvalehti.fi/jutut/kotimaa/tiedevaki-pitaa-yliopistouudistusta-epaonnistuneena/>, свободный (Дата обращения 05.12.2017).
5. Puhakka A., Rautopuro J. Huojuva lato – isäntiä ja isäntien varjoja? Tieteentekijöiden liiton jäsenkysely 2010. URL: https://tieteentekijoidenliitto.fi/files/57/jaskenkysely_2010.pdf, свободный (Дата обращения 05.12.2017).
6. Ranki S. Strateginen johtaminen suomalaisissa korkeakouluissa (Стратегическое управление в вузах Финляндии). 2016. URL: https://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/99139/strateginen_johtaminen_2016.pdf?sequence=1, свободный (Дата обращения 05.12.2017).
7. Salmivaara K. Helsingin yliopisto irtisanoo 570, kokonaisvähennyt 980 // Helsingin yliopisto. 27.1.2016. URL: <https://www.helsinki.fi/fi/uutiset/korkeakoulu-tiedepolitiikka/helsingin-yliopisto-irtisanoo-570-kokonaismvahennys-980>, свободный (Дата обращения 05.12.2017).
8. Vapaan ja kriittisen yliopiston puolesta-työryhmän raportti. 2011. URL: <http://blogs.helsinki.fi/patomaki/files/2013/10/vapaajakriittinenraportti-FIN.pdf>, свободный (Дата обращения 05.12.2017).
9. Virkkunen H. Yliopistouudistus lujittaa tieteen vapautta // Turun sanomat. 26.2.2009. URL: <http://www.ts.fi/mielipiteet/aliot/1074337659/Yliopistouudistus+lujittaa+tieteen+vapautta>, свободный (Дата обращения 05.12.2017).

[1] В России – государственное задание.

[2] Всего в работе группы приняли участие более 20 профессоров из 7 финских университетов.

[3] Сайт организации <http://www.unifi.fi/>

[4] В финской статистике отдельно не выделяются ППС и научно-исследовательский персонал, поэтому сравнение соотношения обучающихся и ППС в России (1:12) с Финляндией некорректно.

Public Opinion in Finland on the Reform of the Finnish Higher School

**KILIN
Yuri**

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of World History, Political
Science and International Relations,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russia, kilinyuri@mail.ru*

Keywords:

Finnish higher education reform
Finland
public opinion

Summary:

The article examines the reform of Finland's higher school, started in 2010, when a new law on higher education was adopted, and not completed up-to-date. Public opinion, with the exception of the leadership of universities and state officials, evaluates the results of the reform mainly negatively. In the polls, a deficit of university democracy, an intensified bureaucracy, a gradual loss of the prestige of the university system in society, a reduction in budgetary funding, and continuing massive staff reductions are mainly mentioned to characterize the reform. The effectiveness of the new system has no objective evidence, and the relatively high level of Finnish higher education and university-based scientific research on a global scale can be attributed to the accumulated competence capital in the past.

РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: CHILDHOOD AND DISABILITY IN THE NORDIC COUNTRIES: BEING, BECOMING, BELONGING, ED. BY R. TRAUSTADOTTIR, B. YTTERHUS, S. T. EGILSON AND B. BERG. N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 264 P. («ДЕТСТВО И ИНВАЛИДНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ» ПОД РЕД. Р. ТРАУСТАДОТТИР, Б. УТТЕРХЮС, С. Т. ЭГИЛЬСОН И Б. БЕРГ)

**СМИРНОВА
Александра
Александровна**

*младший научный сотрудник,
Управление научных исследований,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия,
alexandrasmirnova11@gmail.com*

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 16 декабря 2017 года

Североевропейские страны традиционно характеризуются развитой социальной сферой, высоким уровнем жизни населения, низкими показателями экономического неравенства, стабильностью и открытостью. Эти государства известны на международной арене как лидеры движений в защиту прав детей и инвалидов, а также как новаторы в сфере семейной политики.

Представленная монография посвящена актуальным проблемам детей с ограниченными возможностями в Северных странах (Норвегия, Швеция, Дания, Исландия и Финляндия). К работе над этим исследованием были привлечены 18 ученых из пяти североевропейских государств. Они являются представителями таких дисциплин как социология, педагогика, социальная работа, социальная психология, философия, культурология и социология медицины.

В качестве редакторов коллективного исследования выступили Р. Траустадоттир, Б. Уттерхюс, с. Т. Эгильсон и Б. Берг. Р. Траустадоттир является директором Центра исследований инвалидности в Исландском университете, она специализируется на изучении проблем инвалидности и неравенства, вызванного гендерными, классовыми, этническими и возрастными различиями. Б. Уттерхюс – профессор Норвежского университета естественных и технических наук, специализирующаяся на проблемах социальной интеграции детей-инвалидов, а также на вопросах их социального обеспечения и образования. Т. Эгильсон является преподавателем Исландского университета, ее исследования посвящены таким вопросам как качество жизни граждан с ограниченными возможностями, их повседневная жизнь, участие в общественной деятельности и взаимодействие с социальными службами. Б. Берг является главой Центра социологических исследований Норвежского университета естественных и технических наук. В сферу ее научных интересов входят интеграция иммигрантов в общество Северных стран, проблемы мигрантов-инвалидов, а также их взаимодействие с системой социальной защиты. Предисловие написано Т. Шекспиром, известным британским специалистом по правам инвалидов. В 2008–2013 гг. он являлся сотрудником Всемирной организации здравоохранения и принимал участие в подготовке Всемирного доклада об инвалидности (2011 г.).

Смирнова А. А. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: CHILDHOOD AND DISABILITY IN THE NORDIC COUNTRIES: BEING, BECOMING, BELONGING, ED. BY R. TRAUSTADOTTIR, B. YTTTERHUS, S. T. EGILSON AND B. BERG. N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 264 P. («ДЕТСТВО И ИНВАЛИДНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ» ПОД РЕД. Р. ТРАУСТАДОТТИР, Б. УТТЕРХЮС, С. Т. ЭГИЛЬСОН И Б. БЕРГ) // Studia Humanitatis Borealis. 2017. № 1. С. 51-56. Исследования, результаты которых представлены в данной монографии, были выполнены в рамках проекта «Пересмотр северной модели государства всеобщего благосостояния» (REASSESS, Reassessing the Nordic Welfare Model). Одним из направлений данного проекта, нацеленного на анализ возможностей адаптации «социального государства» к современным вызовам, стало изучение проблем инвалидности.

Согласно авторам, цель монографии: «сделать доступной всестороннюю научную информацию о детях и подростках с ограниченными возможностями, сформулировать ее соотношение с политикой социального обеспечения, а также рассмотреть проблемы детской инвалидности в контексте международной научной литературы» [1; 2]. Исследователи отмечают, что между интересами обычных детей и детей с ограниченными возможностями существует значительное сходство, даже несмотря на то, что дети-инвалиды нуждаются в большей помощи для интеграции в общество.

Основной подход авторов заключается в сочетании критической социологии детства и исследований инвалидности (disability studies). Теоретическую основу составляют реляционный анализ инвалидности (relational approach), развитый в Северных странах, и подход с точки зрения прав человека, отраженных в Конвенциях ООН о правах инвалидов (2006 г.) и о правах ребенка (1989 г.).

Авторы представленной монографии используют различные исследовательские качественные и количественные методы. Важным элементом работы является получение информации от самих детей и подростков посредством интервьюирования детей, включенного наблюдения, опроса взрослых о детских воспоминаниях, обращения к подростковым дневникам и другим источникам.

Представленное коллективное исследование включает 14 глав, которые разделены на четыре части, посвященные теории и истории взаимодействия детей-инвалидов и общества (1), проблемам идентичности и образа детей с ограниченными возможностями (2), вопросам социальной интеграции и открытости общества (3), а также семьям инвалидов и их общению с социальными службами (4).

В первом разделе излагаются теоретические, исторические и этические основы исследования. Первая глава повествует об эволюции теоретических представлений о детях-инвалидах и их роли в жизни общества. С XIX века дети-инвалиды рассматривались в контексте психологии, медицины и (позднее) теории развития как ненормальные и неполноценные субъекты, источник социальных проблем. Эта точка зрения стала меняться во второй половине XX века, и лишь в 1990-х гг. в научном дискурсе произошел окончательный сдвиг в понимании инвалидности и детства: они стали восприниматься как самостоятельные социальные акторы, наделенные правами. Данный подход, основанный на уважении прав человека, препятствует социальной изоляции детей и подростков с ограниченными возможностями.

В этой главе также описывается вклад исследований инвалидности в понимание детей с ограниченными возможностями. Большое значение в данной сфере имеет разграничение биологического понятия «патология» (impairment) и социального понятия «инвалидность» (disability). В главе сформулированы и основы реляционного подхода к инвалидности: (1) инвалидность – это несоответствие между индивидом и окружающей средой, возникающее вследствие невозможности окружающей среды адаптироваться ко всем типам людей; (2) инвалидность является ситуативной или контекстуальной, следовательно, некоторые патологии могут ограничивать или не ограничивать способности человека в конкретных ситуациях; (3) инвалидность относительна, поскольку отправная точка для определения инвалидности, основанная на патологии, является в некоторой степени произвольной. [1; 22] Данный подход предполагает проведение критического анализа социального окружения инвалидов, а также принятие мер для обеспечения их социализации, уверенности в себе и независимости. В различных главах книги подчеркивается, что зачастую деятельность родителей и специалистов «в интересах» ребенка-инвалида приводит к уменьшению его самостоятельности и отстранению от сверстников.

Вторая глава монографии посвящена истории социальной политики в отношении детей и подростков с ограниченными возможностями, а также их семей. В частности, рассматриваются два важных изменения в политике по отношению к семьям и социальному окружению инвалидов. Если в начале XX века для спасения семей от тяжелого груза воспитания «тяжелого» ребенка создавались специальные интернаты, то в 1960-е гг., благодаря движению за права инвалидов, было установлено, что дети-инвалиды должны жить в семье. Второй важной вехой в развитии политики в отношении инвалидов в 1970-х гг. стал принцип «нормализации», который выражается в помещении детей-инвалидов в обычные школы и детские сады. В 2000-х гг. вместо термина «нормализация» (normalization) стало активно использоваться понятие «вовлечение» (inclusion), а социальные услуги инвалидам перешли в ведомость муниципалитетов. В то же время, в значительной степени сохраняется

Смирнова А. А. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: CHILDHOOD AND DISABILITY IN THE NORDIC COUNTRIES: BEING, BECOMING, BELONGING, ED. BY R. TRAUSTADOTTIR, B. YTTERHUS, S. T. EGILSON AND B. BERG. N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 264 P. («ДЕТСТВО И ИНВАЛИДНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ» ПОД РЕД. Р. ТРАУСТАДОТТИР, Б. УТТЕРХЮС, С. Т. ЭГИЛЬСОН И Б. БЕРГ) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 1. С. 51-56.
~~сегрегация в отношении детей с проблемами умственного развития.~~

Третья глава посвящена этическим аспектам политики в отношении детей-инвалидов. В ней освещаются нормативные аспекты, связанные с трактовкой инвалидности в западной культуре, в частности негативное отношение к зависимости от других людей. Критически анализируется влияние медицинских диагнозов на социальную стигматизацию, рассматривается политика нормализации и ее связь с социальной справедливостью. По мнению С. Вехмаса, решение родителей отдать своего ребенка в специализированное учреждение, а не общеобразовательное, не должно порицаться обществом как нарушение его прав.

Второй раздел посвящен социальным и культурным факторам, влияющим на формирование идентичности детей и подростков с ограниченными возможностями.

Четвертая глава направлена на изучение динамики идентичности детей-инвалидов. На основе интервью, опросов и дневников авторы демонстрируют сложную, множественную природу идентичности этих детей, а также важность семьи в вопросах самоопределения детей-инвалидов. Исследователи подвергают критике дихотомические взгляды на идентичность. На выбранных примерах они показывают, что люди с ограниченными возможностями считают себя «нормальными, но отличающимися от остальных». При этом из всех разновидностей идентичности у изучаемых граждан наиболее развито представление о себе на основе семейных ролей (сын, брат, отец). Именно семья, по мнению авторов, может заложить основы позиции детей-инвалидов по отношению к общественной жизни.

Пятая глава посвящена исследованию роли тела в формировании идентичности на примере детей и подростков с видимыми патологиями. Согласно опросам, в период детства, инвалиды, осознавая свою патологию, практически не испытывали трудностей в общении со сверстниками или сложностей в определении своего места в мире. Однако при переходе в подростковый возраст инвалиды начинали ощущать свое отличие от здоровых подростков в связи с изменением досуга сверстников, повышением внимания к внешности и началом конфликтов с родителями из-за повышенной заботы. В попытке решения этих проблем подростки примыкали к субкультурам и уделяли много времени общению в интернете. Авторы обращают внимание на то, что потребности этой группы инвалидов не отличались от потребностей остальных сверстников, поэтому общество не должно лишать их социального опыта, типичного для подростков.

Шестая глава рассказывает об особенностях образа детей-инвалидов в иммигрантских сообществах. Авторы описывают восприятие родителями своих детей: в разговоре они акцентируют внимание на индивидуальных качествах детей, а также их сходстве со здоровыми детьми. В главе также описываются сложности, связанные с религиозными обрядами семей. Интервью со специалистами, работающими с этими детьми, показали, что, как и родители, они склонны концентрироваться на индивидуальных характеристиках своих подопечных, однако принимают во внимание их диагнозы. Специалисты игнорируют вопросы этнической принадлежности, однако они склонны говорить о «культурных различиях» при объяснении конфликтов с родителями. Авторы замечают, что образование, получаемое детьми, направлено на интеграцию в общество и основано на ценностях принимающей страны.

Седьмая глава посвящена образам инвалидов в детских литературных произведениях. Авторы исходят из того, что представления людей об инвалидах и инвалидности в большей степени формируются на базе знаний, полученных из массовой культуры, нежели на основе личных встреч или государственной политики. Анализируя исландские сказки, легенды, а также современную мировую и исландскую литературу, авторы отмечают ряд стереотипических персонажей, наделенных инвалидностью. В исландских сказках инвалиды изображаются как «нелюди» или оборотни, в классической художественной литературе они выступают как злодеи, источники опасности для себя и окружающих, или же, напротив, как невинные существа, заслуживающие жалости. Лишь в 1970-х гг. предпринимаются попытки создания полноценных персонажей-инвалидов и реалистичного изображения их жизни. В главе отмечается, что яркие впечатления от художественных образов, полученных в детстве, сохраняются и во взрослом возрасте. Устаревшие взгляды на инвалидность как заслуженное наказание или отражение негативных черт личности по-прежнему артикулируются, поскольку описанные произведения считаются классическими и постоянно перепечатываются.

Третий раздел монографии направлен на анализ политики интеграции и вовлечения детей-инвалидов в общественную жизнь. В восьмой главе рассматривается социальная интеграция (social inclusion) как теоретическая концепция и практика. В теоретической части анализируется проблема авторитета в определении таких социальных категорий как «инвалидность» и «поколение», а

Смирнова А. А. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: CHILDHOOD AND DISABILITY IN THE NORDIC COUNTRIES: BEING, BECOMING, BELONGING, ED. BY R. TRAUSTADOTTIR, B. YTTERHUS, S. T. EGILSON AND B. BERG. N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 264 P. («ДЕТСТВО И ИНВАЛИДНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ» ПОД РЕД. Р. ТРАУСТАДОТТИР, Б. УТТЕРХЮС, С. Т. ЭГИЛЬСОН И Б. БЕРГ) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 1. С. 51-56. ~~также навязывание определенной идентичности. Практическая часть главы основана на методах~~ включенного наблюдения в шведских детских садах, интервью и беседах с детьми и воспитателями. Автор главы К. Баррон проводит разграничение между провозглашением социальной интеграции и ее реализацией. В качестве примеров последнего рассматриваются практики, направленные на развитие понимания детей особенностей своих сверстников. В частности, во время игрового процесса дети осознавали общие интересы, но при этом замечали и принимали различия.

Девятая глава направлена на изучение изменений, возникших после принятия Норвегией в 2009 г. закона, гарантирующего равный доступ всех детей к услугам детских садов. Несмотря на то, что дети с ограниченными возможностями имели привилегированную позицию до принятия закона, их положение в детских садах не изменилось. Интервью с родителями инвалидов, приведенные в главе, свидетельствуют о том, что наиболее важными критериями для выбора детских садов были соображения безопасности и соответствие потребностям детей, а также личная совместимость родителей и воспитателя. В качестве одного из вызовов социальной интеграции детей-инвалидов упоминается тенденция по созданию специализированных воспитательных центров в Осло и наиболее крупных муниципалитетах.

Десятая глава посвящена особенностям использования компьютеров подростками с инвалидностью. Известно, что компьютерные технологии дают подросткам большие возможности социального общения и упрощают бытовые процедуры. Сравнивая уровни использования интернета подростками в свободное время в 2006 и 2010 гг., Х. Хемингссон пришла к выводу о том, что подростки с инвалидностью стали «законодателями моды» в вопросах использования компьютера для общения. В то время как родители обычных детей ограничивали их в использовании компьютера, родители инвалидов поощряли начинания своих детей.

В одиннадцатой главе сравниваются характеристики социальной жизни инвалидов и обычных детей в возрасте 11 лет. На основе статистического анализа авторы выделили три негативных фактора, усложняющих социализацию детей-инвалидов: (1) меньший доступ к социальным площадкам; (2) увеличенные шансы травли со стороны сверстников; (3) влияние общения с родителями на модель отношений с другими субъектами (инвалиды ожидают от окружающих поведения, похожего на родительское).

Четвертый раздел посвящен изучению опыта взаимодействия родителей детей-инвалидов и социальных служб. В двенадцатой главе представлен анализ жизнедеятельности семей детей-инвалидов в сравнении с другими семьями. Интересно, что сравнивая занятость и состав этих двух категорий семей в Северной Европе, авторы не нашли существенных различий. Вопреки мифу о том, что появление инвалидов приводит к разводам, было обнаружено, что в Норвегии дети-инвалиды живут с обоими родителями на 5-10% случаев чаще, чем обычные дети [1; 201]. В то же время, изучение опыта взаимодействия семей с системой социального обеспечения продемонстрировало наличие сложностей. Так, норвежские родители жаловались на недостаточную доступность информации о социальной поддержке детей-инвалидов, фрагментацию социальных служб, а также на влияние личностного фактора чиновников и социальных работников на оказание помощи семьям. Авторы предположили, что система специально усложняет доступ к услугам, для того, чтобы отсеять «наименее достойных» реципиентов.

Тринадцатая глава повествует об опыте иммигрантских семей, имеющих детей с ограниченными возможностями. Авторы обращают внимание на то, что опыт этих семей существенно различается, поскольку мигранты не являются гомогенной группой. Подчеркиваются сходства опыта этих семей с опытом коренного населения, но указываются и трудности, свойственные именно этой группе семей: плохой доступ к информации, низкий уровень знания языка, психологические проблемы, возникающие у беженцев, а также дискриминация и предрассудки работников социальных служб. По мнению авторов, для семей мигрантов необходимо обеспечить равные возможности с основным населением, однако важно учитывать и различия – авторы призывают учитывать отмеченные ими сложности при обучении социальных работников.

Четырнадцатая глава, посвященная опыту общения исландских семей с социальными службами, рассказывает о таких вызовах как низкая эффективность подготовки детей-инвалидов к взрослению, а также недостаточный учет пожеланий инвалидов и их родителей при принятии решений и определении конфигурации социальных услуг.

В заключении резюмируются некоторые выводы коллективного исследования, а также указываются два вызова, которые могут усложнить работу систем социальной поддержки детей-инвалидов в будущем: увеличение социального неравенства и усиление этнического

Смирнова А. А. РЕЦЕНЗИЯ НА КН.: CHILDHOOD AND DISABILITY IN THE NORDIC COUNTRIES: BEING, BECOMING, BELONGING, ED. BY R. TRAUSTADOTTIR, B. YTTERHUS, S. T. EGILSON AND B. BERG. N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 264 P. («ДЕТСТВО И ИНВАЛИДНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ» ПОД РЕД. Р. ТРАУСТАДОТТИР, Б. УТТЕРХЮС, С. Т. ЭГИЛЬСОН И Б. БЕРГ) // Studia Humanitatis Borealis. 2017. № 1. С. 51-56.
разнообразия в Северных странах.

Представленная коллективная монография не лишена небольших недочетов. Несмотря на то, что исследование направлено на изучение проблем детей с ограниченными возможностями во всех пяти Северных странах, подавляющее большинство глав содержит эмпирические исследования, проведенные в Норвегии, Исландии и Швеции, в то время как данные о Финляндии и Дании приводятся лишь изредка. Можно предположить, что включение большего числа исследователей из этих стран могло бы сделать работу более полной, а представленные точки зрения более разнообразными. Второй сложностью, возникающей при прочтении данной книги, является использование обобщения «инвалидность» и «дети-инвалиды», однако далеко не всегда указывается о каких типах инвалидности идет речь. При этом в монографии нередко замечается, что проблемы детей с разными типами патологий имеют как сходства, так и различия. Наконец, в некоторых случаях для получения полного представления о современном положении дел недостает информации. В частности, в десятой главе авторы оперируют данными о детях с ограниченными возможностями, полученными в 2006 г. [1; 167-178].

В то же время, необходимо отметить, что представленная монография является успешным, комплексным и интересным исследованием на очень актуальную тему. Данная книга позволяет составить полное представление о теоретических и идеологических подходах к детству и инвалидности в Северных странах, она знакомит с эмпирическими данными исследований по теме, а также информирует об особенностях проведения социальной политики. Немаловажно, что в книге представлены не только точки зрения родителей и специалистов социальной сферы, но и самих детей и подростков. Наконец, следует отметить логичное разделение на главы и понятный язык повествования. Данную книгу можно рекомендовать ученым, студентам вузов, изучающим общественные науки, а также всем людям, интересующимся вопросами инвалидности, детства и социальной политики.

Рецензия подготовлена при выполнении проекта в рамках государственного задания Министерства образования и науки России **28.4306.2017/НМ** «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества в сфере науки, образования, инноваций и молодежной политики Российской Федерации в северной и арктической зонах».

Список литературы:

Childhood and Disability in the Nordic Countries: Being, Becoming, Belonging, Ed. by R. Traustadottir, B. Ytterhus, S.T. Egilson and B. Berg. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2015. 264 p.

**REVIEW OF THE BOOK CHILDHOOD AND DISABILITY
IN THE NORDIC COUNTRIES: BEING, BECOMING,
BELONGING, ED. BY R. TRAUSTADOTTIR, B.
YTTERHUS, S. T. EGILSON AND B. BERG. N.Y.:
PALGRAVE MACMILLAN, 2015. 264 P.**

**SMIRNOVA
Alexandra**

*junior researcher,
Directorate for academic and scientific research,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, alexandrasmirnova11@gmail.com*

**Рецензия на кн.: Standard Setting in Education:
The Nordic Countries in an International
Perspective / Ed. by S. Blömeke, J. Gustafsson.
Cham: Springer, 2017. 339 p. (Стандартизация
образования: страны Северной Европы в
международной перспективе / под ред. З.
Блёмеке, Я. Густафссона)**

**СЕРОВА
Екатерина**

*Студент 4-го курса профиля «история
международных отношений»,
кафедра зарубежной истории, политологии и
международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Россия, midav1996@mail.ru*

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 16 декабря 2017 года

В 2017 году крупнейшее американское издательство Шпрингер, зарекомендовавшее себя лояльными партнерскими отношениями с авторами, опубликовало коллективную монографию, название которой можно перевести как «Стандартизация образования: страны Северной Европы в международной перспективе». Эта книга является живым свидетельством того, насколько непродуманно европейские страны на сегодняшний день проводят национальную политику в области науки и образования на общегосударственном и муниципальном уровнях, что находит своё выражение в низких показателях успеваемости в общеобразовательных учреждениях.

Исследование нацелено на формирование широкого и полноценного понимания подходов к оцениванию данных об успеваемости учащихся на фоне динамично меняющихся инновационных механизмов и концепций по развитию компетенций и навыков в образовательных учреждениях во всём мире. Идея стандартизации образования, по убеждению авторов, должна стать востребованной в каждой школе, поскольку результаты национальных тестирований при наличии обратной связи позволят выявить и вовремя устранить все изъяны в учебном процессе, поспособствуют улучшению качества преподавания и эффективному освоению образовательных программ учащимися.

Редакторы коллективной монографии — Зигрид Блёмеке и Ян-Эрик Густафссон — собрали воедино научные разработки последних лет, обязанные своим появлением плеяде учёных из Германии, Великобритании и стран Скандинавии, специалистам в области измерения и оценивания результатов образовательной деятельности. Благодаря наличию академического и личного педагогического опыта исследователи активно дискутируют по поводу существующих форматов и содержания стандартизованных тестов для учащихся школ, качественных и количественных методов обработки тестовой информации и интерпретации полученных данных.

Научная сфера деятельности Зигрид Блёмеке, профессора философского факультета Университета имени Гумбольдта, в основном связана с прикладными исследованиями по вопросу соотношения профессиональных компетенций и их эффективности, прежде всего, у выпускников высших учебных заведений. Исследователь отдаёт предпочтение статистическим методам работы с

Серова Е. Рецензия на кн.: Standard Setting in Education: The Nordic Countries in an International Perspective / Ed. by S. Blömeke, J. Gustafsson. Cham: Springer, 2017. 339 p. (Стандартизация образования: страны Северной Европы в международной перспективе / под ред. З. Блёмекке, Я. Густафссона) // Studia Humanitatis Borealis. 2017. № 1. С. 57-62.

информацией, но не исключает и обращение к латентно-классовому анализу в случае необходимости. С 2014 года по совместительству она также является директором Центра измерений в области образования. Исследования профессора педагогических наук Гётеборгского университета и Университета Осло Яна-Эрика Густафссона направлены на изучение проблем педагогической психологии и разработку моделей развития познавательных способностей человека. Кроме того, учёный вносит вклад в развитие количественной методологии, а также совсем недавно возглавлял правительственную комиссию по развитию школьного образования в Швеции.

Во введении авторы считают необходимым показать актуальность изучения проблемы разработки стандартов в области образования. Прежде всего, определение контрольных показателей на разных уровнях успеваемости позволяет выявить сильные и слабые стороны в системе школьного образования, повысить качество преподавания и обучаемости благодаря наличию обратной связи между структурами, формирующими политику и образовательными учреждениями. Авторы указывают на неотъемлемость критериев надежности (реliableности) и валидности в стандартизации образования, в случае же их игнорирования образовательная политика сталкивается с проблемой произвольного оценивания и, в результате, искажённой интерпретацией успеваемости некоторых учащихся.

За рубежом существует давняя традиция методологических исследований по установлению и применению стандартов в образовании, особенно в США. Примечательно, что эксперты приняли решение рассмотреть проблемные вопросы на примере стран Северной Европы, где, по их мнению, уделяется недостаточно внимания разработкам в данной области. Тем временем число национальных тестов в регионе ежегодно растёт, затрачивается большое количество времени и сил на составление и написание тестов при отсутствии как такового режима обратной связи. Центральное место в политической повестке дня занимает вопрос о поиске путей сглаживания серьезных проблем, вызываемых вследствие непродуманной стандартизации, например, нежелательных тенденций в педагогической практике.

По структуре своего содержания книга делится на три раздела. Коллектив авторов сосредоточивает внимание, главным образом, на методах оценивания результатов обучения и реализации системы оценивания, в частности рассматривает процедуры формативного и суммативного оценивания. Ссылаясь на множество исследований предшествующих лет, авторы представляют сугубо теоретизированный материал с аналитическими компонентами, что позволяет определить вызовы современной системе образования.

Во-первых, сегодня происходит дальнейшая децентрализация образования, что отражается на качестве образования, ведь оно в свою очередь находится в большой зависимости от решений муниципальных властей (например, муниципалитеты управляют 96% общеобразовательных школ в Финляндии). Во-вторых, выяснилось, что результаты национальных тестирований не являются востребованными среди школьных учителей как инструмент для совершенствования педагогической практики, что связано с разным характером ожиданий преподавателей, с одной стороны, и представителей государственной власти — с другой. В-третьих, наблюдается рост напряжённости по ряду вопросов, связанных с практикой оценивания между локальными сообществами (local communities of assessment practice) и общенациональными риторическими сообществами (nation-wide rhetorical community of assessment practice). В-четвёртых, немало внимания уделяется теме повышения цифровой компетенции учащихся и связанной с ней проблеме цифровой безопасности.

В первой главе представлен пласт информации из серии университетских учебников по методологии, однако, на более продвинутом уровне. Авторы достаточно ёмко суммируют опыт предыдущих работ по интересующей тематике, приводят свои точки зрения относительно традиционных методов установления стандартов и, можно сказать, перекидывают мостик к третьей главе книги, где речь идёт о внедрении новых методик.

Весьма необычным является замысел авторов, по которому вначале приводятся общие характеристики, которым должны соответствовать разработанные стандарты, затем подробнейшим образом освещаются традиционные методы стандартизации (метод Ангоффа, метод закладок, анализ матричных данных) и, наконец, в четвёртом разделе первой главы даётся определение, что собственно под стандартизацией следует понимать. Так, исследователи из Университета Гумбольдта Ханс Ананд Пант и Петра Станат трактуют процесс стандартизации как преобразование политических решений по установлению образовательных стандартов или критериев тестового прохождения в результате процедуры, определяемой экспертным суждением, интересами заинтересованных сторон и технической экспертизой.

Представляет определённый интерес интерполяция сюжета о результатах политики

Серова Е. Рецензия на кн.: *Standard Setting in Education: The Nordic Countries in an International Perspective* / Ed. by S. Blömeke, J. Gustafsson. Cham: Springer, 2017. 339 p. (Стандартизация образования: страны Северной Европы в международной перспективе / под ред. З. Блёмекке, Я. Густафссона) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 1. С. 57-62.

~~стандартизации образования в Германии. Авторы выявляют несоответствие целей национального тестирования (VERA) реальным достижениям. Так, несмотря на привлечение всех школ к обязательному участию в оценивании учеников третьих и восьмых классов в масштабах всего государства, результаты тестирования не вызвали никакой контрольной реакции или замечаний в адрес испытуемых. Более того, администрация ни одной из шестнадцати земель Германии не предоставила никаких рекомендаций учителям и директорам школ относительно того, как наилучшим образом преобразовать результаты в соответствующие учебные и организационные мероприятия. Как показывает практика, немецкие преподаватели в большинстве своём очень сдержанно относятся к эффективности государственного тестирования.~~

Наконец, авторы предпоследней части главы — норвежские исследователи Рольф Вегар Олсен и Труде Нильсен — анализируют международные тестовые исследования PISA и TIMSS, однако, предметом дискуссии являются отнюдь не сами результаты исследований, необходимые для управления качеством образования. Авторы ставят перед собой задачу выявить сходства и различия того, как исследования PISA и TIMSS устанавливают и в каком формате репрезентуют результаты измерений.

Авторы приходят к выводу, что в основу PISA заложена целевая установка на будущее, направленная на выявление необходимых знаний и компетенций для дальнейших исследований, карьеры и жизни в обществе в целом. TIMSS же стремится изучить учебный процесс с точки зрения его эффективности в рамках школьных классов, TIMSS не занимается отбором лучших и отсеиванием менее успешных учеников (как PISA), исследование не выходит за пределы школьной учебной программы. В дополнение к сравнительному обзору PISA и TIMSS авторы иллюстрируют недооцененную область процесса стандартизации, а именно природу и эмпирическую основу для выявления показателей уровня подготовленности (PLD).

Вторая глава посвящена процессу внедрения стандартов в национальные системы образования Дании, Швеции, Норвегии и Финляндии, что опять же могло бы выглядеть как сухое переложение фактов на канву истории, если бы не претворённые в жизнь исследовательские проекты как свидетельства позитивных и негативных тенденций в школьном образовании (например, проект «Стандарты как инструмент преподавания и оценивания письма» (NORMs project)). Более того, каждая часть главы завершается дискуссией, где эксперты, оперируя данными статистики, справедливо судят о неэффективности национальных тестов среди учащихся школ в небольших населённых пунктах по сравнению с крупными муниципалитетами.

Тон дискуссии задаёт профессор Гётеборгского университета Гудрун Эрикссон, которая делится своими наблюдениями в области развития шведской системы школьного образования, указывая на отсутствие у шведов как таковой традиции установления образовательных стандартов. Частично это объясняется тем, что на протяжении долгого времени преподаватели выполняли единственную самостоятельную роль в присуждении оценок учащимся, при этом было низведено до минимума определяющее значение обязательных экзаменов.

По словам исследователя, если сравнивать результаты национального тестирования и оценки, выставленные ученикам школьным учителем, то последние оказываются явно завышенными и отличаются большей стабильностью. В результате, нестабильность тестовых оценок приводит к низкой надёжности тестов.

Эта проблема шведского общества до недавнего времени оставалась без внимания экспертов: в марте 2016 года был опубликован двухтомный отчёт (800 страниц) под названием «Эквивалентная, справедливая и эффективная — новая система национального оценивания» («Equivalent, fair and efficient — a new system for national assessment»). В исследовании была предложена общая структура всех национальных тестовых испытаний, которая включала обязательное тестирование, методические материалы по национальному тестированию и систему оценивания.

Автор другой части главы — руководитель исследовательского проекта в Университете Умео Анна Линд Пантзаре — ставит вопрос о целесообразности использования национальных тестов при оценивании успеваемости учащихся. По мнению исследователя, может показаться абсолютно неестественным, что разработчики тестов в Швеции должны быть проинформированы о проходных баллах каждого уровня непосредственно перед тем, как ученики проходят тестирование. В данном случае исключается возможность внесения балльных корректировок после написания тестов. В других же странах проходные баллы устанавливаются после тщательного анализа результатов тестирования.

Примечательно, что исследователи Хельсинкского университета Мари-Паулиина Вайникайнен, Юкка Маръянен, Яркко Хаутамяки, Сиркку Купийайнен и Ристо Хотулайнен изучают схожие болезни финской системы школьного образования, говорят о несложившейся практике стандартизации и

Серова Е. Рецензия на кн.: *Standard Setting in Education: The Nordic Countries in an International Perspective* / Ed. by S. Blömeke, J. Gustafsson. Cham: Springer, 2017. 339 p. (Стандартизация образования: страны Северной Европы в международной перспективе / под ред. З. Блёмекке, Я. Густафссона) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2017. № 1. С. 57-62.

~~наличии единственно возможной интерпретации результатов освоения программы учащимися со стороны школьного учителя, поскольку в Финляндии проводится незначительное число контролируемых кем-либо тестирований.~~

Тем не менее, авторы создают положительный ореол своей школьной системе, подчёркивая, что сегрегация в финских школах остаётся наименьшей по сравнению с другими странами Северной Европы. На мой взгляд, именно это позволяет рассматривать идею инклюзивного образования в наиболее полном её проявлении. Справедливо заметить, что достижением последних лет является реализация трёхступенчатой модели поддержки инклюзивного образования в соответствии с Законом «О базовом образовании».

Наиболее детализированным представляется исследование проблем стандартизации образования в Норвегии. Кандидат социологических наук Идунн Селенд и доктор философии Элизабет Ховдхауген показывают, как изменялись приоритеты в норвежской системе образования. Так, в 1970-е гг. успеваемость учащихся была второстепенной по отношению к содержанию программы образования, а с конца 1980-х гг. фокус сместился с образовательных ресурсов к результатам освоения образовательных программ. Весьма интересно, что эволюция политики образования с учётом его реформирования в 2006 году не приводит к конкретизации целей национальных учебных программ.

Следует добавить, что сама по себе процедура внедрения национального тестирования (начиная с 2004 года) в систему образования в Норвегии вызвала череду протестов со стороны учителей и академических учёных. До сих пор существует проблема проведения тестирования в малонаселённых местностях (менее 3000 жителей проживает на территории каждого из 40% муниципалитетов страны), где результаты национальных испытаний могли бы составить карту для индивидуализации обучения в будущем, однако, это не является перспективным для развития общего школьного образования.

Наконец, проблема обучения мигрантов является актуальным вызовом для стандартизации образования. Надо признать, что в Норвегии были достигнуты определённые результаты: норвежские исследователи Эли Мо и Норман Верхельст сообщают о проделанной работе Норвежского агентства по обеспечению непрерывного образования (Vox). Ещё в 2011 году агентство разработало серию тестов для иммигрантов, главной заслугой разработчиков стал многоступенчатый языковой тест *Norskprøven*.

Анализируя политику в отношении мигрантов в Норвегии, эксперты отмечают, что всем беженцам доступны бесплатные курсы по изучению норвежского языка, а также по освоению социальных дисциплин. В 2014 и 2016 году возраст обучавшихся в этих группах колебался от 16 до 56 лет, и беженцы составляли 85% от их численного состава. По данным исследователей, больше всего в составе групп было беженцев из Эритреи, Сомали, Таиланда, Сирии, Филиппин, Афганистана, Эфиопии, Судана и Ирана.

В третьей главе освещаются новые методологические подходы к установлению стандартов, при этом авторы сочли необходимым ещё раз обратиться к сущности традиционных методов. По сравнению с предыдущими главами содержание третьей главы представляется наиболее трудным для понимания, поскольку акцент смещён к детализации процедуры функционирования методик, что сопровождается специфической лексикой. В этой связи авторы включили небольшой подраздел, в котором даются определения терминов и аббревиатур.

Анализируя характеристики традиционных методов разработки стандартов образования, научные сотрудники Статистического управления Нидерландов Хендрик Страат, Йос Кёнинг и Ремко Фескенс предлагают новый метод — прямой консенсус по управлению данными (*Data-Driven Direct Consensus (3DC)*), который сочетает в себе гибкость метода Ангоффа, эмпирическую точность метода закладок с минимальными временными затратами, а также ясность и эффективность. В целом же, новый метод принято позиционировать как вариацию прямого консенсуса.

Отдельный сюжет главы связан с рассуждениями ведущего кембриджского исследователя и члена Консультативного совета «*Digital Assessment Limited*» Аластейра Поллитта на тему использования профессионального суждения для соответствия стандартам экзамена. Учёный демонстрирует на четырёх примерах, как метод парных сравнений Луиса Терстоуна может использоваться для поддержания стандартов в тех случаях, где возникает больше всего сложностей, например, где требуется расширенный письменный ответ или устное выступление. По мнению эксперта, это особенно актуально для Великобритании, где процедуру разработки эталонов в образовании можно назвать пересмотром уже существующих стандартов.

Обращаясь к наследию британского химика Уильяма Фэриша, Поллитт по достоинству оценивает вклад учёного в науку и образование, отмечая его роль в становлении письменной университетской экспертизы и развитии количественной аттестации учащихся при помощи секретной маркировки и

Серова Е. Рецензия на кн.: Standard Setting in Education: The Nordic Countries in an International Perspective / Ed. by S. Blömeke, J. Gustafsson. Cham: Springer, 2017. 339 p. (Стандартизация образования: страны Северной Европы в международной перспективе / под ред. З. Блёмекке, Я. Густафссона) // Studia Humanitatis Borealis. 2017. № 1. С. 57-62.

~~суммирования. Таким образом, учёный XVIII века преодолел один из четырёх барьеров профессионального суждения — нарушение структуры (disorder). Среди других барьеров адекватного суждения Политт выделяет категоричность (severity), расхождения (different order) и дискриминацию (discrimination).~~

В завершающей части главы помимо очередного перечисления уже детально разобранных методов установления и применения стандартов в образовании, группа исследователей Лейбницкого университета сосредоточивает внимание на ещё одной важной проблеме — формировании представлений о способностях к приобретению научных знаний взрослым поколением и параллельная разработка стандартов оценивания имеющихся знаний. Исследователи справедливо утверждают, что в мире не существует ни опросов, ни тестирования, ни как таковых стандартов оценивания научной грамотности взрослых. Следовательно, представляется чрезвычайно сложным представить себе человека с минимальной научной грамотностью.

Безусловно, существуют некоторые исследования, например, Программа международной оценки компетенций взрослых (PIAAC), которые в основном направлены на получение информации о математической грамотности и грамотности в области чтения. Применительно к заявленной проблеме главным достижением можно считать реализацию первого в своём роде в Германии и на международном уровне Теста научной грамотности для взрослых (NEPS).

Книга рассчитана на научно-профессиональную аудиторию, занятую в педагогике и сфере образования, в области тестологии и психометрического анализа качества тестовых заданий. В целях лучшего усвоения материала, представленного на страницах монографии, большим преимуществом будет наличие специальных знаний в области математики, психологии и лингводидактики. Кроме того, авторы дают ценные советы по улучшению нынешнего состояния в сфере образования европейских стран, которые могут быть использованы государственными властями.

Рецензия подготовлена при выполнении проекта в рамках государственного задания Министерства образования и науки России 28.4306.2017/НМ «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества в сфере науки, образования, инноваций и молодежной политики Российской Федерации в северной и арктической зонах».

Список источников и литературы

1. The Nordic Countries in an International Perspective / Ed. by S. Blömeke, J. Gustafsson. Cham: Springer, 2017. 339 p.

2. Sigrid Blömeke // UiO [Electronic resource]. Oslo, 2017. URL: <http://www.uv.uio.no/cemo/english/people/aca/sigrib/>, свободный (Дата обращения 04.11.2017).

3. Jan-Eric Gustafsson // University of Gothenburg [Electronic resource]. Gothenburg, 2017. URL: http://www.gu.se/english/about_the_university/staff/?languageId=100001&disableRedirect=true&returnUrl=http%3A%2F%2Fwww.gu.se%2Fomuniversitetet%2Fpersonal%2F%3FuserId%3Dxgjanp&userId=xgjanp

**Review of the book Standard Setting in Education:
The Nordic Countries in an International Perspective
/ Ed. by S. Blömeke, J. Gustafsson. Cham: Springer,
2017. 339 p.**

**SEROVA
Ekaterina**

*4rd year student of History of International Relations,
Department of World History, Political Science and
International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, midav1996@mail.ru*

Рецензия на кн: Ranki S. Strateginen johtaminen suomalaisissa korkeakouluissa (Стратегическое управление в вузах Финляндии). 2016.

**КИЛИН
Юрий
Михайлович**

*доктор исторических наук,
заведующий кафедрой зарубежной истории,
политологии и международных отношений,
Институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, kilinyuri@mail.ru*

Аннотация:

https://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/99139/strateginen_johtaminen_2016.pdf?sequence=1

© 2017 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 16 декабря 2017 года

Небольшая 116-страничная монография «Стратегическое управление в вузах Финляндии» принадлежит перу признанного финского специалиста в этой области Синимарии Ранка, возглавившей в ноябре 2010 году управление стратегии и коммуникаций Хельсинского университета прикладных наук Метрополия (Helsinki Metropolia University of Applied Sciences), созданного за два года до этого. Ранее С. Ранки занимала пост советника по стратегии.

В 11 небольших по объему разделах монографии последовательно освещаются текущее состояние и изменения внешней среды, к которым должны адаптироваться учреждения высшего образования, современное состояние теории проблемы, вопросы конкуренции на национальном и международном уровне, сущность стратегического управления, а также его содержание, процесс, достижение успеха и контроль, принятие корпоративной стратегии как образца для стратегического планирования, отношения между вузами и Министерством образования и культуры Финляндии, стратегическое управление будущим и проистекающее из него повышение конкурентоспособности финской высшей школы в глобальном масштабе.

Попытаемся кратко изложить концепцию, содержание и аргументацию автора, учитывая полярно противоположные точки зрения академической и политической общественности в отношении стартовавшей в 2010 году реформы финской высшей школы (фин. – yliopistouudistus) и ее промежуточных результатов. Для понимания накала страстей в финском обществе по проблеме реформы процитируем преподавателя социологии из университета Восточной Финляндии Антеро Пухакка, автора статьи «Университеты на гибельном пути», опубликованной в феврале 2016 года: «В Финляндии уже давно клянутся именем высоких компетенций. Университеты считаются ключевым фактором в производстве нового знания. Складывается мнение, что теперь все по другому. Не будет преувеличением сказать, что никогда прежде в Финляндии не было правительства, столь враждебно относящегося к образованию, просвещению и научным исследованиям» [2].

Мнение противоположного полюса общественного мнения представлено панегирической речью, произнесенной председателем главной буржуазной партии Финляндии, Национальной коалиции, одним из инициаторов реформы высшей школы Юрки Катайненом в марте 2009 года в Хямеенлинне и адресованной сопартийцам: «Университетская реформа. Это – фантастическая реформа. Совершенно блестящая реформа. Это лучшее, что произошло с финской высшей школой со времени формирования университетской системы». Эпиграфом к монографии служит выдержка из интервью безымянного ректора одного из финских университетов: «до реформы работа ректора была необременительной, было

много денег. Не было стратегии» [4].

Монография С. Ранка представляет собой краткое изложение результатов исследования «Стратегическое управление в вузах Финляндии», ее целью было, используя теории стратегического руководства, определить, какая концепция стратегического управления в настоящее время используется в финских вузах, и какой видится ее будущее с тем, чтобы она наиболее эффективно способствовала достижению успеха финской высшей школы. Почва для перехода к стратегическому управлению, по мнению С. Ранка, была подготовлена начатой в 2010 году реформой высшего образования и проведенной в 2014–2015 годах в Финляндии реформой университетов прикладных наук[1] [3; 9].

Источниковой основой исследования стали интервью автора с руководителями финских вузов. Интервью были проведены с ректорами или заместителями ректоров девяти классических (многопрофильных) университетов и девяти университетов прикладных наук, а также с одним канцлером, двумя членами ректоратов, тринадцатью председателями или членами советов университетов, пятью чиновниками Министерства образования и культуры – в общей сложности было взято 37 интервью. Выбор учреждений высшей школы определялся стремлением представить университеты различного типа, включая их географическое расположение, организационную модель и направления подготовки. Председатели и члены университетских советов были выбраны таким образом, чтобы среди них были люди с опытом предпринимательства и без него.

В центре внимания автора находится связь между самостоятельным стратегическим планированием вузов и стратегическим руководством, которым занимается Министерство образования и культуры в соответствии с правительственной программой. Анализ правовых актов, правительственной программы, условий переговоров по выработке договоров о результатах[2] (контрактах), по мнению автора, позволяет относительно легко установить наличие признаков использования государством корпоративных стратегий, хотя вузы и являются независимыми юридическими лицами и самоуправляемыми (автономными) организациями. В ходе интервью выяснилось, что наибольшее число противоречий, возникших в ходе проведения реформы, появилось в понимании связи между самостоятельностью вузов и управляющим воздействием Министерства образования и культуры, что характерно как для руководителей вузов, так и для чиновников министерства [3; 13–14].

В разделе «Управленческий ландшафт вузов изменился» констатируется первенство в разработке концепции стратегического управления вузами ученых США, где первые публикации по этой теме появились еще в начале 1970-х годов, а в Европе ее отдельные элементы в управлении европейскими вузами стали применяться лишь в 1990-х и первом десятилетии 21 века в связи с переходом к модели экономического роста, основанной на знаниях[3], что «развернуло маяк в сторону высшей школы». Ведь основанная на знаниях экономика, по мнению автора, «создает положительную спираль: по мере накопления знания увеличивается производительность труда, порождая экономический рост, который, в свою очередь, повышает уровень жизни, в результате чего люди могут позволить себе получение образования, а у общества для этого есть средства». Внимание к высшей школе возросло в 1990-х годах, когда ОЭСР и Еврокомиссия стали подчеркивать значимость основанной на знаниях экономической модели для развитых стран, а Всемирный банк – для стран развивающихся, что и явилось триггером для реализации реформы высшей школы в Европе и в глобальном масштабе. В государствах Евросоюза движение в этом направлении с целью увеличения конкурентоспособности и придания динамизма экономике было запущено в рамках Лиссабонского процесса в 2000 году. С середины 1990-х годов в странах ЕС приступили к реформированию высшей школы, особенно активно – в первом десятилетии 21 века.

Общим для этого процесса было придание учреждениям высшей школы самостоятельности в решении вопросов финансирования и управления, а также укрупнение путем слияния небольших вузов одинакового профиля и усиление взаимодействия между высшими учебными заведениями и остальным обществом, чему, по мнению разработчиков реформы, препятствовал прежний государственный статус вузов. Движение в этом направлении в Финляндии началось с опубликованного Государственным научно-технологическим советом в 2003 году доклада о воздействии глобализации на конкурентоспособность. Для сохранения конкурентоспособности Финляндии, в основе которой лежал высокий уровень образования и квалификации населения страны, было предложено приступить к процессу интернационализации финской науки и высшей школы. Основным выводом почти пятидесяти итоговых рекомендаций совета стала констатация количественной достаточности финской системы высшего образования относительно численности населения и востребованности высшего образования и необходимости в качественном росте, повышении конкурентоспособности и выбора стратегических

целей роста [3; 16–18][4].

С этой целью в 2010 году по инициативе правительства была проведена реформа классических университетов, а в 2014 и 2015 годах двухэтапная реформа (технических/профессиональных) университетов прикладных наук. В новой схеме отношений государство – вуз, несмотря на автономный статус университетов, ключевое значение имеет двустороннее соглашение, содержащее такие принципы как необходимость создания в Финляндии конкурентоспособных в научных исследованиях на международном уровне сильных объединенных вузов, обновление на этой основе учебных программ, позволяющих улучшить качество обучения, что, в свою очередь, должно способствовать усилению экономического роста, основанного на знаниях. Исходя из этого, университеты финансируются[5] с учетом «производства» нового знания, что на практике означает увеличенное финансирование за счет бюджетных средств университетов, показывающих «продуктивность» выше среднего. Эта модель подразумевает жесткую конкуренцию вузов за государственное финансирование, поскольку для его увеличения необходимо не только улучшать собственные результаты, но и результаты в сравнении с другими вузами, в чем им и может помочь стратегическое управление [3; 18–19].

В разделе «Кратко о современном состоянии теории стратегического управления» отмечается, что эти теории получили развитие как ответвление науки о бизнесе в США в условиях высокой неопределенности экономической среды после Второй мировой войны, и с течением времени эта отрасль экономической науки быстро росла вслед за все убыстряющимися изменениями экономической среды для предприятий, а начало ее взрывного роста пришлось на 1990-е годы. Проанализировав весьма сложную эволюцию развития теории стратегического управления, сведенную автором в одну схему [3; 24], С. Ранки приходит к выводу, что фактором, отличающим стратегическое управление от других видов управления, является «конкурентное преимущество» [3; 25].

Суть старой модели стратегического управления представлена ею в упрощенном виде следующим образом: руководство составляет стратегические планы, доводимые до сведения персонала, который должен понять их, взять обязательства по исполнению, добиться значительных результатов, отслеживаемых и сравниваемых с планами руководства. В современной теории стратегического управления в планы добавляются измерения коммуникации и психологии, позволяющие задействовать внутренний потенциал хозяйствующего субъекта, используя инструменты диалога руководства и персонала, порождающего взаимопонимание и взаимообучение, для чего требуется создать атмосферу доверия, основанную на взаимном уважении, увеличивающую производительность труда в такого рода «самообучающейся» организации. В стратегическом планировании для вузов особый интерес представляет положительное видение выполняемой миссии работниками всех структурных подразделений, позитивная коммуникация, качество принимаемых решений и взаимодействие подразделений. При этом руководство вуза должно решать трудную задачу совмещения достижения общих коллективных целей и обеспечения автономности труда преподавателей с целью повышения их самоотдачи, которая может уменьшиться в случае выдвижения требований, нарушающих автономность работников, что в худшем случае может привести к общему снижению производительности [3; 27–28].

В разделе «Внешняя среда» отмечается, что с точки зрения университетов самой значимой характеристикой среды, в которой они действуют, являются непоследовательная политика государства в области высшего образования и сокращение бюджетного финансирования. Эта тема была господствующей во взятых автором интервью. Все кроме одного из председателей советов университетов начинали с этого ответ на вопросы блока «Внешняя среда». Наиболее характерными были высказывания о «сильном шоке», испытанном по причине «снижения оценки важности науки и образования», о «перманентном изменении политики в области высшего образования», «сильном давлении», сокращении ресурсов и росте конкурентной борьбы между университетами, курсе государства «только на сокращение финансирования», «быстром изменении к худшему в бюджетных делах».

Опрошенные также отмечали явное несоответствие между возлагаемыми на вузы задачами по выходу на глобальный рынок образования и состоянием финской экономики, особенно сокращением бюджетных средств для вузов, что не способствует решению задачи по выводу страны из затянувшегося экономического кризиса и выходу на траекторию развития. «Возникает впечатление, что руководство страны не оказывает нам той духовной поддержки, которую мы заслуживаем». Отмечается, что «университеты были оставлены вариться в собственном соку», а призывы государства к профилизации/специализации не сопровождаются предоставлением необходимых инструментов для достижения этой цели, как нет и стимулов для этого. Все модели финансирования приводят лишь к тому, что «никому нет дела», «как будет достигнут результат». Проанализировав ответы, С Ранка

задает вопрос: как воспринимается в Финляндии ситуация, в которой друг с другом глобально конкурируют вузы, в условиях, когда определяющими факторами их деятельности стали непоследовательная государственная политика в области высшего образования и сокращение финансирования? [3; 31–35].

В разделе «Конкуренция: в чем и с кем конкурируют вузы» констатируется, что только один ректор считает, что финские вузы конкурируют на глобальном уровне с другими международными вузами в обучении и проведении научных исследований, в том числе за лучших преподавателей и средства на проведение исследований. Абсолютное большинство опрошенных считает, что конкуренция в финских условиях ограничивается национальными рамками и означает борьбу университетов за государственное финансирование, лучших выпускников школ и преподавателей. Жесткая конкуренция в ситуации сокращающегося финансирования ставит вопрос о сочетании конкуренции и сотрудничества. Мнения о значении конкуренции разделились. Часть опрошенных считает, что взаимное доверие между университетами уже в какой-то степени утрачено. Другие отметили положительный эффект конкуренции за бюджетное финансирование, так как конкурирующие стороны разрабатывают выгодные модели сотрудничества с учетом этого фактора, побуждаемые к этому негативными экономическими прогнозами, а не взаимной конкуренцией. Автор завершает раздел вопросом: в условиях, когда финские вузы в основном конкурируют между собой за бюджетное финансирование и другие ресурсы, что означает стратегическое управление в финской внешней среде, больше защищенной от глобальной конкуренции, чем в других странах, с учетом того, что «положительная дифференциация» [6] вузов является отправной точкой стратегического планирования [3; 36–38]?

В разделе «Что представляет собой стратегическое управление в высшей школе» анализируются ответы на этот вопрос: представители классических вузов считают важным элементом стратегического управления определение сильных направлений исследований на основе показателей качества, а также участие всего коллектива в развитии вуза. 19 вариантов ответов руководителей университетов прикладных наук не позволили автору выделить из них главные элементы стратегического планирования.

Часть опрошенных заявила, что стратегическое планирование для них не является новшеством, впрочем, признав в дальнейшем, что составлявшие в прошлом стратегии развития их университетов остались пылиться в шкафах без попыток реализовать запланированные мероприятия. Современные же стратегии планомерно реализуются, поскольку новая система управления упрощает процесс принятия решений. Сначала происходит выделение сильных направлений в вузе, а также имеющих перспективы стать таковыми, затем идет поиск средств для достижения поставленных целей и определяется способ их «тотальной реализации». Такой алгоритм действий отличает эффективное стратегическое управление от составления стратегий в силу их модности [3; 39–40].

В разделе «Стратегия высшей школы: содержание, процесс, достижение успеха и контроль» автор задает пять вопросов:

- из чего состоит стратегия высшей школы (ректоры);
- из чего складывается конкурентные преимущества (ректоры и председатели советов);
- что собой представляет процесс выработки стратегии (ректоры);
- что определяет успешность стратегии (ректоры и председатели советов);
- как контролируется реализация стратегии (ректоры и председатели советов).

По мнению ректоров классических вузов, центральным элементом стратегии является выявление передовых направлений исследований, что делается на основе достигнутых показателей публикаций и внешнего финансирования. Ректоры также подчеркивали состоявшийся отход от характерного для прежних времен кафедрального способа мышления, подчеркивая значение стратегии фокусирования, мультидисциплинарности и тематической концентрации в условиях ограниченности ресурсов. По мнению многих ректоров, в новой стратегии учитывается большая открытость университетов для общества таким его ожиданиям как предпринимательские компетенции, инновационная работа и применимость полученных знаний, а также отношение к обучающимся.

Имевшие опыт предпринимательства председатели советов вузов полагают, что стратегия определяет конкурентные преимущества учреждения высшей школы. Члены советов, в свою очередь, выделяли репутацию университета, формирующуюся на основе достигнутых результатов в научных исследованиях и обучении высокого международного уровня. Мнение ректоров о конкурентных преимуществах было менее определенным, и, как считают некоторые из них, к ним относятся порождающая новое знание мультидисциплинарность, международные контакты, значительное

самофинансирование, сотрудничество с местными политическими кругами и качество. Ректоры, считающие, что конкуренция носит не национальный (борьба за бюджетное финансирование), а международный характер, к преимуществам отнесли репутацию вуза, решительный выбор сильных направлений научных исследований и обучения, наличие критической массы компетентного капитала, исследовательскую инфраструктуру и экосистему, а также возможности трудоустройства в Финляндии для обучающихся в финских вузах студентов из стран Евросоюза [3; 44–49].

Согласно интервью, разработка стратегий ведется широким фронтом с задействованием больших ресурсов, к участию приглашается все университетское сообщество с организацией семинаров и онлайн-инструментов. Во многих случаях использовался итеративный подход, и разработка стратегий продолжалась многие месяцы, в отдельных случаях даже год. Опыт показал, впрочем, что несмотря на огромный размах работы, в ее ходе предлагалось мало новых идей.

Главным условием успешности разработанной стратегии все ректоры классических университетов считают взаимопонимание, заинтересованность и мотивацию всего университетского сообщества, в результате чего в вузе может возникнуть предусмотренная теорией «идеальная внутренняя управленческая ситуация». Элементом стратегического управления и условием его успешной реализации было также названо активное использование стратегии в качестве рабочего инструмента управления и принятия решений. По мнению ректоров классических университетов, разбивка стратегии на мероприятия с графиком их выполнения и назначенными ответственными лицами является новой очень эффективной операционной моделью, так же как и бюджетное и ресурсное планирование для реализации стратегических мероприятий.

Ректоры университетов прикладных наук несколько иначе оценивают стратегию высшей школы, считая, что необходимость в ее разработке проистекает из будущих потребностей рынка труда, что определяет индивидуальный выбор конкретного университета. Многие из опрошенных полагают, что разработкой стратегии должно заниматься руководство вуза, способное формулировать видение будущего, опираясь, впрочем, на реалии самого учреждения высшего образования и компетенции коллектива. По мнению членов советов университетов прикладных наук, конкурентным преимуществом является качественное обучение и основанная на этом репутация, ректоры же выделяют такие преимущества как сильные студенты, высококвалифицированные эксперты и преподаватели, а также монопольное положение на рынке образовательных услуг.

Отличие от классических университетов заметно и в организации процесса разработки стратегий – в университетах прикладных наук в процесс широко вовлечены внешние заинтересованные стороны: представители делового мира, высказывающие пожелания о необходимых в будущем компетенциях выпускников, учитываются также стратегии развития территориально-административных единиц, провинций. Процесс разработки стратегии также отличается от классических университетов большей ролью руководства вузов и меньшей – персонала. Успех стратегии решающим образом зависит от систематической реализации поставленных задач. По мнению всех опрошенных руководителей, исходным пунктом успеха стратегии является ректор и его управленческие способности и способность повести за собой коллектив. Задачей же совета является мониторинг реализации заложенных в стратегии целей, включая оценку морального климата внутри коллектива для создания обратной связи [3; 50–58].

В разделе «**Внутренний управленческий ландшафт университета**» С. Ранка формулирует суть новой модели стратегического управления: в ней основанная на анализе стратегия, внутриуниверситетская дискуссия о стратегии, преданность работе и атмосфера взаимного уважения образуют неразрывное единство. В системе управления университетом, по мнению многих ректоров, центральную роль играет среднее звено [3; 60–61].

В разделе «**Корпоративная стратегия как модель стратегического управления**» рассматривается проблема контроля учреждений высшего образования со стороны Министерства образования и культуры, основным инструментом которого являются переговоры по заключению договоров о результатах/контрактов, в ходе которых происходит согласование мероприятий каждого отдельно взятого вуза для достижения общих целей и задач, согласование целей вузов, необходимых мер и бюджетного финансирования. Таким образом, в управлении университетами, которые не являются в правовом отношении корпорациями, и самостоятельно отвечают за свое экономическое положение и деятельность, в достижении целей правительственной программы и системе переговоров по заключению договоров/контрактов, заметны черты корпоративной модели.

В условиях государственного финансирования высшей школы государство выступает в роль корпорации, с точки зрения которой вузы являются бизнес-единицами. Государство управляет своей

«портфельной инвестицией», высшей школой, посредством законодательных актов и выдачи лицензий на ведение образовательной деятельности. Государство может и должно решать, сколько и каких по размеру университетов оно желало бы иметь в своем «инвестиционном портфеле»; какова стратегическая роль каждого из университетов в системе высшего образования, и после разработки стратегии каждым из вузов, определить его конкурентные преимущества в сравнении с другими вузами.

В современной политической дискуссии о финской высшей школе подчеркивается необходимость структурного развития и специализации вузов, разделения труда и сотрудничества с целью создания конкурентоспособных научно-образовательных центров. В ходе переговоров о заключении договоров о результатах/контрактов вузы должны представить Министерству образования и культуры данные о направлениях исследований, соответствующих по качеству лучшему международному уровню, а также значимых в национальном масштабе областях. Как замечает С. Ранки, с точки зрения теории стратегии, вопрос заключается в определении состава «портфеля». Так, Министерство образования и культуры в ходе двухсторонних переговоров на основе правительственной программы определяет целевые показатели высшей школы на следующий период, что означает подчиненность вузовской стратегии Министерству, которое должно ее одобрить. В ходе переговоров Министерство, например, может обратить внимание руководства вуза на слабые секторы и структурные подразделения, нуждающиеся в «критической оценке». Главным элементом государственного контроля высшей школы является ориентированная на продуктивность модель ее финансирования, последняя версия которой была утверждена на расширенном заседании Государственного совета 29 апреля 2016 года. В новой модели увеличивается доля финансирования на реализацию стратегических целей финских университетов для стимулирования реализуемых и будущих программ развития. Кроме того, Министерство контролирует состояние бюджета и платежеспособность высших учебных заведений [3; 64–68].

В разделе **«Связь между стратегией и преподаванием высшей школы и контролем министерства»** указывается, что по мнению Министерства образования и культуры цель финской высшей школы заключается в позиционировании на международном уровне, в чем наиболее очевидна разница в подходах чиновников министерства и ректоров: первые полагают, что финские университеты ведут конкурентную борьбу на международном уровне, вторые считают, что в конкуренцию вузы вступают между собой на национальном уровне.

Как отмечалось выше, главную роль в контроле министерством высшей школы играет модель финансирования, поскольку государственное бюджетное финансирование составляет большую часть финансовых средств вузов. Чиновники министерства убедились в эффективности последовательной реализации стратегического управления вузами, которую можно оценить используя инструменты модели финансирования. Впрочем, было замечено, что внедрение этой модели в отдельных подразделениях быстро приводит к частичной оптимизации, а не к максимально возможному результату. Опрошенные чиновники отметили особую роль диалога между министерством и вузами в согласовании целей правительственной программы и университетских программ стратегического развития, в ходе которого до руководства высших учебных заведений доводится имеющаяся у министерства информация для формирования общей картины, с тем чтобы вузы могли определить свое место в общей расстановке. В диалоге рождается общее понимание ситуации, которое затем, в частности, превращается в усиление межвузовского взаимодействия, а также появление новых университетов.

Мнения ректоров и председателей советов о связи между стратегией самоуправляемых вузов и контроле со стороны министерства, о модели финансирования и отношении к диалогу с министерством разделились. Две трети ректоров считают министерский контроль неэффективным или противоречивым, остальные нейтрально заметили, что контроль необходимо принимать во внимание при составлении стратегий. Только один ректор выразил удовлетворение контролем, отметив, что «на самом деле никакого контроля и нет». Вместе с тем, критике в основном подвергалось усилившееся значение государственных политических решений в отношении высшей школы, что вызвало озабоченность сохранением автономии вузов и пожелание, чтобы министерство играло более активную роль в обсуждении вопросов высшей школы на политическом уровне.

Серьезной критике руководителей вузов подверглась существующая модель финансирования, не подходящая для передовых вузов и порождающая излишнюю бюрократию в распределении средств «малыми порциями». Модель не поощряет внедрение стратегического мышления и не способствует дальнейшему развитию специализации вузов. Доля выделяемых министерством по «стратегическим»

статьям средств слишком незначительна, ее связь с результатами работы вуза слаба, и университеты начинают придавать особое значение тем индикаторам, по которым получают бюджетное финансирование, что нивелирует стратегический подход к развитию. Полезные и необходимые изменения в университетах не финансируются в этой модели, а индикаторы отражают преимущественно научные исследования и образовательную деятельность; вместо стратегического использования средств проводится политика выравнивания. Проблемы в целом положительно оцениваемого диалога Министерства образования и культуры и учреждений высшего образования руководители вузов считают недостаточную степень открытости и прямоты, предлагая расширить круг участников за счет членов правительства особенно при обсуждении вопросов специализации вузов [3; 71–80].

В разделе **«Будущее стратегического планирования в высшей школе»** на основе интервью излагаются два варианта развития стратегического планирования – постепенное совершенствование существующей модели и ее радикальный пересмотр. В обоих случаях руководители вузов ожидают, что государство станет проводить более предсказуемую политику в сфере высшего образования и политики наконец-то определятся с видением того, что они хотят от системы высшего образования. На этой основе министерство сможет сформулировать национальную стратегию в этой области, поставив цели и задачи всем высшим учебным заведениям и определив шаги в их реализации, включая вопросы финансирования. Эта работа должна проводиться в духе конструктивного сотрудничества с вузами методом прямого и открытого диалога. По мнению одного из опрошенных, министерству следует сконцентрироваться на решении задач более высокого уровня, а университеты самостоятельно смогут решить вопросы исследований и образовательной деятельности при условии адресного финансирования, необходимого для развития специализации.

Часть опрошенных обрисовала будущее, которое разрывает с текущей практикой, предлагая радикальные изменения, в результате которых вузы превратятся в «сеть специализированных экосистем». По мнению сторонников радикального изменения «ландшафта высшей школы», на будущее высшей школы оказывают влияние ускоряемые цифровизацией вызовы неопределенности будущего, увеличение его сложности и распределенное производство нового знания посредством сетей. Это направление развития разрушает географическую структуру университетов и привычное обучение в учебных аудиториях, обостряет вызываемую глобализацией международную конкуренцию как между университетами, так и национальными экономиками. Поскольку производство нового знания и доступ к нему осуществляется сетевым образом, вузы должны предложить способ привлечения студентов и исследователей для работы в конкретном университете, который может предложить нечто недоступное в сети. Таким способом привлечения может стать некая динамичная экосистема в одной из областей компетенции, что и станет конкурентным преимуществом вуза. В этом случае в нем концентрируются лучшие кадры, в экосистеме создаются предприятия и исследовательские учреждения, осуществляющие взаимовыгодное сотрудничество и организующие производство новых продуктов на основе научных разработок. Лучше всего эту мысль выразил один из опрошенных: «раньше университет был местом, где находилось знание и куда человек приходил на встречу с ним. Теперь знание находится в интернете и единственная привлекательность университета заключается в работающих в нем людях, как в обучении, так и в исследованиях. Значение экосистем неизмеримо вырастет в будущем, потому что их нельзя перенести в другое место, в то время как почти все остальное можно» [3; 84–92].

В разделе **«Глобальная перспектива: управление финской высшей школой как фактор конкурентоспособности»** анализируется влияние глобализации и быстрого роста экономики, науки и образования в новых быстро растущих экономиках на состояние высшего образования в мире, Европе и Финляндии. Конкуренция в этой области быстро растет, и две трети университетов мира считают интернационализацию высшего образования важным фактором, влияющим на управление вузами, у трех четвертей университетов разработана или находится на стадии разработки стратегия с учетом интернационализации, имеющая целью повышение качества обучения для привлечения студентов из-за рубежа. Внешняя среда для высшей школы постоянно усложняется, характеризуясь трудной прогнозируемостью и динамичностью. В этих условиях акцент делается на способности руководства вуза принимать смелые решения, корректировке мышления и способов действия, понимание динамики мировой экономики и мегатрендов для поиска своей области знания мирового уровня, в чем большое значение имеет стратегическое руководство, рассматриваемое как фактор конкурентоспособности.

С. Ранка отмечает влияние финансового кризиса на высшую школу: повсеместное сокращение бюджетного финансирования, требование со стороны государственных властей повысить

эффективность и продуктивность сектора высшего образования, улучшить качество обучения и научных исследований. В мировом масштабе высшая школа реагировала на усиление компетентностной конкуренции в условиях ухудшения экономического положения по-разному. Многие вузы избрали стратегию выживания, сократив расходы и масштабы деятельности в ожидании экономического роста и прежнего бюджетного финансирования: произошло сокращение персонала, расходов на пополнение библиотечного фонда и зарубежные командировки, качество обучения и научных исследований было снижено. Другая стратегия заключалась в определении стратегических целей, концентрации ресурсов в избранных областях, увеличении эффективности, привлечении лучших выпускников школ и поиске новых бизнес-моделей для наполнения бюджетов. В современном же глобальном мире значение стратегического управления высшим образованием в целом и отдельными вузами постоянно растет и, как отмечает С. Ранка, в новых условиях представляет собой специфическую профессию, требующую новых компетенций и постоянного повышения квалификации. Концепция стратегического управления в настоящее время находится на ранней стадии своего развития. Главной мыслью проведенного исследования является вывод о необходимости провести дискуссию с участием руководства вузов и Министерства образования и культуры о согласовании стратегий отдельных университетов и стратегии всей высшей школы Финляндии.

Для достижения этой цели необходимо сделать четыре шага:

1. Политики должны разъяснить связь между государственной политикой в области высшего образования и стратегическим контролем со стороны Министерства образования, с одной стороны, и стратегией самоуправляемой высшей школы, с другой. Используя терминологию теории стратегии, политикам следовало бы разъяснить свою корпоративную стратегию в отношении высшей школы.
2. Развитию и использованию концепции стратегического управления учреждениями высшей школы способствовало бы использование государственными органами корпоративной стратегии, а также продвижение дискуссии о стратегии и ее коммуникативных аспектах.
3. На уровне университетов следует развивать концепцию стратегического управления, правильно определив свое положение в системе высшей школы, используя результаты научных исследований в этой области, воспринимая опыт других вузов. На этой основе вузы могут формировать стратегическое мышление.
4. Для поддержки развития стратегического управления на уровне всей высшей школы можно было бы разработать образец общенациональной программы и, используя лучшие теоретические разработки, на этой основе создать концепцию, которая наилучшим образом служила бы финской высшей школе [3; 99–107].

Подведем итог. В рецензируемой монографии представлен весьма объективный анализ отношения руководителей финских вузов к реализуемой с 2010 года в Финляндии реформе высшей школы, не завершенной и до настоящего времени. В сравнении с российскими вузами финская высшая школа имеет более продолжительный опыт реформирования, как сугубо положительный, так и весьма негативный. Внешнее сходство реформ, реализуемых в государствах-соседах по универсальным мировым лекалам, не должно вводить в заблуждение и вызывать потребность в слепом копировании финской модели, сколь бы успешной или провальной она ни была, как не следует и полностью игнорировать этот опыт. В реформировании высшей школы финны успели добиться больше успехов и совершить больше ошибок в сравнении с российской высшей школой. Из текста рецензии ясно, какой опыт следует заимствовать, и какой надо отвергнуть.

Рецензия подготовлена при выполнении проекта в рамках государственного задания Министерства образования и науки России **28.4306.2017/НМ** «Исследование и информационно-аналитическое обеспечение процессов и мероприятий в рамках многостороннего и двустороннего сотрудничества в сфере науки, образования, инноваций и молодежной политики Российской Федерации в северной и арктической зонах».

Список литературы:

1. Кадир А. Высшее образование, глобальные правители и эпистемическое управление // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 27–31. URL: <http://sthb.petrus.ru/journal/article.php?id=3142>, свободный (Дата обращения 10.12.2017).
2. Puhakka A. Yliopistot turmion tiellä // KansanUutiset. 7.2.2016. URL:

- <https://www.kansanuutiset.fi/artikkeli/3499665-yliopistot-turmion-tiella>, свободный (Дата обращения 10.12.2017).
3. Ranki S. Strateginen johtaminen suomalaisissa korkeakouluissa. 2016. URL: https://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/99139/strateginen_johtaminen_2016.pdf?sequence=1, свободный (Дата обращения 10.12.2017).
4. Lappalainen T. Kuinka yliopistouudistuksesta tuli kaikkien aikojen fiasko? // Suomen kuvalehti. 30.10.2012. URL: <https://suomenkuvalehti.fi/jutut/kotimaa/kuinka-yliopistouudistuksesta-tuli-kaikkien-aikojen-fiasko/>, свободный (Дата обращения 10.12.2017).

References

1. Cadir A. Higher education, the global governors, and epistemic governance [Vyshee obrazovanie, global'nye praviteli i epistemicheskoe upravlenie] // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 27–31. URL: <http://sthb.petrus.ru/journal/article.php?id=3142> (accessed 10 December 2017).
2. Puhakka A. Yliopistot turmion tiellä // KansanUutiset. 7.2.2016. URL: <https://www.kansanuutiset.fi/artikkeli/3499665-yliopistot-turmion-tiella> (accessed 10 December 2017).
3. Ranki S. Strateginen johtaminen suomalaisissa korkeakouluissa. 2016. URL: https://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/99139/strateginen_johtaminen_2016.pdf?sequence=1 (accessed 10 December 2017).
4. Lappalainen T. Kuinka yliopistouudistuksesta tuli kaikkien aikojen fiasko? // Suomen kuvalehti. 30.10.2012. URL: <https://suomenkuvalehti.fi/jutut/kotimaa/kuinka-yliopistouudistuksesta-tuli-kaikkien-aikojen-fiasko/> (accessed 10 December 2017).

[1] В литературе для перевода финского термина ammattikorkeakoulu (в буквальном переводе – высшая профессиональная школа) также используются названия «профессиональный институт», «политехнический университет», общепринятого варианта названия в русском языке нет.

[2] Аналог государственного задания вузов Российской Федерации.

[3] Критический анализ этой модели представлен в новой публикации: Кадир А. Высшее образование, глобальные правители и эпистемическое управление // Studia Humanitatis Borealis. 2016. № 2. С. 27–31. URL: [.http://sthb.petrus.ru/journal/article.php?id=3142](http://sthb.petrus.ru/journal/article.php?id=3142)

[4] Стратегические цели и способы их достижения сформулированы в правительственной программе на 2017–2020 годы, принятой в 2015 году правительством Юха Сипиля.

[5] В 1995–2010 годах 96% расходов университетов финансировались из общественных средств, государственных и муниципальных бюджетов.

[6] Означает ранжирование вузов в соответствии с достигнутыми успехами, от чего зависит объем бюджетного финансирования.

Review of the book Ranki S. Strateginen johtaminen suomalaisissa korkeakouluissa 2016.

**KILIN
Yuri**

*Doctor of Historical Sciences,
Head of the Department of World History, Political
Science and International Relations,
Institute of History, Political and Social Sciences,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia, kilinyuri@mail.ru*

Summary:

https://tampub.uta.fi/bitstream/handle/10024/99139/strateginen_johtaminen_2016.pdf?sequence=1